Лариса Рубальская
Сергей Литвинов
Анна Берсенева
и другие

Мой лучший Новый год

новогодняя комедия

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В календаре есть особая дата, объединяющая всех людей нашей страны от мала до велика. Единый порыв заставляет их строгать оливье, закупать шампанское и загадывать желания во время боя курантов. Таково традиционное празднование Нового года. Но иногда оно идет не по привычным канонам. Особенно часто это случается у писателей, чья творческая натура постоянно вовлекает их в приключения. В этом сборнике – самые яркие и позитивные рассказы о Новом годе из жизни лучших современных писателей.

- Сборник
  -
  - Лариса Рубальская
  - Сергей Литвинов
  - Анна Матвеева
  - Татьяна Веденская
  - Анна Берсенева
  - Владимир Сотников
  - Игорь Савельев
  - Мария Воронова
  - Наталья Калинина
  - Юлия Набокова
  - Максим Матковский
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
  - Ирина Муравьева
  - Валерий Бочков
  - Евгения Перова
  - Александр Староверов
  - Антон Чиж
  - Мария Садловская
  - Влада Юрьева
  - Лариса Райт

- Екатерина Неволина
- Татьяна Алюшина
- Елена Нестерина
- Олег Жданов
- Евгений Попов
- Лев Трахтенберг
- Марина Крамер

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19

Сборник
Мой лучший Новый год

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Рубальская Л., 2018
© Литвинов С., 2018
© Матвеева А., 2018
© Веденская Т., 2018
© Сотникова Т., 2018
© Сотников В., 2018
© Савельев И., 2018
© Воронова М., 2018
© Калинина Н., 2018
© Набокова Ю., 2018
© Матковский М., 2018
© Муравьева И., 2018
© Бочков В., 2018
© Перова Е., 2018
© Староверов А., 2018
© Чиж А., 2018
© Розенблит М., 2018
© Юрьева В., 2018
© Ройтбурд Л., 2018
© Неволина Е., 2018
© Алюшина Т., 2018
© Нестерина Е., 2018
© Жданов О., 2018
© Попов Е., 2018

© Трахтенберг Л., 2018
© Крамер М., 2018
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Лариса Рубальская
Не было бы счастья…

Шел последний Новый год моего одиночества. Уже за месяц все вокруг как будто сговорились, доставали меня одним и тем же вопросом: «Ларис, ты где на Новый год?» Где-где… Как будто бы не знают, что нигде. Никаких предложений и приглашений. И зачем тогда спрашивать? Я решила никого не погружать в свои печали и бодро всем отвечала, что пойду в Большой, на «Щелкунчика». Это был верняк – там всегда 31 декабря «Щелкунчик» идет, и билеты стоят очень дорого, и не достать. Но у меня в Большом остались связи, после того как я ездила с оперной труппой в Японию в качестве переводчика. И уж один-то билетик мне всегда найдут. Или посадят на приставное кресло. Но это так, к слову. Не хочу я ни в какой театр. И вообще никуда не хочу.

Еще в ноябре надо мной каждое утро всходила радуга. В смысле, я чувствовала себя счастливой, потому что, просыпаясь, всегда на подушке рядом видела любимое лицо этого дурака Борьки, уже давно брошенного женой и лечившего свои сердечные рваные раны в моих объятиях. Борька подходил мне в мужья по всем показателям. Во-первых, я его любила. Ну и во-вторых, все остальное. А главное – он свободен! Холостяк! Бывшая жена не в счет. Так мне, по крайней мере, казалось. Надо сказать, что вопрос о замужестве стоял уже очень остро, как-никак тридцатник отгуляли. Пора-пора-порадуемся. Да только радоваться, получается, нечему. Потому что именно эта бывшая его Наташка позвонила 28 ноября и сказала, мол, помнит, что у ее Борюсика день рождения и почему бы им его по старой памяти вместе не отметить. Ну, Борька и согласился, и радуга надо мной погасла. Даже за вещами приходить ему ко мне не было необходимости, потому что он их никогда в мой дом не приносил. Наверно, все-таки ждал Наташкиного зова.

А тут все вопросы свои насчет Нового года задают, как будто бы не замечают моих зареванных глаз. Все ведь видели, все всё знают, а все равно спрашивают. А тут еще на экране телевизора все от радости одурели – Новый год! Джингл-белл-джингл-белл!!! Семейное у всех счастье!

Обнадеженные моим «Щелкунчиком», друзья и подружки постепенно перестали меня пытать и стали готовиться к празднику – кто как, кто куда, кто с кем.

Мимо елочных базаров я проходила, закрыв глаза, а от запаха

хвои меня подташнивало. В голове звучала только одна мысль – скорей бы это тридцать первое декабря наступило и прошло. А там уже будет легче.

В отличие от меня, мои подружки Нового года ждали, любили этот праздник. Забыли, что ли, что старше становятся – цифры ведь никто не отменял.

Как-то забежала Ирина. Ее с Игорем пригласили в какую-то крутую компанию. У нее новое платье готово, а подходящих украшений нет. И она пришла порыться в моих «драгоценностях» – недорогой, но вполне симпатичной бижутерии. Ларис, одолжишь на денек? Да бери, пожалуйста – хоть на денек, хоть навсегда. Производи впечатление. Мне ведь все равно уже ничего никогда не понадобится – осколки разбитого сердца не склеить, не сложить… Ирина убежала, вполне счастливая, и обещала потом рассказать, как там, в крутой компании, все прошло. И еще она сказала, что у нее предчувствие, что в эту новогоднюю ночь Игоряшка сделает ей предложение.

Галка тоже жила в ожидании счастья. Прямо перед Новым годом должен был прилететь с Ямала ее любимый Толик. Уже полгода он там вкалывал, и скучал, и грустил по ней, но вырваться к Галке своей ненаглядной никак не мог – держала важная работа. И вот наконец под Новый год сказал, что прилетит и привезет ей разных подарков. Особенно Галка мечтала о вкусной ямальской рыбке – нельме, муксуне. Они будут стругать замороженные тушки тонкими кусочками, а потом есть, обмакивая в соль, смешанную с перцем. Там, на Ямале, именно так делают.

Вот чудная эта Галка. Нет бы думать, как они с Толиком целоваться-обниматься будут, а она – рыбку в соль с перцем… Не стану же я ее мечту исправлять – пусть как хочет, так и мечтает. Все равно ей лучше, чем мне. Одно только ожидание – уже счастье. А у меня и этого нет.

Санек и Серега – рыцари мои верные, дружки надежные, в Новый год, как они говорят, будут «бороться с нуждой». Это означает, что пойдут выступать на разных праздничных площадках. Они гитаристы, аккомпанирующий состав. Гитары под мышки – и на всю ночь – перебегать, переезжать с одной площадки на другую да деньги по карманам раскладывать. Новогодняя ночь музыкантов полгода кормит. Хорошо, что работы много – певец, которому они аккомпанируют, как раз в большой популярности, нарасхват. И сам он парень добрый – с

ребятами заработком делится. Только хорошо бы, чтобы новогодняя ночь выдалась не очень холодной, а то можно и пальцы отморозить – струны-то у гитар металлические, а площадки в основном открытые – на улицах и площадях. Они, мои дружки, меня, конечно бы, одну в новогоднюю ночь не бросили, но, сами понимаете, жить-то на что-то надо.

Может, правда, на «Щелкунчика» пойти? Театр уж полон, ложи блещут – точно так, как писал великий поэт. Музыка в балете прекрасная, а говорят, что такая музыка души лечит и фуэте всякие вообще отвлекают от мыслей. Конкретно о Борьке-дураке несчастном и вообще о том, что никому на свете я не нужна. Но как представлю картину – окончился балет, и я одна иду по предновогоднему городу. Сыпется серебряный снег, торопятся встречать Новый год счастливые люди – бегут и едут мимо с сумками, подарками – парами и семьями. А я, как дура, топаю одна, с кислой физиономией.

Еще три дня назад оставалась слабая надежда на Юльку. Она, конечно, компания не самая веселая. Еще бы – тридцатилетие отгуляли три года назад, а Германа, как говорится, все нет. Думаете, я «Пиковую даму» вспомнила? Да нет. Как раз так зовут Юлькиного возлюбленного. Герман женат и уже пять лет подруге голову морочит, что жену свою он не любит, а любит как раз Юльку, и что вот-вот разведется, и они с Юлькой поженятся. И Юлька, дуреха, ждет. А Герман, как отпуск – с женой, субботы с воскресеньями – дома, с семьей. Вот и любит моя подруженька все эти пять лет только вторники и четверги. Я-то давно поняла, что ничего у них не изменится. Даже подсчитала все вторники и четверги в году – количество дней, когда Юлька бывает счастлива. Всего-то около ста дней получилось – не так уж и много. Тем более что иногда эти дни на праздники выпадали.

Так что Юлька была реальной кандидатурой моей новогодней напарницы-страдалицы, но так вышло, что три дня назад у нее заболела собака. Она, Юлька в смысле, – волонтер и всех собак на улице подбирает, лечит, выхаживает. И как раз у любимой ее собаки, семнадцатилетней дворняжки Дуни, что-то серьезное с печенью приключилось. Моя подруга на работе взяла отпуск и сказала, что ни за что Дуньку, эту старушку беззубую, одну в новогоднюю ночь не оставит. Я, конечно, Юльку не понимаю, но она человек очень добрый и преданный, даже чересчур, и ее в этом деле не сдвинешь. Я иногда даже думаю, что Герман, может, из-за собак этих поселиться у нее не торопится. Короче, выходит, что и Юлька в Новый год может составить мне компанию только

по телефону.

А за Дуньку я рада – хоть она под бой курантов будет не одна вокруг елочки скакать.

Дома у меня, кстати, никакой елки. Еще чего! Потом иголки два месяца подметать! И готовить ничего не буду – кому есть-то? Тридцать первого нарочно долго не вставала с кровати – спать-то не могла, но просто так валялась, чтоб остальная часть дня покороче получилась. Лежала и думала о судьбе своей горючей, о Борьке-дураке, о друзьях и подружках.

Вот, к примеру, Борька. Что ему было не так, что Наташка, его бывшая, едва пальчиком пошевелила, и он бросился в свою былую жизнь, в этот, как он мне рассказывал, ад кромешный. Одни скандалы и Наташкины истерики. И даже один раз какое-то настоящее предательство. Борька говорил, что я его счастье, о котором он даже и мечтать не мог.

Борька – инженер по специальности, но устроился работать куда-то на киностудию, где снимают документальные фильмы. Он там за аппаратуру отвечает и числится помощником оператора. Работа ему нравится – поездки, новые места, интересные люди. Ну а зарплата, сами понимаете… Вот из-за этого с Наташкой и скандалы. А я что – во-первых, прилично зарабатываю – гид-переводчик, редкий язык, японский. Две экскурсии в день – «Москва – столица СССР» – пять рублей, «Кремль – сердце столицы» – три рубля. Да еще японские туристы подарки дарят – колготки, авторучки, зонтики. Один раз даже часы «Сейко» подарили. А сколько мне зонтиков этих надо? Уже всех вокруг ими одарила, а излишки – в комиссионку. Это еще добавочный заработок. Так что для истерик поводов нет, как у его избалованной Наташки. И вообще, к слову скажу, я всю жизнь очень умеренных потребностей человек. И до сих пор всегда хочу меньше, чем могу себе позволить. Это такая моя жизненная привычка и наука. Я сама-сама-сама!!! И никто мне ничего не должен. Удобно, кстати. Но мужчины, как видно, любят как раз тех, кто все время у них что-то требует. И Борька – конкретный пример. А я, дурочка, хотела ему на Новый год дорогущую меховую шапку подарить – ведь на съемках часто холодно бывает. А эта его любимая вязаная шапочка меня просто раздражала. Наташка, видите ли, когда-то сама ему связала. Лучше бы работать пошла и сама себе на капризы свои деньги зарабатывала. За все их совместные семь лет только шапочка вязаная – вся ее работа. А остальное – одни истерики.

Да ну что я-то об этом думаю? Не хочет шапку из ондатры – как хочет. Только зря я на нее деньги копила.

Потом я стала думать об Ирине и Игоре. Про кого-то иногда говорят – хорошая пара. Так вот это как раз они и есть. Ирина – художник. Кукол шьет. Очень интересные у нее человечки получаются. Даже не человечки, а какие-то живые, умные символы жизни. Каждая кукла с характером. И на выставки у нее этих кукол охотно берут. Недавно она даже получила заказ – сделать кукольную пушкиниану. И самого поэта, и женщин его любимых – Гончарову Наталью, Анну Петровну Керн, Арину Родионовну тоже обязательно, а как же – «Буря мглою небо кроет». Надо также убийцу, этого злодея Дантеса, смастерить, и царя – как же без царя? Ирина счастлива. Еще бы, такие образы!!! И однажды она попросила меня к ней в мастерскую прийти помочь. И так все вышло чудесно – я читала стихи Пушкина, наизусть, конечно. Ирина слушала и рисовала наброски – эскизы к куклам будущим. И я даже один стишок, подходящий к этой теме, придумала. И потом на выставке, на стенде с Ирининой пушкинианой находился листок с этим стихотворением.

Ирина постарше меня, и сроки ее замужества уже подходили к финишной прямой. И тут ей встретился Игорь. И ничего страшного, что он старше ее на шестнадцать лет. До встречи с Ириной – убежденный холостяк. Умница – ученый человек. Космос, астрофизика – его страсть. Рассказывает – заслушаешься. И друзья у него все ученые умные-преумные. Ирина как раз и стала его звездой и чудным мгновеньем. Осталось только предложение сделать. Ирина ждет, и я жду и надеюсь вместе с ней, потому что очень ее люблю.

Галка – дуреха. Нет, вообще-то она умница. У нее чего ни спросишь – все знает, хочешь по истории, хочешь по литературе. В университете она лучшей на курсе была. Самой умной и самой красивой. И замуж первая вышла. И развелась тоже первая. И ведь не он ее в отставку послал, как сейчас говорят, отгрузил. Она сама решила, что любовь должна быть не такой, как у нее с Евгением. Я пытала Галку – ну что не так-то? Из ее рассказов никак не получался неверный, скряга, ревнивец или вообще отрицательный мерзкий тип. Мы, правда, не вдавались в подробности сексуальных моментов. У нас вообще эти разговоры популярностью не пользовались. Может, как раз там и было объяснение Галкиного внезапного решения развестись. И прожили-то они всего каких-то два месяца. А потом сразу одна за другой стали у Галки случаться именно такие любови, о которых она мечтала. Но прожитые с Евгением два месяца оказались

рекордом продолжительности ее отношений со встреченными мужчинами. Они мелькали, как летучие молнии в грозовом небе, обжигали Галку, испепеляли ее нежное сердце и растворялись в небытии.

После каждого облома, а они случались, как я уже сказала, не по ее инициативе, Галка рыдала по нескольку дней. Говорила, что кто-то ее сглазил, может, даже сам Евгений. С горя она вдруг стала сочинять стихи. По крайней мере, ей казалось, что это стихи. Про всех героев – одни и те же строки. По смыслу – как у Цветаевой: «Мой милый, что тебе я сделала?!!» Только каждый раз подставлялось имя нового милого.

И вот однажды в однообразной цепочке Гариков-Юриков-Стасиков появился Толик. Нормальный, симпатичный мужик, работяга. Монтажник. Правда, глубиной интеллектуального наполнения не перегруженный. Однажды я зашла к Галке, а они с Толиком как раз кроссворд разгадывали. Галка строчила буковки по клеточкам как пулемет. А Толик смотрел на нее и улыбался. Любовался, короче. Сам он не мог отгадать ни одного слова.

Толик часто исчезал, уезжал работать на Севера, как он говорил. Там его очень высоко ценили за монтажные умения и платили хорошие деньги. Иногда он ненадолго прилетал в Москву к своей ненаглядной Галочке, привозил вкусную рыбку, и Галка была счастлива. Она никогда не говорила о будущем и не строила планов на семейную жизнь с Толиком. Просто любила и была любима.

Может быть, что-нибудь все-таки приготовить? Я же не знала, что Борька «скроется из глаз в серебре декабря», и заранее накупила продуктов для новогоднего стола. Вон полная морозилка. Самой ведь есть тоже что-то надо. Я же голодовку в связи с предательством этого дурака не объявляла, много чести. Я вообще готовить люблю, да и за делом день скорее пройдет. Я увлеклась, все получалось быстро, вкусно и выглядело красиво. О том, что кормить-то всем этим некого, я забыла.

Кстати, сколько раз за свою жизнь я произносила свою нехитрую мудрость, что счастье – это если есть кого кормить и чем кормить. Особенно часто я повторяла эти слова, когда наступило мое второе, главное одиночество.

Стрелки неслись по циферблату к вечеру. В дверь позвонила соседка:

– Ларисочка, елочку не возьмешь? Бесплатно! Понимаешь, я притащила, Колька-муж и Вадька-сын. Как сговорились. Куда нам три елки? Одну я уже пристроила Вере Ивановне, пенсионерке, выше этажом. Даже игрушек елочных отнесла и нарядить

помогла. Она уж так благодарила, и вот еще одна лишняя елка – хочешь, даже игрушечками поделюсь.

Елка выглядела такой хорошенькой, что я не смогла от этой красавицы отказаться. За игрушками полезла на антресоль. Хорошо, что не свалилась. Верхолаз я всю жизнь не очень умелый. Вообще, падать – это мое. Полгода назад упала на ровном месте, сломала нос. Когда косточку в носу на место ставили, увидела небо в алмазах. Я и не подозревала, что в глазах может уместиться столько искр. Долго зеркала отражали мое синее опухшее лицо. Хорошо, что в это время как раз японские группы не приезжали, и я могла на работу не ходить.

Кстати, о сломанном носе. Как же я про Кристину-то не вспомнила? Она что-то в последнее время не появляется. Наверно, занята – поймала очередную жертву. Вот почему я о ней говорю – с носом моим сломанным связано. Кристи нарисовалась минут через десять после моего падения – пришла рассказать о своей очередной победе на мужском фронте. А тут как раз я с окровавленным носом. Еле-еле ей дверь открыла. Она, как кошмар мой увидела, про победу свою позабыла, давай воевать за мой нос. Мазала, промокала, потом потащила в клинику к своему знакомому хирургу, и правильно сделала. Хирург косточку на место поставил и вернул мне мою временно испорченную красоту. А если бы Кристина тогда не пришла, осталась бы я навеки с кривым носом. Кто бы тогда потом меня по телевизору показывал?

Кристи – охотница. За мужскими карманами. От природы ей досталась тоненькая и женственная фигурка, которая примиряла взгляд с крупным и хоть и не сломанным, но кривым носом, который ей тоже достался от природы. Но стоило мужским глазам соскользнуть с этого носа вниз, на Кристинину грудь и талию, мужчина тут же оказывался в ее сладкоголосом плену.

Кристи преподавала вокал в музыкальном училище. Там она кружила головы всему мужскому населению – от профессоров до студентов. Как ей это удавалось – я объяснить не могу. Но первым же желанием владельца этой самой вскруженной головы было желание потратить на Кристи деньги. А ей только этого и надо. Какая там любовь! Какие такие страсти-мордасти? Разорить и отгрузить – вот ее девиз. Она и разоряла, причем не только кошельки, но и доверчивые души. Да, эта ласковая и нежная канарейка знала, чего хочет.

А я никогда ни от кого ничего не ждала. Я сама люблю дарить и угощать. Причем это не зависит от того, насколько широки мои возможности. Сколько есть, столько и ладно. А на

шапку ондатровую Борьке-предателю накопить смогла. Хоть она и дорогая. Жалко, план моей щедрости рухнул, так и не осуществившись. А Кристина, хоть вообще душа добрая, Новый год с ней вдвоем – нет, мне этого не хотелось. Она же всю ночь про деньги говорить будет. Да и она сама, я думаю, ко мне не рвется – чего ей со мной оливье-то жевать? Она кого-нибудь на ресторан дорогой раскрутит.

Я покорила вершину под названием «антресоль», достала коробку с игрушками и мишурой, елку нарядила. Ложе ваты снизу положила – снежком ее укутала, смотри, не замерзай. Потом детство свое вспомнила, как бабушка мне на утренник новогодний в школе корону мастерила – разбила елочную игрушку на мелкие осколки, потом вату клеем намазала и осколками этими посыпала, чтоб блестела. Снег вокруг елочки моей заискрился, и это воспоминание о детстве потянуло за собой и другие воспоминания. Так, качаясь на волнах памяти, я сама не заметила, что подвинула стол, постелила скатерть со снеговиками, поставила на него все, что приготовила. Нашла красную свечку, тоже поставила на стол. Получилось красиво.

До Нового года оставалось два часа. По телевизору выступал как раз тот самый певец, с которым сейчас как раз боролись с нуждой Санек и Серега – дружки мои надежные, оплот нерушимый. Сколько раз в жизни они придут мне на помощь! А потом уйдут навсегда, но это еще очень не скоро.

Певец исполнял какую-то новую песню. Раньше я ее не слышала. Моих ребят на экране не было – съемка проходила раньше, и он пел с каким-то другим составом.

Серега и Санек дружат с детства. Они еще в школе сколотили музыкальную группу и придумали смешное название – «Деньги на бочку». Группа пела о школьной жизни, о первой любви. И все девчонки в городке принадлежали им. Так сложилась жизнь, что женились они на сестрах-двойняшках. Санька – на Лере, а Серега – на Вере. А потом оказалось, что Саня любит как раз Веру, а Серега, наоборот, Леру. Просто они сразу не разобрались. Причем то же самое испытывали и их жены. Так что никакой трагедии не случилось – просто пары переженились по новой и очень дружно зажили. Только жены их, близняшки неразлучные, остались жить там, в маленьком алтайском городке, детишек воспитывают. А парни подались покорять Москву своими талантами. Гитары в их руках были как живые – радовались и печалились. И обратно на Алтай ребятам возвращаться совершенно не хотелось.

Как-то так вышло, что мы однажды познакомились и

подружились на долгие годы.

Чтобы дружить, понимать друг друга нужно. Интересно у японцев. Звуки всякие они слышат совсем не так, как мы. По-своему. Вот, например, дождь идет, мы говорим – кап-кап, а они – поцу-поцу. Снег у нас под ногами скрип-скрип, а у японцев – кису-кису. Младенец наш плачет – уа-уа, а у них – огя-огя почему-то. Я им говорю, как у нас, а они смеются. Говорят, что мы слышим неправильно. И собака лает совсем не гав-гав, а ван-ван.

Отчетливое гав-гав раздалось за дверью, а потом звонок, и я пошла открывать.

Евдокия вошла первой:

– Стой, стой, надо лапы вытереть! Дуня, куда ты? – Юлька схватила бедную дворнягу. – Ларис, дай что-нибудь, а то она весь пол испачкает.

Вытертая Дунька бодро вспрыгнула на диван, улеглась и стала рассматривать наряженную елку. Судя по выражению морды, на душе у Евдокии было спокойно и радостно.

Смешная моя Юлька – скинула свою шубу синтетическую, купленную уже сто лет назад. Надо сказать, что семья у Юльки совсем не бедная, отец какая-то шишка в министерстве и вполне мог бы приличную шубку дочке справить. Но дочка ни в какую – я убитых зверей на себе не ношу. Под синтетической шубкой оказался какой-то замысловатый карнавальный костюм. Новогодний праздник Юля рассматривала как зимнюю сказку. Поэтому так чудно и нарядилась.

– С наступающим, Ларисочка! Мы с Евдокией подумали-подумали и решили, что встречать Новый год втроем нам будет веселее. Так я тебе про «Щелкунчика» и поверила! В таком настроении не до фуэте и батманов. Ну, думаю, не прогонишь ты нас с Дунечкой. Кстати, мы к праздничному столу тоже кое-что принесли. – И Юлька вытащила из сумки мандарин и конфету «Кара-Кум». – Вот, а мандарины, скажи, только в Новый год так замечательно пахнут.

Много-много лет назад, было мне тогда примерно одиннадцать-двенадцать, гуляли мы с ребятами таким же снежным зимним вечером, незадолго до Нового года у нас в переулке. Еще не так давно закончилась война, и фрукты покупались нам только по большим праздникам – во-первых, дорого. Во-вторых, не достать. Ну вот, значит, гуляем мы, снегу радуемся. И вдруг я вижу – женщина идет, и в авоське у нее

подпрыгивают ярко-оранжевые мандарины. Они так волшебно светились, что мы все перестали играть и уставились на эту авоську. И вдруг из авоськи выкатывается один мандарин и падает в сугроб. Счастливая владелица авоськи, не заметив потери, продолжала идти. И тут я, пионерка, честная не в меру, сорвалась с места и понеслась к этому оранжевому чуду. Схватила мандарин, догнала тетку с авоськой – у вас, извините, мандаринчик выпал. И протянула ей ударивший в нос душистым запахом заповедный фрукт. Тетка взяла, кивнула и продолжила свой путь.

Вернувшись к ребятам, я поняла, что больше у меня во дворе друзей нет. Они все смотрели на меня молча, осуждая. А ведь тоже пионеры – всем ребятам примеры!!! – думала я, начитавшаяся про Тимура и его команду и Васька Трубачева с его товарищами.

Помирились ребята со мной, дурой, рахиткой несчастной, так и быть, перед самым Новым годом – мирись, мирись, мирись и больше не дерись.

Спросить Юльку про Германа я боялась. Да что спрашивать – и так ясно. Сидит он с семьей у телевизора, тещины пирожки трескает. Потом, как всегда, наврет чего-нибудь Юле про свой вечный радикулит. Хорошо, что я всякой всячины наготовила. Вот и компания нарисовалась. Дуньке я кину кружок копченой колбасы. С наступающим, Евдокия. Гав-гав!!!

Дверь я, что ли, плохо закрыла? Мы услышали голоса – кто-то вошел. Испугаться мы не успели, потому что два заснеженных человека, не раздеваясь, ввалились в комнату и оказались Галкой и Толиком. Они толкали перед собой огромную коробку – рыбный запах перекрывал ароматы мандаринов и хвои.

– Привет, девочки. Давайте по-быстрому рыбку чистить! – закричал Толик, как будто мы его как раз ждали, и Галка тоже засуетилась, открывая коробку.

– Галь, может, объяснишь, откуда вы взялись? Ты ж не собиралась.

– А что тут собираться? Я Толика в аэропорту встретила, а он вместо здрасте сразу скомандовал ехать к тебе, Лариса. И всех наших велел обзвонить, чтоб пришли. Он столько рыбы привез, что нам вдвоем ее целый год есть не переесть. Давайте быстрей чистить, резать, а то до Нового года полчаса всего осталось. А еще надо старый проводить успеть.

Ирина с Игорем пришли без десяти. Они проводили старый

год в крутой компании, а потом, найдя какую-то вежливую причину, схватили такси и ко мне.

– Ириш, ну зачем ты себе праздник испортила? Пришли бы завтра или послезавтра.

Ирина смотрела на меня так, что я понимала без слов, о чем она думала в этот момент. Она просто не хотела словами напоминать о том далеком страшном для ее семьи дне. Когда полетела к ним на помощь, прервав черноморский отдых, и смогла помочь и никогда об этом не напоминала. А она, подружка моя дорогая, не забыла и, видимо, решила, что теперь она всю жизнь будет делить со мной все мои печали. Тоже мне – печаль! Борька-дурак! Спасибо, Ирочка.

Игорь с Толиком расправились с рыбой. Они виделись впервые, но разговаривали друг с другом так, как будто десять лет просидели за одной партой. Не очень молодой ученый и совсем еще не старый работяга-монтажник. Два классных, настоящих мужика.

Густобровый лидер поздравил с Новым годом весь советский народ, мы хором, как полагается, посчитали до двенадцати, и покатилось время в Новый, 1976 год.

Сначала пили за девчонок, потом за мужчин, за дружбу. А когда Юлька, в карнавальном костюме, предложила выпить за любовь, поднялся Игорь и сказал, что он счастлив встречать Новый год с нами, замечательными друзьями его любимой женщины Ирины, и что он прямо при нас просит ее стать его женой. Галка, Юлька и я так обрадовались, как будто это нас позвали в жены.

К двум часам ночи, закончив процесс набивания карманов новогодними гонорарами, объявились Санек с Серегой. Да еще с ними совершенно неожиданно пришел сам этот певец популярный.

– Девчонки, накормите! Налейте-ка по рюмочке – Хэппи нью йеар!

Певец выпил одну за другой три рюмки, уселся рядом с Юлией, положил руку ей на плечо. Юлька замерла, но не отодвинулась. Евдокия подошла к певцу и лизнула ему руку. Юлька выглядела счастливой. Певец сыпал шутками, анекдотами. Потом предложил всем вместе спеть. И мы хором запели: «Снег кружится, летает, летает…». Как же было хорошо!

Кто-то вспомнил про Кристину. Она-то что ж не зашла! А Новый год потому все и любят, что происходят в эту ночь всякие чудеса. Раздался последний в эту ночь звонок в дверь, и вошла Кристи, подвыпившая и веселая:

– Привет честной компании! Выпить дадите? Давайте, у меня

тост готов – за настоящих мужиков, чтоб у них денег хватало нас, девчонок, радовать. А то мне всю жизнь одни козлы попадаются.

Дура ты, Кристинка, хоть и нос мне вылечить помогла. Настоящие – это такие, которые нас любят, верные и надежные. И дай бог, чтоб такие всем в жизни встретились.

А Новый год этот знаете почему был для меня самым счастливым? Потому что Борька, дурак этот, так и не появился. А то если бы появился, то не встретился бы мне мой дорогой и любимый Давид, на целых тридцать три года сделавший меня счастливой. Ровно до наступления моего второго одиночества…

Сергей Литвинов
Любовные сцены последней четверти прошлого века

Наверное, каждый советский человек (да и постсоветский) встречал хоть единожды (а может, не единожды) Новый год так. Или почти так.

Панельная многоэтажка на окраине Москвы. Довольно косая елка (уж какую достали). Скромная компания на четыре персоны. Скромный дефицит на столе: «Советское шампанское», болгарский коньяк «Плиска», мясо по-французски, торт «Птичье молоко». Черно-белый телевизор – впрочем, сломанный. Ничем, ровно ничем особо не выделялось то Новогодье в ряду прочих. Кроме одного.

И этим одним была любовь.

Впрочем, рассказ мой не только о любви.

Он скорее о времени.

И немного о себе.

Итак, конец года восемьдесят второго. Советская страна готовится встретить год 1983-й.

Еще, как говорится, ничто не предвещает. И существующий порядок вещей кажется совершенно незыблемым. С партийными, профсоюзными и комсомольскими собраниями. И колбасными электричками, которые вывозят из столицы съестные припасы в близлежащие города: Тулу, Калугу, Тверь. (Последний город, впрочем, тогда назывался Калинин.) И все ко всему привыкли и не мыслят, что может быть по-другому.

Только что умер Брежнев. По этому поводу кто-то, конечно, всплакнул – в основном бабульки, его ровесницы, но большинство восприняли весть с облегчением. Не потому, что Леонид Ильич народу докучал. Наоборот, злобы к нему никто не испытывал. Иронию – да. Сарказм – да. А еще стыд и неловкость. И жалость. Потому что люди видели, насколько с трудом в последние лет пять генсеку дается буквально все – ходить, говорить, даже стоять. Поэтому все вздохнули: наконец-то отмучился. Кроме того, все-таки хотелось перемен. Хоть каких-то. Особенно молодежь. Очень уж стоячим болотом выглядел и являлся Советский Союз. И до чрезвычайности популярная, хотя полузапрещенная – ни одного эфира по радио и телевидению – рок-группа «Машина времени» предрекала: вот – новый поворот! Кто ж знал, что он, этот поворот, наступит столь скоро и будет

настолько разительным и крутым!

А теперь, когда мы в двух словах обрисовали, что называется, общественно-политическую обстановку, давайте о любви. Тем более что любовь – это в книгах – самое интересное. Не считая детектива. Кстати, противопоставление: «любовь-детектива» (со странным произношением «детективА») – оно ведь тоже из тех времен, из гениальной сценки Полунина «Асисяй». Кто не видел, срочно наберите в поисковой строке.

Итак, о любви. Отмотаем пленку назад чуть дальше – в июль восемьдесят первого года.

В столице стоит роскошная летняя погода. Мы с друзьями только что окончили пятый курс энергетического института и оттрубили военные сборы. По их результатам – если мы сдадим, конечно, госэкзамен в сентябре – (сдали все) – нам присвоят звания лейтенантов запаса. А вскорости мы получим дипломы инженеров-энергетиков. Поэтому, получается, идут последние наши *каникулы*. Дальше будут только *отпуска*. Но об этом, кажется, никто не думает. Впереди простирается жизнь, и она представляется длинной и солнечной, как дни в том июле.

И вот будущий коллега, однокурсник по имени Валя приглашает меня на свою дачу. Дача тогда – не говоря о загородном доме – редчайшее явление. У нас, на двадцать пять человек в довольно дружной студенческой группе, дач нет ни у кого. А может, не все афишируют. Кроме Вали.

Валентин друзей к себе зовет. Мы встречали у него прошлый Первомай. А вот теперь он меня пригласил соло.

Дача далеко. Она в Тверской области, или по-тогдашнему Калининской. Валя сам из Твери (Калинина), и родители его трудятся и живут там. Чтобы достичь пункта назначения, я еду в электричке (с деревянными сиденьями) почти два с половиной часа до областного центра. Затем перехожу на другую платформу и следую дальше, по направлению к Ленинграду – до станции Тверца.

На том перегоне курсируют совсем старые электрички не с автоматическими дверями, а теми, что можно открывать и закрывать самостоятельно – даже по ходу движения. Нечего говорить, что весь путь я простоял в тамбуре, с открытой дверцей – мимо неслись, сквозь солнце, столбы и сосны. И ветер, так сказать, трепал мою шевелюру.

На станции Тверца меня встречал Валентин. И с ним девушка. Что за девушка? Ах да, друг, кажется, упоминал: у него гостит троюродная, что ли, сестра из Ленинграда. Видать, это она, соображаю я, пока поезд катит, постепенно тормозя, по платформе. А она – ничего, успеваю понять я. Даже хорошенькая.

Или очень хорошенькая. Вся загорелая. Черноволосая и чернобровая. И с голубыми глазами. Это я тоже вижу в то краткое время, пока поезд останавливается.

Я машу рукой с подножки Валентину или им обоим. И она – даже странно для советского (или российского) общества, довольно угрюмого – открыто машет мне в ответ.

Я по-пижонски лихо спрыгиваю с площадки, пока поезд окончательно не остановился. Удар сильнее, чем кажется, меня аж заносит. Затем следует процедура представления, и мы отправляемся к даче. Пеший путь весьма неблизкий, а в конце мы еще на лодке через быструю Тверцу переправляемся – так что у меня есть время, чтобы произвести на девочку впечатление. А она мне сразу нравится, и произвести впечатление я хочу. Поэтому болтаю без умолку. Рассказываю анекдоты и всячески надуваю щеки, представляя себя важней и перспективней, чем я есть на самом деле.

Еще вспоминается, как мы останавливаемся у колодца и, в лучших фрейдистских (и тарковских) традициях, поливаем из оцинкованного ведра друг дружку ледяной водой. Пьем из горстей, а я еще и освежаю разжаренную электричкой голову.

Что происходит дальше? Я везу с собой полдюжины бутылок вина «Салют». Для тех, кто не помнит: газированный яблочный напиток продавался в советское время в бутылках из-под шампанского. Не что иное, как сидр – и ничем от нынешнего, импортного, стоящего бешеные деньги, по вкусу не отличающийся.

Мы купаемся в стремительной и прохладной Тверце. Играем в бадминтон. Фигурка у девушки в купальнике оказывается что надо. И в бадминтон она играет что надо. (Думаю я тогда короткими предложениями в стиле молодежной прозы Аксенова и Гладилина. Оба, кстати, к тому времени уехали из страны и запрещены.) А девушка вдобавок смеется – что надо. И когда надо. И аккуратно режет сыр. И не чинясь пьет сидр.

Короче говоря, прямо тогда, не сходя с места, я влюбляюсь.

Однако не так все просто в этом лучшем из миров. Я тогда не свободен – как ни странно это сейчас звучит в отношении двадцатиоднолетнего парня. Девушка, кажется, тоже. И вдобавок: я живу в Москве. Она – в Ленинграде.

Вот как, скажите, поддерживать отношения, когда нет никаких социальных сетей, Интернета, электронной почты, личных мобильных телефонов? Да что там говорить! У нее в Ленинграде не имеется даже домашнего телефона. Только рабочий! Значит, чтобы пообщаться, мне надо оказаться днем дома, пока она на службе – и только тогда звонить ей?

Хоть любовная пара Москва – Ленинград благодаря фильму «Ирония судьбы» (который к тому времени пять лет как вышел на экраны) представляется в общественном сознании очень модной и романтичной, на деле далеко не все так просто. Для настоящей междугородней любви требуются решимость и безоглядность. У меня ее в тот момент нет. А может, время еще не пришло.

И мы расстаемся. Хотя я вспоминаю ту черноволосую, загорелую, голубоглазую июльскую девушку куда как часто.

Проходит год.

Год для меня, можно сказать, определяющий.

Кстати: если кто не помнит или не застал, время тогда делилось на пятилетки. А внутри пятилетки всякий год (в брежневские времена) имел свое название. И уж этими названиями нас с экрана телевизора, из радиоточек и со страниц газет задалбливали по самое не могу. Сначала шло по-простому: первый год пятилетки, затем второй, а после начинался пафос: третий год звался решающим, потом шел определяющий, и в конце – завершающий. Поэтому эти эпитеты (решающий – определяющий – завершающий) всасывались, можно сказать, с молоком матери и выскакивали с языка (или с пера) при всяком удобном и неудобном случае.

Пропагандисты из ЦК родной коммунистической партии вообще всячески старались взбодрить подведомственное население. От этого постоянно придумывали новые почины и лозунги. Но так как сами они ни во что тогда уже не верили, то и народ к их начинаниям оставался равнодушным. Более того, обычно зло и ехидно над новшествами издевался. К примеру, тиражируется в миллионах заголовков и плакатов: «Экономика должна быть экономной!» А публика смеется: ага, экономика должна быть экономной, масло должно быть масляным!

Или другой, с позволения сказать, слоган: «Чем лучше мы будем работать, тем лучше мы будем жить!» А население хихикает: они говорят, чем лучше *мы* будем работать, тем лучше *они* будут жить!

С решающими и определяющими годами та же песня. Если кто в народе и именовал их так, то только в юмористическом контексте: «У меня решающий год, я диплом пишу».

Я ведь даром что в энергетическом учился, к его окончанию стал ясно понимать: не моя это стезя. Не хочу я брать интегралы, составлять программы для вычислительной машины «Минск-22» и проектировать электрические системы. А хочу – писать, сочинять, выдумывать. На худой конец, брать интервью, строчить фельетоны и корреспонденции.

В ту пору для графоманов, подобных мне – юных и не очень, –

имелось колоссальное поле для самовыражения.

Практически при каждом уважающем себя Доме культуры в Москве имелось литературное объединение. Принимали туда всех подряд (и, разумеется, бесплатно). Руководил собранием настоящий писатель, член ССП[1]. (Не знаю, кто и сколько ему платил, ДК или ССП, но труд его, разумеется, вознаграждался.)

Раз в неделю проходили занятия. Все по кругу читали стихи или рассказы, затем воспитанники по очереди критиковали товарища – а последним высказывался мэтр. И вот он обычно ничьих самолюбий особо не щадил. Бывало, явные графоманы после разборов убегали в слезах – а иные, сам видел, чуть не бросались с матом и кулаками.

Вот и меня, студента, занесло, не знаю почему, в литобъединение «Весы» (при Доме культуры работников торговли). И еще – в самое, пожалуй, известное – «Магистраль» (при Доме культуры железнодорожников), где руководил Юрий Владимирович Томашевский (а посещал его когда-то, в конце пятидесятых, сам, ни больше ни меньше, Булат Окуджава!).

Имелись и другие литстудии, куда, в отличие от ДК, шел жесткий отбор – который я всякий раз благополучно проходил, – что наполняло душу гордостью и надеждой. Например, при журнале «Юность», что печатался тогда тиражом под три миллиона экземпляров, создали для молодых «Зеленую лампу», где руководителем отдела прозы (а значит, моим) работал известнейший в ту пору Владимир Амлинский. Или при журнале «Крокодил» (тоже миллионные тиражи) я подвизался в «Крокодильском лицее».

Но литературные штудии, даже самые успешные, означали немногое без полновесных публикаций. Пробиться на страницы тогдашних журналов являлось задачей чрезвычайно сложной. Я штурмовал их лет с девятнадцати. Рассылал рассказы по кругу, от «Молодой гвардии» до «Литературной учебы». Отовсюду отвечали – не было случая, чтобы не ответили. Все редакции имели штат литконсультантов, которые убедительно и аргументированно могли доказать любому, почему его творение не имеет права быть напечатанным.

И наконец! Ровно в тот месяц, как я защищаю диплом в своем энергетическом, журнал «Студенческий меридиан» печатает мой первый рассказ! (Спасибо тебе, Володя Слуцкий, низкий тебе поклон!)

В ту пору тиражи были совершенно несоизмеримы нынешним. У «Студмеридиана» он превышал полмиллиона. И любая публикация становилась действительно заметной. Одно из самых прекрасных воспоминаний того времени: февраль

восемьдесят второго. Номер только что вышел. Я иду по студенческому городку в Лефортове, явно адресуясь к пивной. И практически каждый встреченный знакомец жмет руку: «Молодец! Читал. Поздравляю!»

И сразу как прорвало. До конца года «СтудМер» печатает в разных номерах еще пять моих рассказов. Два звучат по радио, в самой популярной передаче «С добрым утром!». Пару других отбирают для сборника. Выходит мой рассказик и пара мини-фельетонов в «Крокодиле», а огромный, на разворот, фельетон, который мы делаем вместе с другими «лицеистами», получает годовую премию журнала.

Не говоря о том, что в те годы юмористические разделы имеются едва ли не у всякой уважающей себя газеты и журнала. В «Лесной промышленности», например, он носит название «Веселая опушка». Есть такие и в «Гудке», «Советской торговле», в «Советском шахтере». Там я тоже подвизаюсь.

Помимо прочего, литература, оказывается, хорошо оплачивается! Однажды при мне в редакции «Студенческого меридиана» делали разметку: руководители расписывали гонорары для подведомственных авторов. И вот Володя Слуцкий, заведующий юмористическим разделом, лукаво эдак смотрит на меня и спрашивает: «Ну, сколько тебе выписать?» Рассказ мой составляет четыре с небольшим машинописные страницы, поэтому я говорю неуверенно: «Рублей двадцать?» – но даже эта сумма кажется мне гигантской. Володя усмехается и недрогнувшей рукой расписывает – шестьдесят пять.

Шестьдесят пять! Гигантские по тем временам деньги! Студентом я получал повышенную стипендию сорок шесть (в месяц). После вуза пошел младшим научным сотрудником на сто двадцать. А тут – шестьдесят пять! За плод пусть вдохновенной, но всего лишь трехчасовой работы!

Поэтому к моменту следующей встречи с моей возлюбленной Ленинградкой я не просто студент. Я полноценный инженер и лейтенант запаса. А главное, хоть и начинающий, но известный автор и журналист.

Наша новая встреча происходит при следующих обстоятельствах: в Москве женится тот самый мой друг Валентин. Я, естественно, приглашен. И она тоже.

Все, как говорится, во мне снова всколыхнулось. Но в этот раз я не повторяю свою ошибку годичной давности. Я отгоняю от девушки всех ухажеров, действительных или потенциальных. Я танцую, рассыпаюсь, подпаиваю. И в одном из медленных танцев – неожиданно даже для себя – выпаливаю: «Выходи за меня замуж». Чем, возможно, удивляю ее – или даже пугаю.

Она, очень разумно, сводит это к шутке, анекдоту, ха-ха-ха.

Отшумела свадьба – а через пару недель я приезжаю в Ленинград. Живу в ведомственной гостинице. Мы с Ленинградкой первый раз встречаемся в метро «Площадь Восстания». Гуляем по городу, и где-то на Марсовом поле я, теперь в здравом уме и трезвом сознании, повторяю свое предложение. И с того момента начинаю ездить в город на Неве как жених.

Для тех, кто не помнит реалии советской жизни, естественен вопрос: а чем снискивает в то время хлеб насущный автор? Только бегает по редакциям и пристраивает свои юморески?

Конечно, автор служит. Не служить в то время было нельзя. Тем более вчерашнему выпускнику. Должен напомнить, что для студентов в социалистические времена существовало *распределение*, а именно: каждый обязан отработать там, куда его направят, как минимум три года.

Я попал в институт, название которого начиналось с аббревиатуры ВНИИиПИ – то есть: «Всесоюзный научно-исследовательский и проектно-изыскательский». Имени собственного я приводить не буду, тем более что учреждение существует и поныне и, судя по сайту, неплохо себя чувствует. Наверное, институт и тогда, в начале восьмидесятых, делал большие и важные дела, однако я его, уж простите, воспринимал синекурой.

Служил я младшим научным сотрудником в научно-исследовательской лаборатории, в которой, как со смехом замечали люди мыслящие, не имелось ни единого прибора. Мы все сидели в этаком опен-спейсе по-советски: большой полукруглой комнате, где помещалось, если не изменяет память, четырнадцать канцелярских столов. Большинство из них занимали дамочки, которые все представлялись мне безнадежно старыми: в возрасте от «под тридцать» до «под пятьдесят».

На работу следовало приходить строго вовремя, за этим у дверей в НИИиПИ бдительно следила каждое утро начальница отдела кадров. Опоздал хоть на пять минут – пиши объяснительную и лишайся квартальной премии. Так же вовремя следовало покидать рабочее место, поэтому в ожидании звонка, который гремел по всем шести этажам института, сотрудницы заранее собирали свои сумки, и надевали пальто, и стояли наготове у своих столов.

Зато в течение дня контроль осуществлялся не столь жестоко, и почти никто и ничто не мешало работникам, включая меня, заниматься собственными делами. То вдруг прокатывался слух, что в близлежащем обувном выбросили итальянские сапоги или в продуктовом говяжью печенку – и тетеньки бросались туда. То

профком вдруг выделял для распродажи книги или театральные билеты, и требовалось распределить их путем интриг и лотереи в правильном направлении. К тому же почти все мои коллеги были обременены детьми – как правило, школьного возраста, – поэтому со второй половины дня начинался дистанционный воспитательный процесс. Городских телефонов в лаборатории имелось всего два, поэтому дамочки по очереди долдонили в них: «Ты пришел? Как дела в школе? А по русскому спрашивали? А ты поел? А что задали?» – и так по кругу.

Надо заметить, что безделье в научных и проектных институтах – одна из немногих разрешенных тем в тогдашней юмористике, наряду с сантехниками, несунами (то есть теми, кто обкрадывает по мелочи родные заводы) и пьяницами. Я и сам вношу немалую лепту в бичевание недостатков, а источником вдохновения служит для меня все тот же институт и коллеги.

Вы меня, возможно, спросите: а чем занималась та лаборатория в головном энергетическом НИИ? И ты сам что делал? И я отвечу как на духу: не помню. Помнится, переписывал цифры с электрической схемы в сводную таблицу. Помню, ходил на первый этаж, в вычислительный центр, с плотной, тяжеленькой колодой перфокарт – именно через них осуществлялось в те поры общение с компьютером. Значит, я что-то вычислял? Возможно. Но вот что, зачем и для чего – припомнить не могу.

Вдобавок в институте, где я служил, имелась, как и во всех учреждениях, обязаловка, от которой сотрудники бежали и уворачивались – а я был не против. Поэтому меня всюду и посылали. Я ведь почему от разнарядок не отлынивал? Во-первых, с дальним прицелом. Как говорил Максим Горький и как твердо считалось в советские времена, писатель должен познать жизнь. Потрудиться на самых низах. Вот я и познавал. Вдобавок при физическом труде голова была свободной и ясной, чтобы придумывать сюжеты и ходы. И, наконец, за отработку давали отгулы: за неделю тебя награждали еще двумя-тремя днями отдыха, которые ты мог израсходовать по собственному усмотрению – например, приплюсовать к отпуску. Или мотнуться к любимой в Ленинград.

Возможно, кто-то не понял или не вспомнил – речь идет о чем? А ведь всякий труженик умственного труда (кроме совсем уж ценных засекреченных академиков) в советские времена обязан был трудиться физически. В основном помогая сельскому хозяйству: доценты с кандидатами, не говоря о студентах, собирали в полях картошку и свеклу. Перебирали выращенное и недостаточно сгнившее на овощных базах. Кроме того, существовало множество подобных занятий, от которых

интеллигенты воротили нос – а меня посылали.

Я готовил пионерский лагерь института к новому сезону: расставлял кровати и тумбочки, вкапывал лавки и мастерил сцену. В памяти, кроме жары и физической работы на свежем воздухе, сохранилось следующее. Однажды в субботу решили с вожатыми расслабиться. На близлежащей станции купили пива. Пиво там имелось только разливное, а у нас из тары – лишь эмалированное десятилитровое ведро. В него и залили вожделенную жидкость. Потом ведро водрузили на стол в вожатской и в конце вечера пили из него, как кони, погружая голову.

Итого, десять майских дней я провел в пионерлагере, с сохранением заработка, плюс получил четыре отгула за работу в выходные.

Затем в подмосковном совхозе задавал корм коровам – эта работенка представляла собой ужас, конечно. Посреди длинного, как тяжелый сон, коровника ехал трактор – управлял им вечно похмельный колхозник. В кузове трактора стоял ваш покорный слуга и разбрасывал вилами, направо и налево, сверху вниз, страшно вонючий комбикорм радостно мычащим буренкам. От запаха комбикорма приходилось отмываться по вечерам из титана, а одежка, в которой работал, так и не проветрилась, потом пришлось выкинуть.

Зато еще четыре отгула.

Наконец, пришлось потрудиться подсобником на строительстве овощного магазина. Магазин (видимо, образцово-показательный) оборудовали финские рабочие: чистенькие, в ладных комбинезончиках. На подмогу к ним, что было довольно унизительно, выделили инженеров и научных сотрудников. Логика понятна: обычные работяги показали бы финнам совсем неприглядное лицо советского рабочего класса. Вдобавок и споить могли. Но все равно служить подмастерьем у финского трудяги – принеси, подержи, подай – было стыдновато. Хотя тут, помимо сохранения зарплаты в институте (и, разумеется, отгулов), нам еще и по сто пять рублей за неделю заплатили.

Словом, с учетом колхозов-пионерлагерей-строек, последующих отгулов, беготни по редакциям и разыгрывающейся междугородней любви совсем немудрено, что почти за год работы во ВНИИиПИ я не только не принес пользы отечественной электроэнергетике, но даже не запомнил, чем занимался.

В следующий раз я увиделся со своей Ленинградкой уже на ноябрьские. Все тот же друг мой Валентин пригласил меня и ее на нейтральную территорию – к своим родителям в город Калинин. В ту пору годовщину революции праздновали широко, с

двумя днями отдыха, военным парадом, который транслировался с Красной площади: замерзшие руководители на трибуне Мавзолея, в тяжелых пальто и каракулевых шапках. (Тогда мы в последний раз видели живого Брежнева.)

Гадать по поводу подарка родственникам или друзьям, проживающим в провинции, долго не приходилось. Родителям Валентина я привез громадное рыло вареной колбасы и килограмм сливочного масла – ни того, ни другого в Калинине давно не водилось. (Правда, Валина мама в итоге всучила мне за тот продуктовый набор деньги.)

Вечерами вчетвером – мы с Ленинградкой, Валя с молодой женой – гуляли по засыпанному свежим белым снегом, обшарпанному, темному городу. Заходили в коктейль-бары, где под угрюмыми взглядами завсегдатаев пили какие-то зеленые коктейли.

Перед расставанием дядя Дима, отец Валентина, прижал меня своим худеньким телом в угол кухни, к газовой плите, и строго сказал: «После этого визита ты должен на ней жениться – как честный человек». Я улыбнулся: «Да я не против».

Мы вернулись по домам – я в Москву, она в свой Ленинград, – а тут вдруг: без объяснения причин отменяется концерт в Колонном зале в честь Дня советской милиции. Концерт всегда идет в прямой трансляции, и его все ждут, там обычно выступают лучшие силы: Пугачева, Ротару, Хазанов. Иной раз даже Градский. Когда вместо концерта по всем программам запускают классическую музыку, народ смекает: ага, что-то случилось. Уж не с Самим ли? Хотя только что вроде стоял на Мавзолее и выглядел не хуже обычного. Но, с другой стороны, он такой дряхлый и больной, что…

Предчувствия народ не обманули. Недаром тогдашнюю одиннадцатую пятилетку заранее окрестили ППП: пятилетка пышных похорон. Очень уж немощными выглядели постоянные обитатели трибуны Мавзолея. Вот и главный из них убрался – верный ленинец, четырежды Герой Советского Союза Леонид Ильич. И жалко старичка, конечно, было. И легкая растерянность наступила: все-таки всю свою сознательную жизнь мы прожили при нем. Восемнадцать лет товарищ правил, побольше даже нынешнего. Ленинградка позвонила мне, взволнованная (ей наконец-то поставили домашний телефон): что теперь будет? И я, как умудренный столичный журналист, молвил: все будет по-прежнему, но что-то пойдет по-новому.

В том, что следующим генсеком станет Андропов, никто не сомневался. Предыдущие пятнадцать лет новый лидер проработал главой КГБ, что сразу породило вихрь опасений и

надежд: вот он закрутит гайки… а что с нами только так и надо… мы по-хорошему не понимаем… разболтались все… Немедленно появились анекдоты. Например:

Кремль теперь переименовывается в Андрополь.

Или:

Соратник спрашивает:

– Как вы думаете, Юрий Владимирович, народ за вами пойдет?

– Пойдет.

– А если нет?

– Тогда за Брежневым пойдет.

И самый коронный – новогоднее послание генсека советскому народу: *«Поздравляю вас с Новым, тысяча девятьсот тридцать седьмым годом!»*

Ожидания о закручивании гаек отчасти оправдываются. В ряду бессмысленных инициатив советской власти появляется свежайшее: «Рабочее время – работе!» Теперь запрещается проводить днем собрания, продляется время действия мастерских, магазинов и присутственных мест – чтобы трудящемуся человеку можно было успеть по делам, не отпрашиваясь на службе. По киношкам-кафе-магазинам в дневные часы проводят рейды – чуть ли не сотрудники КГБ: а почему это вы здесь, а не на работе?

Руководители моего семинара в журнале «Крокодил», замечательные фельетонисты-соавторы Иванов и Трифонов, рассказывают анекдот-быль:

Булочная в Москве, три часа дня. Входят два суровых человека: «Просьба всем оставаться на своих местах». К ним кидается мужичонка: «Прошу вас, не погубите! Жена в больнице! Дочка на руках! Забежал хлебушка купить!» А строгие ребята: «Да вы не волнуйтесь, товарищи, сейчас сосульки с крыши собьем, все по своим делам пойдете!»

Нас с невестой политические ветры касаются мало. Мы готовимся к свадьбе. На очередную порцию отгулов я еду в Ленинград и официально прошу у будущей тещи руки ее дочери. Обговариваем организационные вопросы. Жить мы будем в Москве, зато свадьбу сыграем в городе на Неве.

В колыбели революции подаем заявление в загс. Самый красивый Дворец бракосочетания, на набережной Красного

Флота, увы, на ремонте. Выстояв очередь и переклички (а куда в Советском Союзе без очередей и перекличек!), записываемся на церемонию в другом питерском дворце, на улице Петра Лаврова.

В моей трудовой жизни, как по заказу, тоже происходит крутой вираж. В один из набегов в газету «Лесная промышленность» застаю редактора отдела информации Гоги Мухрановича Надарейшвили грустным и озабоченным.

Мы с Гоги знакомы к тому времени много лет. Помимо юморесок, я для «Леснухи» и журналистские материалы иногда пишу. В командировки от них езжу. «Что вы печальный такой?» – спрашиваю редактора. А он мне: «Да вот, нужен сотрудник, не знаю, где взять».

И тут я брякаю: «Возьмите меня».

И Гоги Мухранович в самом буквальном смысле за предложение хватается.

Я советуюсь с родителями, и, что удивительно, они оказываются только за. Никто не нудит о напрасно полученном образовании или ненадежности в целом журналистской профессии. Наоборот, всячески поддерживают.

Остается, правда, уладить с распределением. Я ведь, как молодой специалист, обязан оттрубить во ВНИИиПИ еще два с лишним года. Но и это правило оказывается возможным обойти при помощи партийной казуистики. Главный редактор «Лесной» пишет на бланке редакции письмо-запрос, которое начинается замечательной фразой: «Во исполнение постановления ЦК КПСС об укреплении журналистских коллективов кадрами, имеющими высшее инженерное образование, просим перевести такого-то на работу в газету…» То ли слова «во исполнение решений ЦК» оказывают магическое воздействие, то ли руководители института понимают, что толку с меня все равно нет и не предвидится, но никаких препятствий они не чинят. Договариваемся, что с первого февраля будущего года меня переведут в редакцию «Лесной» – а до этого мне предстоит многочисленные отгулы потратить.

Итак, к новому, восемьдесят третьему году я подхожу в предвкушении новой работы – и новой для меня, семейной жизни.

А на сам Новый год моя Ленинградка впервые должна приехать в Москву. Тут целая химия: будущая теща думает, что дочь отправляется знакомиться с родителями жениха. Но на деле мои мама и папа (с крошечной сестрой Анютой, будущим соавтором, Анной Литвиновой) уезжают в загородный дом отдыха. Квартира остается в полном моем распоряжении. Мы впервые с невестой останемся только вдвоем.

К Новогодью я тщательно готовлюсь. Шампанское тогда, как предмет дефицита, начинают закупать за пару месяцев. У меня припасена пара бутылок и коньяк «Плиска». Мама перед отъездом готовит мясо по-французски: классический советский рецепт, переможженную магазинную говядину только и можно было есть, протушив два часа в духовке под слоем сыра и майонеза. Путем ухищрений мне удается достать половинку торта «Птичье молоко».

О торте стоит рассказать подробней. Потому что эта история очень ясно характеризует тогдашний Советский Союз. В ней как в капле воды – и так далее.

Итак, торт «Птичье молоко» – абсолютный хит тогдашних вкусняшек. И совершенно недостижимая для большинства вещь. Пекут его по оригинальной рецептуре в единственном в столице месте – кажется, в ресторане «Прага», и больше нигде. Ежедневно в продажу поступают сто, что ли, тортов, которые мгновенно расхватываются очередью, что образуется чуть ли не с вечера, время от времени проводя переклички. (Без очереди и перекличек, повторюсь, мало что обходится в Союзе.) Но, как при каждом дефиците, существуют люди – пекари и руководители ресторана, – которые ради своих знакомых могут хвост обойти. На этих благородных товарищей есть выход у моей молодой коллеги из ВНИИиПИ. Вдобавок она учится на заочном в МЭИ, который я недавно окончил. И ей к грядущей сессии срочно требуется качественно решить контрошу по высшей математике. А я ведь (зачем-то) учился хорошо, все формулы и подходы помню.

И вот мы заключаем сделку по очень популярной в советские времена схеме «ты – мне, я – тебе». Я решаю для нее контрольную, она достает мне торт к новогоднему столу. Правда, не целый, а половинку. Почему половину, тоже понятно: сразу два торта в одни руки достать никак невозможно, а надо ведь, чтобы и девушка полакомилась вкуснотищей.

Итак, к визиту невесты все готово. На тридцать первое декабря я беру отгул. На третье января – тоже. Если кто не помнит, никаких длинных зимних каникул в Советском Союзе не существовало. Люди выходили работать прямо третьего.

Тридцатого декабря весь НИИиПИ собирается в актовом зале на торжественное собрание. Докладывают директор, секретарь парткома, председатель профсоюзного комитета, секретарь комсомольской организации. Подводят итоги года: во исполнение решений двадцать шестого съезда КПСС и так далее.

Затем концерт: к нам приезжают артисты с Таганки. Высоцкий к тому времени уже умер. Золотухин-Филатов-

Хмельницкий слишком великие для нашего энергетического НИИ. Поэтому выступают звезды второго плана: Антипов, Славина. Веселят почтенную публику отрывками из спектаклей и песнями Высоцкого.

Потом втихаря, в пустых и полутемных кабинетах, мы пьем с друзьями водку. Я впервые рассказываю им по секрету, что женюсь и ухожу из постылого института.

Дома, в пустой квартире, волнуясь предстоящей встречей, ворочаюсь, никак не могу уснуть. Забываюсь ближе к четырем. Будильник подбрасывает меня в семь.

Мы живем неподалеку от платформы «Ждановская» (сейчас «Выхино») – тогда тихий спальный район. Я бреду к станции по темным улицам, на которых все-таки чувствуется приближение Новогодья. И народу меньше тащится к метро, чем в обычный рабочий день, и люди как-то более расслаблены.

Возле станции – никаких магазинов, лотков, лоточков, реклам. Есть афиша кино на противоположной стороне. Несколько телефонов-автоматов. Три киоска: табачный, мороженое и почему-то металлоремонт. И еще есть железные прилавки, на которых летом тетеньки торгуют редиской и огурцами со своих огородов. Сейчас они абсолютно пусты, только торчит одинокий кавказец, продающий цветы. На прилавке расставлены подобия застекленных книжных полок, внутри которых горят, для тепла и освещенности, свечи – освещают вялые гвоздички.

– Молодой парень, гвоздика нада? – спрашивает он меня.

– Нада, – вздыхаю я.

Конечно, такому случаю гораздо больше подходят розы или хотя бы хризантемы, любимые Ленинградкой. Но где их возьмешь в декабре в Москве! Я покупаю семь красных гвоздик и сажусь в электричку.

Через сорок минут я на вокзале. Поезд прибывает в девять двенадцать. В пустынном зале ожидания, где нет ничего, кроме бюста Ленина, я гляжу на табло прибытия. Поезд ожидается вовремя. Цифры, указующие текущее время, застыли на круглой цифре: 09.00. А рядом: 31.12.1982. Электронные табло тогда редкость – символ нового, передового. И я говорю себе: запомни этот момент и эти числа. Как бы оно ни сложилось дальше, запомни. Интересно будет потом вспоминать.

Так и случилось.

Потом мы встречаемся с невестой, переходим с Ленинградского на Казанский и едем на совсем уж пустой электричке на станцию «Ждановская».

Дома я сразу выкладываю свой самый сильный козырь в виде

«Птичьего молока» – все равно тортик вскрыт, можно не ждать гостей. Варю в турке настоящий, не растворимый кофе. Мне, конечно, хочется остаться наконец с Ленинградкой наедине дома, однако у нас имеется еще одно важное дело, которое требуется выполнить именно сегодня: подать заявление в загс.

«Зачем?!» – воскликнет внимательный читатель. Ведь вы планируете бракосочетание в Северной столице? Ведь вы там уже подали заявку? Все правильно, отвечу я, НО. Тот, кто спрашивает, или не знает, или забыл реалии советских лет.

Заявка в загс означала для советского человека – доступ к целой россыпи разнообразных благ. Обручальные кольца по сниженной цене – раз. Продуктовый набор в день бракосочетания – два. Возможность причесаться-подстричься-уложиться в самой крутой парикмахерской города. Плюс: талоны на закупку в специальном магазине «Гименей» различных товаров, необходимых для строительства новой семейной ячейки: постельного белья и одеяла, мужских рубашек (две штуки), костюма мужского и пары модельных башмаков, а также нижнего белья, отрезов ткани и парадных туфель для невесты, и прочее, прочее. Два приглашения, по месту прописки каждого, делают доступными в два раза больше магазинов.

Может возникнуть вопрос: неужели не существовало в ту пору ухарей, которые под видом брачующихся подавали липовые заявления, чтобы открыть себе халявный доступ к незаконным благам? Имелись, конечно. Но советскую власть на мякине не проведешь. Каждому, кто подавал заявку на брак, в паспорте рисовали – на странице, посвященной семейному положению – палочку. Поэтому больше одного раза вожделенное приглашение не выдавали. Единожды получил и не женился – больше не обломится.

Мы подаем заявление в ближайшем районном загсе, на улице Юных Ленинцев. Возвращаемся домой, а вскоре приходят гости – все тот же друг мой Валя с молодой женой.

Все у нас хорошо: и стол, и компания. За исключением пустяка: не работает телевизор.

Советские телевизоры вообще ломались часто. Для ремонта действовали десятки мастерских. В телефонном справочнике Москвы за 1991 год им отведено две полноразмерные страницы. И все равно мастера не дозовешься. (Кстати, дефицит и наглость чинильщиков – еще одна разрешенная тема для «сатирических» рассказов.)

Вот и теперь: единственный родительский черно-белый телик не в порядке. Есть только звук, изображение отсутствует. А ведь на Новый год Центральное телевидение демонстрирует самые

забойные передачи. Главным образом, «Голубой огонек».

В нынешние времена, когда ничто не в дефиците, есть лишь проблема выбора (и отстранения от ненужного), я в два клика нашел в Сети тот самый, пропущенный нами «Огонек», что показывали в ночь на Новый, 1983-й. Сейчас особенно видно, какая это была, откровенно говоря, скучнятина и преснятина. Недаром передовая молодежь вроде нас «Огонек» тот если смотрела, то только фоном, чтоб что-то в углу бормотало. Хедлайнерами являлись все те же, что и нынче: Хазанов да Пугачева. (Только моложе и бодрее на тридцать пять лет.) Но вот кто, спрашивается, придумал ставить в эфир в новогоднюю ночь аккордеониста Ковтуна, адажио из «Лебединого озера», ариозо Ленского и украинский народный танец? «Заздравную» из «Травиаты», Людмилу Зыкину, Марию Биешу и цыганскую народную песню?

Спустя пару лет циничные журналисты мне объяснят: это оттого что специального телевидения, для генеральных секретарей и членов политбюро, пока не изобрели. Они смотрят Центральное вместе со всей страной. Поэтому «Огонек» должен подлаживаться под *их* вкусы – главных зрителей державы.

Кстати, в том «Огоньке» прозвучало три пиитических номера: во-первых, свои стихи читал Роберт Рождественский. С пародией на некоего современного поэта выступал Владимир Винокур. И с пародией на пародиста, Александра Иванова, – Геннадий Хазанов.

Сейчас ход мысли постановщиков действа становится, задним числом, понятен: в узких кругах новый генсек Андропов слывет любителем и знатоком поэзии и даже, ходят слухи, сам пописывает. Вот ТВ и старается ему угодить.

Следующим номером, после «Огонька», идут «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». Эту программу запускают обычно дважды в год – на Пасху (чтоб молодежь от крестного хода отвлечь) и в новогоднюю ночь, часа в четыре. Показывают балет из ГДР «Фридрихштадтпаласт» и певицу из братской Польши Марылю Радович. В качестве особого блюда демонстрируют один номер «Бони М» или даже (!) АББА.

Однако молодым и влюбленным никакой телевизор не нужен. Мы слушаем через радиоточку послание советскому народу (его, от лица высшего руководства, уже лет семь зачитывает диктор Игорь Кириллов – у кремлевских старцев нелады с дикцией и дыханием).

Потом мы пьем и врубаем магнитофон.

Гуляем недолго – все-таки полубессонная ночь сказывается. Зато и просыпаемся наутро не поздно, часам к одиннадцати.

Может показаться странным, но первого января в Союзе

трудятся почтальоны. И выходят газеты. Не все, но самая главная, «Правда», отпечатана.

Я спускаюсь к почтовому ящику и достаю праздничный номер. Там на последней полосе рассказ Юлиана Семенова – про Штирлица. Смысл его заключается в следующем. В полуразрушенном, но все еще нацистском Берлине сорок пятого года советский разведчик видит черную кошку, перебежавшую дорогу. И немецкого мальчика, который вот-вот перейдет ее след. И тогда доблестный чекист нажимает на газ своего «Мерседеса», первым пересекает невидимую линию, прочерченную черным котом, и тем самым «спасает» парнишку.

Рассказ, вроде написанный на полном серьезе, да в главной партийной газете опубликованный, звучит откровенно пародийно, в духе анекдотов про Штирлица. («На углу стояли проститутки. „Проститутки“, – подумал Штирлиц. „Штирлиц“, – подумали проститутки».) Мы вчетвером, читая его под утренний кофе, с остатками «Птичьего молока», только потешаемся.

Потом друзья уходят, но через пару часов жалуют новые – мои школьные товарищи. (Пустые квартиры в те времена использовались на полную катушку.) Друзья знакомятся с невестой и выказывают мне тайком горячее одобрение.

На следующий день мы с Ленинградкой едем вместе, словно семейная пара, в гости к другим друзьям, по институту. А третьего, когда открываются магазины, отправляемся на «Щелковскую», на разведку в магазин «Гименей», куда имеем теперь полное право захаживать. Но ничего не покупаем – цены кусаются. Особо поражает бобровая шуба ровно за десять тысяч рублей – дороже, чем кооперативная квартира или автомобиль «Жигули».

Потом я провожаю свою невесту на поезд.

Новый год прошел. Незаметно, как всегда. Завтра – на постылую работу. Вставать по будильнику, чтобы, не дай бог, ни на минуту не опоздать.

И расставаться с любимой грустно. Мы прожили вместе три дня, как бы в собственной квартирке, вели совместное хозяйство. И мне нравилось быть рядом.

И вот – разлука. Но в каждой горести маячит надежда на грядущие перемены. Скоро я брошу постылую службу. Займусь любимым, бодрым делом. И с невестой мы тоже вот-вот увидимся. Семнадцатого у меня день рождения, и она приедет в столицу со своей мамой – теперь знакомиться с моими родителями по-настоящему и обсуждать детали грядущего бракосочетания. Но что такое целых две недели для любящего сердца! Вечность! На промороженном перроне Ленинградского вокзала сердце

разрывается от тоски. Поезд, холодный и дополнительный (в Новогодье с билетами, как со всем прочим, дефицит), отчаливает от платформы.

С тех пор минуло, как пишут в романах, много лет. Всякое с нами бывало. Случались тяжелые времена, и веселые, и грустные. Однако тот Новый год стал, как оказалось – если опять воспользоваться тогдашним партийно-пропагандистским лексиконом, – одновременно и определяющим, и решающим.

Потому что все Новые года, что приходили ему на смену, все тридцать три прошедших – в съемной коммуналке, в арендованной двушке, в собственной кооперативной квартире, в компании с друзьями, в Ленинграде (а потом в Петербурге), в гостинице на берегу Красного моря, на нью-йоркской Таймс-сквер, в своем доме в Подмосковье – все, без исключения, последующие года мы с моей тогдашней невестой встречали *вместе.*

Анна Матвеева
Письма профессора Феенкера

Кто бы мог предположить, что это – лучший Новый год в моей жизни! И что по сию пору буду вспоминать его, сравнивать с ним наступившие после. И что никакого сравнения они не выдержат…

Через три недели после Нового года мне должно было исполниться восемь. Законное время ожидания подарков и поздравлений (по поводу сначала всеобщего, а потом – моего личного праздника). Но на этот раз в душе копошилось опасение быть обнесенной удовольствиями: как мое поведение, так и прилежание в последнее время оставляли желать лучшего… Я часто капризничала, неаккуратно вела прописи, укусила брата Костю за руку (зубы там так и отпечатались пунктиром!), а не далее чем вчера изуродовала любимую книжку: обиделась за что-то на маму (мама утверждала, что, когда я рвала из книги листы, выражение лица у меня было *мстительное*).

Выданная мне навсегда близость моих новых годов – первого января и января девятнадцатого – превратила начальный месяц года в самый любимый. Я прощала ему все: короткие темные дни, лютую стужу, кусачие гамаши и даже ненавистный платок, которым мне повязывали голову под шапкой. Настоящее лето бывает только в детстве, но и настоящих зим после тех, что приходили в Свердловск в конце семидесятых, я как-то не припомню. А мне особенно повезло – родиться в самый холодный день года! Никто не объяснял, что девятнадцатого января отмечают Крещение, никто не заикался о *знаке зодиака Козероге* – это был просто мой день, самый лучший в году.

Новый год я воспринимала всего лишь как разминку перед Настоящим Праздником, как, наверное, и полагалось младшему ребенку в счастливой и дружной семье. Этого я тогда тоже не понимала, про дружную и счастливую. Жизнь омрачали разве что наши с братом стычки, ну и, пожалуй, денежные нехватки. На многие свои пожелания я слышала: «Не получится, нет такой возможности» (то есть денег). Впрочем, это шло как-то мимоходом, а в целом я ощущала себя почти всегда довольной жизнью.

Третьего дня мы с братом старательно обыскали квартиру в поисках припрятанных подарков, но не нашли ничего интересного или хотя бы из ряда вон выдающегося. Мне, правда, померещилось в стенном шкафу нечто инородное, явно не здесь

прописанное и к тому же мягкое, способное обратиться плюшевым зверем, к которым я в том году была расположена особенно. Но Костя, выслушав мое предположение, заявил авторитетно:

– Это папины валенки!

Скорее всего, брат просто поленился лезть с инспекцией на самую верхнюю полку, но я с ним спорить не стала. Валенки так валенки. Хотя почему они лежат дома, если на улице минус тридцать? Вопрос остался открытым, как и дверцы стенного шкафа. В результате мама сделала правильные выводы и рассердилась на нас обоих. Сердиться и ругаться мама не умела, так до сих пор этому и не научилась, хотя поводов лично я давала ей множество.

– Вообще никаких вам подарков, раз так! – Мама грозила пальцем, хмурила брови, а глаза у нее блестели и смеялись, я это видела, и Костя видел тоже. Тем же вечером, когда я никак не могла заснуть и прибежала к маме в соседнюю комнату – она писала там свою *диссертанцию* (это детское слово до сих пор кажется мне очень красивым: в нем струится движение, танец, тогда как правильная *диссертация* скучна и статична), – мама для баловства нарисовала мне черной шариковой ручкой маленького чертика на животе. Это был очень красивый чертик, ничем не хуже тяжеленного черта каслинского литья, который стоял на полке в каждой третьей квартире Свердловска. Мама прекрасно рисовала, она все делала и делает прекрасно, и это удивляет многих ее знакомых: понятно, что можно защитить докторскую, заработать себе имя в научной среде, выпустить целый прайд аспирантов и с десяток словарей с учебниками. Но уметь при этом еще и варить варенье? Готовить рябчиков в сметане (а вначале – потрошить этих самых рябчиков)? Шить-вязать? Белить и красить? Полоть и окучивать? А также играть на фортепиано?

Чернильный чертик меня обрадовал и успокоил. Я вернулась в детскую и с гордостью показала рисунок Косте, а он, конечно, начал меня дразнить:

– Завтра все скажут: «Девочка с татуировкой! Смотрите, девочка с татуировкой!»

Я никогда не сомневалась в словах брата, что понятно уже по истории с «папиными валенками». Мне даже в голову не пришло, как эти «все» увидят моего чертика, ведь на каждом человеке в такой мороз надето по четыре слоя одежды! Я разрыдалась от горя и унижения, и тогда мама бросила свою диссертацию и теперь уже действительно рассердилась. Выяснив, в чем дело, она в момент стерла чертика с моего пуза при помощи ваты и капельки одеколона «Саша», и теперь я уже оплакивала то, что у

меня больше нет чертика…

В общем, неделька выдалась довольно нервная. Еще и папа ходил с каким-то очень невеселым лицом, а я считала, что любое невеселое лицо в нашем доме имеет отношение ко мне. Именно я должна быть причиной для чужого недовольства и беспокойства – более никто и ничто. Чудесная была, как вы заметили, девочка. Мне, взрослой, такие решительно не нравятся.

Папа мой к тому времени уже давно защитил докторскую и *работал профессором*, как я выражалась, в университете. Много позже я узнала, что в начале карьеры разлет интересов у него был широченный – от латыни и античной литературы до этимологии и топонимики, ставшей в конце концов главным делом его жизни. В промежутках между лекциями и научными экспедициями папа играл на фортепиано (для любителя, начавшего обучение в возрасте сорока с лишним лет, – очень даже неплохо); в сезон, строго по лицензии, бил в лесах рябчиков, тетеревов и глухарей, а не в сезон патрулировал в лесу для ловли браконьеров. Взятыми глухарями он особенно гордился, а взятых браконьеров презирал. С Костей их сближала любовь к лесной жизни: охоте, рыбалке, экспедициям, дальним походам. Со мной в моем раннем детстве общего у нас было значительно меньше. Я лесной жизни не любила, один раз меня взяли за грибами, всей семьей собрались – и сильно пожалели. Я двигалась с тайком прихваченной книжкой от пенька к пеньку и на каждом норовила посидеть и почитать (читать очень любила). По очередному окрику вставала, как во сне, и топала на голос – до следующего пенька или грибной поляны, где движение замедлялось. Происходящего вокруг – лес, не лес – в упор не замечала. Мне нравились романы Дюма и карикатуры из журнала «Крокодил».

В том, что касалось персоны Деда Мороза, мы с братом проявляли редкостное единодушие. Считали себя уже достаточно взрослыми для того, чтобы не верить в чудаковатого старца с возрастными нарушениями слуха (иначе для чего его нужно так громко, хором звать на елках, выстроившись в хоровод?), но не хотели лишить родителей радости еще раз сыграть с нами в эту игру.

На дом к нам Дед Мороз не являлся. Может, у родителей просто не было денег на такой сервис, а может, они к нему и не стремились. До сих пор с замиранием сердца слушаю чужие детские впечатления: например, мой муж, будучи мрачным шестилетним мальчиком, увидев в дверях красную шубу и белую бороду, тут же метнулся в детскую и скрылся под кроватью. Дед Мороз, потея от натуги, пытался достать оттуда ребенка и обслужить его согласно прейскуранту, а мама причитала:

– Ну как же, Кеша, это ведь Дед Мороз! Он тебе подарок принес!

– Пусть оставит подарок и немедленно убирается! – был дан ответ из-под кровати.

Или вот еще кто-то рассказывал: Дед Мороз пришел к ним домой то ли к пятым, то ли к восьмым по счету, и к белой бороде его намертво прилипла засохшая килька. (Точно так же – намертво – она прилипла к памяти девушки, которая об этом рассказывала, а следом – и к моей.)

У нас праздник устраивался четко, по плану, как, кстати, и все остальное. За несколько дней до Нового года папа и Костя покупали елку на базаре, приносили ее домой спутанную и жалкую, а потом она отогревалась в тепле, протягивая ветви к дивану и телевизору. Мы с мамой наряжали ее, то есть наряжала мама, а я вертелась под ногами вокруг ящика с подзабытыми уже елочными игрушками, который доставался с антресолей только к моменту украшения елки.

Мне нравилось вынимать из игрушек упругие острые шпильки, на которых крепились петельки с продернутыми нитками. Иногда я случайно кололась этими шпильками до крови, но это не убавляло моего энтузиазма. С энтузиазмом у меня вообще никаких проблем не было. Напоследок окутав елку мишурой и опутав гирляндой с маленькими цветными лампочками, мама ставила под нижние ветви ватного Деда Мороза в желтом полушубке и пластмассовую Снегурочку, с лица которой годы давно уже смыли глаза и рот, так что я нарисовала ей новые – шариковыми ручками голубого и красного цвета.

Часов в восемь мы садились за стол, что-то ели (эта часть праздника меня в те годы совершенно не занимала) и пили, после чего под елкой таинственным образом появлялся мешок с подарками. Я не знаю, когда мама или папа успевали его туда подсунуть, – мы с Костей ни разу не смогли это отследить. Дед Мороз и Снегурочка с чернильными очами находились вне подозрений.

Потом мы доставали подарки из мешка и угадывали, кому они предназначены. Ни разу не случалось, чтобы я ошиблась и возжелала что-то, приготовленное для брата, или наоборот: и вкусы наши были различны, и родители хорошо знали, кто из нас о чем мечтает. Я мечтала обычно вслух, громко и на всякий случай много раз, а брат – тихо и секретно, но в результате каждый получал то, что хотел. В этом таилось еще одно волшебство, загадочное умение родителей.

Взрослые у нас никогда не получали подарков от Деда Мороза. Он приходил только к детям, и, в общем, это казалось

разумным. Заканчивался вечер всякий раз одинаково: я умоляла маму разрешить мне хотя бы начать читать подаренную книгу или сыграть в новую игру, а она все равно выключала свет. Однажды, лет в пять, я в знак протеста за такой произвол улезла с одеялом под кровать, так и проспав там почти всю новогоднюю ночь.

Ночью я просыпалась – проверить подарки, которые лежали у изголовья (вдруг исчезли?). Обычно это были книги (как правило, Средне-Уральского книжного издательства). Довольно часто Дед Мороз дарил настольную игру. Изредка в мешке находилась мягкая игрушка, пластилин или карандаши, хотя особенно нами ценились фломастеры.

Сейчас я думаю, что мне тогда были важны не сами подарки, а их наличие. Главное, чтобы под елкой вовремя появился тот самый мешок (вполне прозаический, чуть ли не бельевой – никакого там бархата и витых золоченых шнуров) – и чтобы в нем лежало нечто новое, предназначенное только мне. Я не помню, чтобы хотя бы раз осталась огорчена или разочарована подарком к Новому году или ко дню рождения. Даже самые скромные подношения всегда вызывали радость и чувство горячей благодарности…

В тот вечер, как я уже сказала, папа был невесел и пытался скрыть это от нас, но мы все равно видели, что он не в настроении, и каждый на свой лад старался отвлечь его от грустных мыслей.

Мама, как всегда, делала одновременно сто разных дел, и можно было не сомневаться в том, что каждое из этой сотни будет сделано безупречно. Ровно в семь часов вечера раздался звонок, и сердце мое подпрыгнуло, как обернутый фольгой мячик из тех, которые продают у входа в зоопарк. Нет, я не верила в Деда Мороза, но даже у самого отъявленного атеиста сердце порой прыгает мячиком.

– Кто там? – спросила я у двери. Дверь ответила:

– Снегурочка.

Я отворила – и, к своему глубочайшему разочарованию, увидела никакую не Снегурочку, а самую обыкновенную тетю Надю, мамину подругу, которая жила неподалеку и решила поздравить нас с праздничком. Мне ее шутка категорически не понравилась. Не говоря уже о том, что никаких подарков тетя Надя с собой не принесла, зато довольно долго сидела с мамой на кухне, где что-то варилось, жарилось, пеклось, в общем, происходило.

Костя в детской дочитывал «Уленшпигеля», а я маялась, слоняясь по дому и не зная, чем себя занять. Только дети умеют

страдать от скуки с полной отдачей, взрослые от страха перед этим чувством в момент находят себе с десяток разных занятий.

Наконец тетя Надя ушла, а мы с мамой начали накрывать на стол. Хмурый папа так шуршал бумагами за своим рабочим столом, что было понятно: лучше к нему не подходить.

Ровно в девять вся наша семья села за стол, и взгляд папы немного смягчился. Как будто бы он принял какое-то решение и смирился с ним, так я сказала бы теперь. А та маленькая девочка, которая сидела за праздничным столом, провожая 1979 год, всего лишь почувствовала, что теперь все будет по-прежнему, как в прошлом и позапрошлом году. Это очень важно в детстве – чтобы все оставалось по-прежнему. Как раньше.

Мешок с подарками таинственным образом возник под елкой, когда мы накрывали стол к чаю. Дед Мороз и Снегурочка стояли перед мешком как часовые и были нетерпеливо (хотя и с уважением) отодвинуты в сторону.

В этом году пришла моя очередь доставать подарки. Костя терпеливо ждал, пока я подниму мешок и перенесу на диван, чтобы с комфортом прожить момент.

Увы, мешок оказался слишком легким. А мое предчувствие – слишком тяжелым.

Неужели родители решили наказать меня, оставив без подарков? Неужели проклятые прописи и загубленная книжка так много значат?

Я зажмурилась, сунула руку в мешок – и достала два конверта. Светло-голубые конверты, украшенные по краю синими и красными толстыми косыми черточками, похожими на флажки. Иностранные марки с крупной надписью Europa и Deutsche Bundespost, штемпели, таинственный адрес отправителя на иностранном языке…

– Немецкий, – сказала мама, разглядывая конверты с не меньшим, чем у нас, изумлением. А потом она начала с таким же точно изумлением разглядывать папу, но он невозмутимо размешивал сахар в своей чашке чая.

– Положи-ка мне еще кусочек пирога, – попросил он маму.

Мы с Костей продолжали глазеть на конверты, не решаясь открыть их. В правом нижнем углу каждого конверта было пустое продолговатое окошечко, а на листке, вложенном внутрь (это мы уже потом разобрались), напечатан наш домашний адрес, русскими буквами. И наши имена: «Косте Матвееву лично», «Ане Матвеевой лично».

– Ну что же вы? – не утерпел папа. – Открывайте!

Я распечатала конверт – и вытащила оттуда листок с крупными буквами.

Вот он (сейчас, спустя 36 лет!) – передо мной.

Дорогая госпожа Аня Матвеева!

До меня дошли слухи, что ты ведешь большую переписку с Зорой из Чехословакии, Калиной из Болгарии и даже с Борисом Заходером. И мне стало очень обидно, что ты не пишешь мне, самому большому вралю и самому честному человеку в мире. Вот я и решил написать тебе письмо. Вдруг ты мне тоже напишешь.

Для начала немного повру. Только вчера я прилетел с далекой звезды, которая называется Альдебаран. На этой звезде живут одни бараны, поэтому правильнее ее было бы назвать Ай-да-баран. Но люди думают, что там никого нет и температура в пять миллионов градусов, так пусть уж эта звезда числится Альдебараном. А по дороге мне еще удалось навестить планету Сатурн. Это очень веселая планета: вокруг нее летает столько всякой мелочи изо льда и снега, что она издали походит на обледеневшую луковицу в разрезе. И до того ей смешно над самой собой, что она то и дело надувается и раздувается. Бывает, что ветерки с Сатурна добираются и до Земли.

Между Сатурном и Альдебараном хорошее сообщение – регулярно летают змеи-горынычи три раза в день. Немного жарко, но на улице (я хотел сказать, в космосе) холодновато, так что уж лучше сидеть в пузосалоне у очередного змея-горыныча.

До свидания, милая Аня! Может быть, напишешь мне? Правда, часто я писать не могу, все время в пути.

Твой будущий друг барон фон Мюнхгаузен.

P.S. Не удивляйся, что я пишу на русском языке: я знаю все языки мира, птичий язык и общекосмический, которого на Земле никто больше не знает.

В конверте, кроме этого письма, лежала еще и какая-то странная карта – со стрелками и рифмованными подсказками. Увы, она не сохранилась, не пережила последних 36 лет… И у Кости, в его конверте, тоже находилась такая карта, предназначенная лично ему. Самые обычные, рядовые предметы в нашей квартире – шкаф или выдвижной ящик стола назывались в картах Мюнхгаузена «горами» и «пещерами». Надо было отсчитывать шаги, крутиться на месте, произносить таинственные заклинания – тем новогодним вечером мы с братом превратились в кладоискателей и обнаружили в конце концов припрятанные бароном подарки!

Не помню, что получил брат, а мне Мюнхгаузен (заменивший

с той поры Деда Мороза) преподнес роскошную книгу Астрид Линдгрен и набор кубинских марок с цветами (я собирала «флору», Костя – «фауну») для моей коллекции – к нему прилагалась записка «Посылаю тебе, Аннет, кубинских цветов букет».

Это было настоящее, истинное, неподдельное чудо! Счастье самой высокой пробы. Даже старший брат, при всем его скептицизме, не смог найти ни одного довода против таинственного барона, отправлявшего письма в настоящих германских конвертах! Такая подделка никому не под силу, правда же?..

…Больше всего на свете в то время я любила писать и получать письма. Действительно, переписывалась с незнакомыми мне девочками из Тренчина и Софии и однажды отправила письмо Борису Заходеру, попросив его перевести с английского продолжение «Мэри Поппинс» (Заходер мне ответил, чему я до сих пор удивляюсь, и бережно храню две его открытки.) И, конечно, я тут же написала ответ Мюнхгаузену, положив листок под елку (барон не уточнил, как именно он будет забирать корреспонденцию).

Он ответил – в мой день рождения я получила от него красивую открытку с розочками.

Мы переписывались несколько лет после того Нового года – самого счастливого, как я теперь понимаю, в моей жизни. Иногда письма приходили в таких же конвертах с немецкими (а изредка – финскими и австрийскими) марками, иногда это были просто сложенные вчетверо листки бумаги. Обычно я находила их под подушкой. Мюнхгаузен рассказывал о своих приключениях, шутил, советовал мне хорошо учиться и не ссориться с братом. С Костей такой долгой переписки у барона не получилось – он быстро вырос, повзрослел… Сказки приходились ему уже не по росту. «*Вон как вымахал, это уже не Костя, а две кости»,* – сказала тетя Надя, заглянувшая к нам в очередной раз.

Когда мы переехали на другую квартиру, Мюнхгаузен ненадолго пропал, но потом появился снова. Я не рассказывала даже самым близким подругам о том, что веду переписку с бароном. Я никому, даже папе (тем более папе!), не говорила, что давно догадалась о том, что пишу эти письма ему. Моему любимому, лучшему в мире отцу, готовому переодеться в сказочный костюм барона Мюнхгаузена для того, чтобы сделать своих детей счастливыми, пробудить в них фантазию и глубокую веру в чудесное, которая живет во мне и теперь.

Тогда, в 1979 году, и позже, на протяжении многих лет отец вел вовсе не сказочную, а серьезную научную переписку с

известным немецким финно-угроведом, профессором Вольфгангом Феенкером из Люнебурга. Профессор Феенкер работал в Гамбургском университете, специализировался в славистике и финно-угроведении, защитил диссертацию на тему «Финно-угорский субстрат в русском языке». Он много раз приглашал выдающегося российского ученого Александра Константиновича Матвеева приехать на конференцию или конгресс в Гамбург, Хельсинки, Вену и так далее по карте Европы. Приглашения профессор Матвеев складывал аккуратной стопкой, и на этом все заканчивалось, не начавшись.

– Ну, может, тебя выпустят хотя бы в Хельсинки? – спрашивала мама. – Там можно купить дубленку…

Отец был беспартийным, с подозрительной дворянской родословной и сложным характером. Работал в университете закрытого для иностранцев города Свердловска. Шансов поехать за границу – ни малейших.

– Вступили бы в партию, Александр Константинович, все стало б легче, – говорили знающие люди.

В почтовый ящик падали очередные извещения – «На ваше имя получено м/п из Федеративной Республики Германии», в Европе готовились к новому конгрессу. Бог с ней, с дубленкой, но увидеться с коллегами, послушать их выступления, обсудить научные проблемы, продвинуться в собственных исследованиях… А какие там, наверное, библиотеки!.. Отец знал если не все языки мира, то, по крайней мере, многие из них. Преподавал латынь и древнегреческий. Свободно читал по-немецки, по-английски, по-французски. Знал финский, венгерский, мансийский.

В тот новогодний вечер отец получил еще одно приглашение на еще один недоступный конгресс, поэтому и был так невесел. Но дети ждали праздника, чуда, счастья, поэтому профессор Матвеев заправил чистый лист в пишущую машинку и написал два письма от лица барона Мюнхгаузена, чудесного враля, который, не будучи членом партии, мог отправиться куда угодно – даже на Альдебаран! Конверты папа распечатывал аккуратнейшим образом, заклеить их заново не составляло труда. Вот так письма профессора Феенкера и получили вторую жизнь – не научную, а сказочную…

За границей отец побывал впоследствии лишь один раз – в давно заочно любимой Финляндии. Костя, уже будучи взрослым, устроил для него большую выездную рыбалку, и профессор Матвеев начисто сразил местного проводника тем, что говорил на его родном языке и знал о финском житье-бытье не меньше его самого.

Тридцать шесть лет прошло с того Нового года – самого, как я теперь понимаю, счастливого в моей жизни. Уже одиннадцать лет, как за нашим праздничным столом нет и никогда не будет моего старшего брата Кости. Уже шесть лет, как я не покупаю новогодних подарков отцу. Я давно не радуюсь девятнадцатому января – потому что счастливые дни рождения бывают только в детстве, как настоящее лето и настоящая зима. Но в Новый год, в канун его, я всегда чувствую приближение чуда, неожиданного и бесценного, – и знаю, что это ощущение останется со мной до последнего дня моей жизни…

И где-то в далекой Германии барон в парике с косичкой пишет письмо моим детям, а потом, если Бог даст, напишет и внукам. Наш Мюнхгаузен будет жить вечно – как родительская любовь, которая не исчезает, даже когда земная жизнь окончена.

Он напишет – а они ему, конечно же, ответят!

Татьяна Веденская
Новый год – семейный праздник!

Как же я устала в тот год. На память осталась фотография, ее сделал мой папа как раз за несколько минут до наступления Нового года, и у меня там настолько усталое лицо, что его обладательницу хочется немедленно отправить в какой-нибудь профильный санаторий. Синяки под глазами, серый цвет кожи, своеобразная мимика, когда невооруженным глазом видно, что человеку тяжело произносить слова, даже такие короткие, как «да» и «нет». И сегодня, когда прошло много лет, я могу закрыть глаза и вспомнить это чувство – туманящая разум усталость, ватные ноги, непреодолимое желание швырнуть что-то об стену и чтобы разлетелось на тысячи мелких осколков. Кто-то рассказывал мне о кафе, где разрешено бить рюмки о кирпичную стену. В тот год это было бы лучшим местом для меня, чтобы встретить праздник. Но мы с мужем решили по-другому, и могу сказать одно: я действительно этого хотела, очень хотела. Три дня вдвоем с мужем. Только я и он. И сияющий Невский. Впрочем, мне тогда подошел бы любой центральный проспект, лишь бы подальше от моих обожаемых деток. Три дня – это же немного, верно?

– Питер так Питер, – вздохнул мой отец и добавил: – Может, все-таки останетесь?

– Мы уже отель забронировали, пап! – Я тут же состроила жалобную моську, и он перестал хмуриться. Папа никогда не мог мне отказать, всегда баловал, всегда шел у меня на поводу. На мой взгляд, именно таким и должен быть настоящий отец. Вот и в этот раз он только вздохнул глубже и кивнул. Сборы начались.

Помню, я радовалась как ребенок. Мы действительно давно никуда не выезжали с моим мужем, почитай что с момента нашего знакомства. Кризис девяносто восьмого съел все наши накопления, а вялая, как ягодицы старушки, экономика двухтысячных добила окончательно. Мы работали, работали, работали, попутно родив второго ребенка. Кесарево было тяжелым, с осложнениями, потом дочь долго лежала в реанимации, и каждый день, когда врач говорил мне, что состояние ее «стабильно тяжелое», что-то внутри меня обрывалось и летело в пропасть, где разбивалось о камни. Когда нам все же отдали ребенка, я поверить не могла, что она со мной и что она такая крошечная. Она спала только у нас на груди, как

котенок, которому холодно в любом другом месте. Мы дежурили посменно, то я лежу, муж ходит, то муж лежит, я могу распрямиться, хоть обед сварить. Но такая роскошь – не каждый день.

Старшая дочь – стойкий оловянный солдатик. Спрашиваю:

– Ты не против, если мы с папой уедем на три дня?

– Я – «за», – отвечает терпеливый ребенок, не хочет расстраивать маму. Она-то все видит, она слышала, как я кричала, что если не высплюсь так, чтобы хотя бы одну ночь – от начала до конца, то сойду с ума. – Только привезите мне что-нибудь.

– Что? – уточняю.

– Привезите пони, – отвечает она. Ребенок! Шесть лет, а мир вокруг нее уже непоправимо изменился. Какой-то психолог сказал мне, что старший ребенок – это развенчанный король. Он теряет свое положение раз и навсегда, когда рождается второй ребенок. И этого потерянного королевства ему искать всю жизнь. Ищем, ищем.

– Езжайте уже, – машет рукой мама.

Условие простое. С утра пораньше мы привозим деток, помогаем со всеми приготовлениями и убираемся восвояси, то бишь в Питер. Родители-кукушки. Родители-ехидны. Последнее – так, в шутку, конечно. А мне все равно, я не в силах отказаться от мечты. Как представлю, что мы с мужем будем гулять, разговаривать, гулять, разговаривать… Конечно, я знаю, что дети будут скучать. Я тоже стану скучать. Я уже скучаю. И даже само это чувство, эта возможность соскучиться по любимым дочкам меня очаровывает. Не устать от них, да так, чтобы к концу дня закрывать уши ладонями, а соскучиться. Вот это будет красота. Идеальный Новый год. Мы позвоним им по скайпу.

Конечно, не без чувства вины, куда уж без него. Жизнь жены и матери – это коктейль из усталости и чувства вины, с тонкой, изысканной ноткой любви, щепоткой нежности и с добавлением моря из самых разных поцелуев по вкусу. На ночь – когда прикасаешься губами к нежным щечкам спящих котяток, и наутро, на прощание перед дверями садика, в ручку, которую порезали, чтобы не было «бо-бо», и такие, которыми можно защекотать. Иногда поцелуи становятся страстными, такими, которые украдкой даришь мужу, но так, чтобы дети не проснулись. Московские стены тонки.

Я умело запихнула чувство вины в долгий ящик и сказала

самой себе, что подумаю об этом завтра, в то утро это означало – в следующем году и в Питере. С чувством вины справиться оказалось несложно, ибо внутренний голос говорил, что мы с мужем эту поездку заслужили. И все же имелось что-то еще. Что-то неуловимое, на уровне не ощущения, а едва уловимого предчувствия. Как будто уронили солонку и рассыпали соль, а мне не сказали.

– Что с тобой? – спросил муж, когда я застыла над сумкой, которую собрала для нас еще накануне. – Ты плохо себя чувствуешь? Может быть, никуда не поедем? Какая у тебя температура? Нормальная, точно?

– Ты хочешь остаться? – испугалась я. Но какая-то часть меня твердила, что остаться – это правильно. Куда нас несет, как говорит мой папа.

– Мне просто показалось… – И супруг помотал головой. Его предчувствия не беспокоят, он не такой человек. Он привык жить по приборам. Барометры, термометры, тахометры и прочие «метры». Он, даже когда смотрит в окно, параллельно сверяется с прогнозом погоды на своем планшете, и если данные прибора и реальности не совпадают, он предпочтет следовать указаниям приборов. Поди расскажи ему про интуицию.

Впрочем, внутренний голос замолчал, стоило нам только отчалить от квартиры родителей. Три дома, если смотреть на них сверху, образуют знак «Мерседеса», но мы, дети, звали их Пентагоном, хотя это и ошибка, ибо Пентагон – совсем другая фигура. Эти дома – последние по Ленинградскому шоссе, и Москва за ними заканчивается. Мы покинули город меньше чем за пять минут. Никаких пробок, никаких конкурентов. Только мы, наш «Москвич» и сугробы по краям дороги. Не так уж много людей решилось бы на путешествие тридцать первого декабря, да еще в тридцатиградусный мороз. Та зима выдалась холодной, и в машине было так уютно сидеть и щелкать кнопками, меняя радиостанции. Это оказалось именно то, чего мне так не хватало. Недостающий ингредиент в рутине изматывающих дней.

– Ты дорулишь до Бологого или поменяемся раньше? – спросила я, сонно рисуя что-то на запотевшем стекле. – Кстати, а Бологое вообще склоняется? Наверное, нет. Дорулишь до Бологое?

– До Бологое дорулю, – усмехнулся муж, бросил на меня насмешливый взгляд и повернулся обратно к дороге.

Так мы и ехали – останавливаясь на заправках, лопая дешевый шоколад, который в нормальных условиях никто не

позволяет себе, слишком вредно, почти опасно для жизни. Болтали о том, чем займемся в Питере. Не так уж много всего можно делать зимой, если не любишь холод. Мы с мужем – как медведи, уходим на зиму в берлогу. Только вот поспать в ней нам никто не дает. Так что всякие там санки-лыжи были не для нас. Оставались музеи, выставки и рестораны. Я не возражала ни против первого, ни против второго, ни, особенно, третьего. Питерские рестораны отличались от московских, особенно тогда, пятнадцать лет назад, когда эта всеобщая глобализация не накрыла город на Неве своими стандартными блюдами и одинаковыми десертами. Не понимаю, что может быть хорошего в том, чтобы убрать маленькие кафе, в каждом из которых можно попробовать что-то новенькое, и заменить их морем одинаковых сетевых штук, производящих на свет одинаковые впечатления. Но, видимо, с коммерческой точки зрения… Слишком много хороших вещей уходит только потому, что они несостоятельны с коммерческой точки зрения.

– Скоро Бологое, – услышала я голос мужа сквозь дрему. Мне ужасно не хотелось садиться за руль, ибо нет большего удовольствия на свете, чем глазеть по сторонам из окна летящей по пустой дороге машины. Но делать было нечего.

– Это где-то между Ленинградом и Москвой, – пропела я и принялась настраивать свою ленивую натуру на тяжелый и долгий труд. Эта схема – вести по половинке дороги – больше нами с мужем никогда не применялась. Глупая на самом деле схема. Слишком долго, слишком большое напряжение, столько часов. Потом мы менялись каждый час или каждые два часа, и от этого возникало ощущение движения, динамики. Ты садилась за руль, зная, что тебе не так уж и долго вести машину. Всегда было видно свет в конце тоннеля. Забавно, что ни один из нас не любит водить. Когда-то любили, но в Москве это проходит быстро. Постоишь вот так в пробках… целую жизнь и начнешь ценить место пассажира.

– Ну что, садись? – сказал он, и снова что-то кольнуло меня в области солнечного сплетения. Не думаю на самом деле, что это являлось знаком или чем-то в этом духе. Если бы существовали и в самом деле такие знаки, разве не научились бы мы их различать и принимать к сведению. Нет, я просто ленилась, не хотела рулить.

– Прямо до Питера? – вздохнула я. Времени натикало – около пяти часов вечера, наверное. Я помню, что было еще совсем светло, хотя день стоял пасмурный. Где-то там, высоко в небе, мягкие облака закрывали солнце, но они являлись тонкими и потому пропускали достаточно света. Снаружи царил такой

сильный холод, что это было видно даже невооруженным глазом. Дорога сузилась, а высоченные ели по сторонам дороги, словно скафандрами, сковал снег. Асфальт почти замело, выделялись только серые полосы на снегу, оставленные колесами большегрузов. Только фуры и мы – сумасшедшие странники, уезжающие из одного города в другой в поисках ровно того же самого, что оставили дома.

Узкая полоса посередине оставалась бела, по ней почти никто не ездил, ее использовали только для обгона фур. В условиях таких холодов разметка исчезла под снегом, и машины ехали одна за другой. Где-то впереди кто-то очень медленный портил всем остальным праздник, и мы тащились за тяжелой фурой, не имея возможности разогнаться хотя бы до разрешенных скоростей.

И я пошла на обгон.

Показала поворотником, что собираюсь идти на обгон. Несколько раз я высовывала нос из-за массивной «фурьей попы», чтобы посмотреть, что там и как. Много увидеть не получалось, и в какой-то момент решилась. Вывела машину на узкую белую полоску снега и придавила педаль газа. Я достигла примерно середины фуры, когда поняла, что впереди другая фура, что она движется прямо на нас. Я не знала, с какой скоростью она идет, не могла этого точно просчитать и не понимала, сколько осталось до столкновения, успею ли я проскочить, завершив обгон. Стало страшно, но страх не проходил через блокаду, сформировавшуюся на молекулярном уровне. Я все видела и слышала, но ничего не чувствовала, а словно наблюдала за самой собой со стороны. Помню, как адреналиновый удар разогнал кровь, и стало сложно дышать, но все это – тоже словно на расстоянии. Чувства обострились, и все происходящее как бы замедлилось, как это бывает в кино. Slow motion. Раз, я бросаю взгляд на дорогу, два, я сбрасываю ногу с газа, пытаясь принять решение, три…

– Тормози, тормози! – кричит мой муж. Он кричит в голос, и все, о чем я могу думать, это об этом «тормози». Моя нога ударяет по тормозу в полную силу, и в этот момент я испытываю нечто подобное полету на американских горках. Мне это показалось, конечно, но машина будто оторвалась от земли, летящая вслед за центробежной силой, раскручиваясь на попавшем под колесо льду. Это был момент истины, когда ты понимаешь вдруг с необычайной ясностью, что важно, а что нет, и то, как мало на самом деле зависит от тебя. Одно неверное решение, одно

нажатие на педаль.

Дальше последовал удар. Я не знала, с какой стороны его ожидать, не соображала, каков он будет. Мое паникующее сознание не поспевало за реальностью и осознало произошедшее уже после того, как все произошло. Это заняло несколько секунд. Машину раскрутило и швырнуло в кювет. Несколькими метрами левее или правее – и нас бы расплющило о деревья. То место, куда мы влетели, было завалено снегом по самую крышу – метра три. Снег. Наше спасение. Наша подушка безопасности, засыпавшаяся под капот, подлезшая под колеса, заполнившая собой все свободное пространство.

– Господи, – только и смог сказать муж. Мы сидели посреди огромного сугроба. Обе фуры, рядом с которыми все случилось, исчезли каждая в своей стороне горизонта, и мы остались посредине дороги совершенно одни. Где-то между Ленинградом и Москвой. У меня тряслись руки, и вся запоздавшая и уже совершенно ненужная эмоциональная реакция накатила на меня как лавина. Я не плакала, меня просто трясло, словно у меня начался приступ малярии. Я не могла поверить, что мы остались в живых.

Потом кто-то остановился, чтобы узнать, не нужна ли нам помощь. С изумлением мы констатировали тот факт, что совершенно никак не пострадали в ходе нашего полета над дорогой. Настоящий новогодний подарок, маленький «привет» с небес. Я смеялась и закрывала руками лицо.

– Вам из сугроба помочь вылезти? Или машина выйдет сама? – спросил тот, ни имени которого, ни даже внешности я не запомнила. Только теплое чувство человека рядом. Мы не остались одни, мы были на дороге, по которой ездят хорошие люди.

– Нет, сами не выйдем, – сказал муж, потыкавшись несколько раз туда-сюда. Машина влетела в сугроб настолько глубоко, что колеса просто скользили в его глубине, не находя контакта с дорогой. О, контакт с дорогой. Мне потребовался целый полет, чтобы почувствовать, понять раз и навсегда, насколько ненадежный этот контакт между колесами и асфальтом. С тех пор я не верю колесам, постоянно сомневаюсь в них. Опыт прошлого всегда влияет на будущее.

– Я достану трос, – кивнул наш спаситель и нырнул в свою машину. Через несколько минут мы уже стояли на дороге, проверяя работоспособность систем. Снег погнул крышку капота, и ее пришлось прикручивать – она могла открыться на ходу.

Разбитая фара. Неужели это все? В это было трудно поверить.

– Спасибо, большое спасибо. – Я кивала, как китайский болванчик. – Кажется, доедем.

– Точно? Проверьте аккумулятор. Заведите машину, – не унимался спаситель. – Вам куда ехать-то? До Нового года всего несколько часов.

Это не заняло и пары секунд. Мы с мужем переглянулись, и он ответил тому мужчине:

– Мы едем в Москву.

– Успеете? – ухмыльнулся тот. – Может быть, после такого лучше остановиться где-то здесь?

Я знала, мой муж был измотан – и физически, и морально. Уже темнело, а зимой светлое время суток испарялось быстрее утреннего тумана. Переночевать где-то тут, в придорожном мотеле – это являлось самым разумным, самым правильным, что следовало сделать, но что-то внутри меня (тот же самый внутренний голос, возможно) противилось этому. Однако я молчала. Муж смотрел вдаль и молчал. Затем он повернулся с некоторой неохотой к нашему спасительному мужчине и покачал головой.

– Нет, – твердо сказал мой муж. – Новый год – семейный праздник. Мы – домой. – И он кивнул мне, чтобы я садилась в машину, на пассажирское сиденье. Трудно описать словами, каким облегчением стал для меня этот его кивок. Я не могла и вообразить себя за рулем, руки тряслись, я внезапно почувствовала себя совершенно больной, разбитой, совершенно не собой. Я нырнула в салон и прошептала:

– Спасибо.

– Не за что, – буркнул муж, и машина тихо тронулась с места.

Мы ехали медленно, постепенно успокаиваясь. Пережитое отступало, как герой фильма, уходящий вдаль. Человеческая психика в этом смысле устроена просто чудесно, мы можем забыть нечто ужасное, заблокировать его в дальних запасниках наших архивов подсознания, но оставить опыт, оставить мысли и знания. Мы ехали, почти не разговаривая – на это просто не осталось сил, и все же в тот момент мы отлично понимали друг друга, словно научившись обмениваться мыслями на расстоянии. Все, чего мы хотели, – это попасть домой. Но, если ради этого придется рисковать, мы были готовы встретить Новый год прямо на дороге.

– Господи боже мой, а вас-то что принесло обратно? – вытаращилась на нас мама, когда мы возникли на пороге нашего дома – первого по Ленинградскому шоссе – без двадцати минут

двенадцать. – Дорогу перепутали?

– Мы передумали, – хмыкнул муж. – Уж больно у вас салатов вкусных много, мы решили, что вам будет больно жирно.

– Конкуренты, значит, – рассмеялся мой папа. – Посмотрим еще, давать ли вам салаты. Мы на вас не рассчитывали.

– Можете мне не давать салатов, – выскочила старшая дочь, сонная и счастливая, хоть мы и не привезли ей пони. – Я не буду. Пусть маме с папой.

– Ага, а ты слопаешь тонну шоколада, который они притащили? – нахмурилась мама. – Вообще, иди-ка ты спать.

– Я не могу спать, – уперлась дочь. – Я буду ловить Деда Мороза.

– А он обидится и не придет к тебе тогда, – пожала плечами мама.

Я сидела на диване, чувствуя себя так, словно на мои плечи положили стотонную плиту. Даже улыбаться оказалось так тяжело, словно это являлось тяжелым упражнением с гантелями. Пожалуй, так, как в тот день, ни я, ни мой муж больше никогда не уставали. Глаза были сухими и раскраснелись, словно туда бросили горсть песка. Есть не хотелось вообще. Только сидеть и смотреть на своих детей: на скачущую в костюме лисенка младшую дочь, на перемазанную шоколадом старшую, на родителей и такого же умирающего от усталости лебедя – моего мужа. И улыбаться, устало потирая глаза.

Именно тогда папа и сделал то коварное фото. Только желание что-то разбить о стену прошло, осталось в том сугробе где-то между Ленинградом и Москвой. Так что, хотя я и выгляжу на той фотографии как настоящее привидение, я там совершенно счастлива. Это был очень, очень счастливый Новый год. Мы уснули как убитые в первые же его минуты. Проспали всю ночь – от начала до конца, до самого утра. Сбылась мечта идиота! С тех пор ни разу мы не покидали семьи в этот день. Правильно говорят, Новый год – семейный праздник. И нечего, понимаешь, традиции нарушать. Не нами придумано… И оливье, опять же. Тут всякие новомодные доктора-диетологи говорят гадости про всенародно любимый салат, а я так считаю: без оливье какой же Новый год? Так, смех один. Оливье нужен обязательно!

Анна Берсенева
Каждый год первого января

Нет, не в баню и не с друзьями. А с мужем и детьми шли мы к моей двоюродной тете на обед. Тетя Соня с дядей Левой собирали родственников ровно к половине второго, так как обедали всегда по расписанию. Но они в новогоднюю ночь ложились спать тоже в половине второго, если не раньше, а у нас-то, молодых и веселых, гулянка с компанией друзей шла до утра. И конечно, меньше всего нам хотелось после этого вставать чуть свет и тащиться в Глинищевский переулок, где они жили. Но приходилось: я была единственной тетиной кровной родственницей в Москве, и хотя она, на мой взгляд, придавала этому обстоятельству непомерное значение, обижать ее совсем не хотелось – я ее любила. Сколько я ни намекала, что хорошо бы перенести семейный обед на второе января, толку не было: традициям тетя Соня придавала значение не меньшее, чем родству, и менять их не считала возможным.

С ней не был связан какой-то один случай моей жизни – она являлась частью моей жизни вообще. Невозможно было представить, что ее не было когда-то и не будет потом.

Она была феерическая женщина. Рассказывала неприличные анекдоты, не лезла в карман за словом (любой степени обсценности) и обладала такой жизнерадостностью, какая должна заноситься в Книгу рекордов Гиннесса.

У нее была феерическая биография. Впрочем, при общении с ней казалось, что самая обыкновенная. Но по осмыслении… В Чернигове, где она родилась и провела детство и юность, за ней, шестнадцатилетней, ухаживал молодой человек. Он ей нравился, но это совсем не значило, что она не давала волю своему язычку и не дразнила его по всем мыслимым и немыслимым поводам. В результате юноша обиделся, уехал в Москву, поступил в техникум, и на том следы его затерялись. А она выучилась на адвоката, вышла замуж и в начале лета 1941 года родила дочку. Вместе с которой и уехала в эвакуацию буквально в чем стояла – счет времени шел даже не на часы, а на минуты. Я знаю эту историю от моей бабушки – они уезжали всей семьей. То есть всеми женщинами и детьми семьи, конечно – дед мой, уже в форме, прибежал домой за полчаса до отхода воинского эшелона, велел бабушке с тремя детьми, ее сестре и племянницам садиться в машину, которую добыл каким-то чудом, и ехать прочь из города буквально в белый свет. Не знаю, успели захватить хоть какие-то теплые вещи или пришлось их добывать уже в деревне

Новосергеевке Оренбургской области. Семью своих родителей, жившую не в Чернигове, а неподалеку, в городке Козельце, дед вывезти уже не успел – их расстреляли всех, это отдельная страшная история.

Всю войну тетя Соня работала в Новосергеевке. Вернее, не в самой деревне, а на станции, до которой надо было ехать два часа на санях. Младенца она возила на работу у себя под тулупом, а пока шло заседание трибунала, между кормлениями, за Галочкой приглядывали конвойные. Трибунал судил солдат-дезертиров, а тетя Соня была у них адвокатом.

– У меня ни один высшей меры не получил, – с гордостью рассказывала она мне.

А когда я стала расспрашивать подробности и к чему-то употребила слово «справедливость», тетушка поморщилась и сказала:

– Э, детка! Справедливость – это когда мальчик живой с войны вернулся. Как можно ребенка расстрелять за то, что его гнали на пулеметы, а он испугался?

После войны выяснилось, что тетушкин муж нашел себе на фронте другую жену и к прежней возвращаться не собирался. Тетя Соня плюнула ему вслед, развелась и через год вышла замуж снова. Переехала к новому мужу в Поволжье, в город Балаково, и родила еще троих детей-погодков, двух мальчиков и девочку, ни на день не прекращая при этом адвокатскую работу. Как ей это удавалось, уму непостижимо, я знаю только, что нянь у детей не было, это было тете не по карману. Когда старшему исполнилось лет восемь, со вторым мужем она развелась тоже.

– Он оскорблял мое достоинство, – объясняла она в ответ на мои расспросы.

– Бил вас, что ли?

– Еще не хватало! Нет, не бил, но унижал.

Не думаю, что в послевоенной стране нашлось бы двузначное число женщин, которые ушли с четырьмя маленькими детьми от мужа по такой причине. Как бы там ни было, детей она вырастила, успела посидеть с внуками. А потом поехала как-то в отпуск в Москву, в гости к соученице по юридическому техникуму. И пошла с ней в колумбарий, где эта дама навещала прах своего покойного мужа. И познакомилась – в колумбарии! – с представительным мужчиной, пришедшим навестить прах своей покойной жены. И через два месяца вышла за него замуж. И переехала к нему в Москву. Через год ее муж перенес инсульт и стал лежачим больным у тетушки на руках. Я помню, как она возилась с ним – без тени сожаления о своей неудачливой судьбе, с обычными своими искрометными комментариями по всем

вопросам бытия. Однажды больного зашел навестить его друг и однополчанин, к тому времени уже вдовец с тремя взрослыми детьми. Это оказался тот самый юноша из Чернигова, которого шестнадцатилетняя Сонечка сорок пять лет назад довела до белого каления своими едкими шуточками.

Через полгода после смерти ее третьего мужа они с Левушкой поженились. И прожили вместе еще тридцать лет. Тридцать! Это к ним мы ходили на новогодний обед.

Она умерла в девяносто один год, на год пережив своего четвертого мужа. Каждый год первого января я вспоминаю ее обед, ее матерок, ее неприличные анекдоты, ее бьющую через край жизнерадостность и ее слова: «Э, детка! Справедливость – это когда мальчик живой с войны вернулся».

Владимир Сотников
Разбойники

Представляя свою судьбу в виде странной сновидческой субстанции, я всю жизнь чувствовал перед нею вину. Как будто мы шли рука об руку, а я мешал ей. Но кто из нас кого поправлял?

Я был виноват перед ней, потому что всегда играл с ней в ту игру, в которой, конечно же, она начинала и выигрывала, но я пытался тоже поучаствовать.

Если б можно было прожить еще раз! Я бы исправил все ошибки, хотя это было бы как раз самой большой обидой, нанесенной судьбе.

Иногда я с улыбкой рассматриваю линию жизни на своей ладони. Почему она не сплошная, а прерывистая, как будто несколько отрезков соединились под углом друг к другу? Если признать, что эта линия иллюстрирует мою жизнь, то придется согласиться, что промежутки между отрезками – ситуации выбора. И память доказывает это.

Однажды в новогоднюю ночь я мог бы по своей воле измениться так, что сейчас не было бы человека, рассказывающего это.

Каким же несчастным я казался себе в ту ночь! Тысячу раз повторяя про себя пушкинскую фразу о том, что черт дернул меня родиться в этой глуши с душой и талантом, я шел с неудавшегося свидания. От одной деревни к другой через лес. От своей любимой девушки, ничуть меня не любившей, к моему любимому дому. Я шел, и снег шел, и я чувствовал себя впаянным, вмерзшим в этот мир, из которого никогда мне уже не выбраться. Любить тут было некого, говорить не с кем, перечитал я уже все, что было дома и в сельской библиотеке, но не ездить же было за книгами в город.

Это была ночь, в которой я так надеялся ощутить счастье. Но моя любимая, взглянув на меня озорными глазами, уехала кататься на санях со своими друзьями, один из которых оттолкнул меня, сказав, что места в санях заняты. Я полез было в драку, но Аня вступилась за моего обидчика, подтвердив его слова. Я онемел от несправедливости, которая раздавила меня, и поплелся обратно. А ведь это была долгожданная ранее новогодняя ночь.

В лесу было тихо. Я страдал. Хотелось быть какой-нибудь большой птицей, которая могла бы догнать сани и выбросить

обидчика на ходу в сугроб. Эту картину сменяла другая: кони барахтаются в снегу, а я хватаю их под уздцы, вывожу на дорогу, отогреваю Анины руки и несу ее, как облако, куда-то.

Я шел и мерз, я мерз и шел, и ни искры счастья не теплилось в моей душе. Я читал про себя те стихи, которые были подготовлены для Ани. Она никогда не понимала их и только удивлялась, как можно было столько запомнить.

И тут я увидел огонь. В развалинах цегельни – заброшенного кирпичного завода – горел костер, шевелились тени. Я подошел и увидел Колю, который жил на моей улице. Ему было двадцать лет, и он был на три года меня старше. Двух других я не знал – они были как близнецы, похожие на Емельяна Пугачева с картинки.

– Это кто? – спросил один из них.

– Сосед мой. Хороший парень, – ответил Коля.

– А ну веди его сюда.

Я подошел.

– Ты нас знаешь? – спросил второй Пугачев.

– Нет. Только Колю, – ответил я.

– Это хорошо, – сказал первый. – Поможешь? Тут ваш председатель у меня мотоцикл отнял. Летом еще. Я вернуть хочу. Справедливо, как думаешь?

– Возвращать – всегда справедливо, – проговорил я, соглашаясь.

– Ты ж дом его знаешь? На углу. Посторожить надо с одного конца. Если кто будет идти, свистнешь. Всех-то дел. Свистеть умеешь?

Какой-то азарт поднялся во мне, я вспомнил Аню, лошадей и залихватски свистнул.

– О, молодец, – похвалил второй. – Пока он со своими в гостях будет, мы и справимся.

Мы шли молча. Мне было приятно, что я иду в мареве табачного дыма, исходящего от этих мужиков, среди их молчаливого сопения, скрипа снега. Я представлял себя разбойником, который мстит за все обиды – за нелюбовь, за то, что мир такой кривобокий, без отзвука на мои чувства. Мне казалось, я нашел себе место, с которого спокойно оглянусь на прошедший вечер.

Новогодняя ночь продолжала звать меня вперед своей непонятностью и тем, чего со мной еще никогда не было. Я чувствовал, что сейчас взрослею если не на всю жизнь, то на целую ее часть, а не на год.

Я волновался все больше.

– Боишься? – спросил Коля.

– Да нет.

– А чего дрожишь?

– Просто так.

Мы вошли в деревню. Улица была черна, несмотря на праздник. Пугачевы перешепнулись:

– Надо успеть, пока застолье.

Возле самого большого, председательского дома мы остановились. И тут Коля сказал обо мне:

– А зачем он нам? Мы и так справимся. Пусть идет себе.

– Нет. – Я испугался, что меня приняли за труса. – Мы же договорились.

– Да пошел ты!

Коля развернулся и ударил меня кулаком в грудь. Я упал навзничь в сугроб.

– Пошел отсюда! – сказал Коля. – Чтоб я тебя в жизни своей больше не видел!

Я ушел.

И я опять шел под падающим снегом, не понимая того, что только что получил самый большой в жизни новогодний подарок. Подарок от соседа Коли – святого Николая, Санта-Клауса и так далее.

Что стало бы со мной и с моей жизнью, если бы я остался в компании ночных новогодних разбойников?

Игорь Савельев
Первый из денискиных рассказов

Бары открыты всю ночь. После церкви заглянем в бар.

«Счастливого Рождества», – слышно со всех сторон.

В баре не слишком людно. Сейчас миллионы пар после пьянки и секса,

проваливаясь в сон, смотрят в экран на понтифика – слишком стар.

Мы никогда не будем такими, как он.

Борис Херсонский

Тридцать первое декабря. Без пяти или, может, десяти двенадцать, в смысле – полночь. В смысле – Новый, 2016 год. За окном уже начинают бухать (с ударением на первый слог) ранние салюты и петарды, обладатели которых не смогли дальше сдерживать себя. А впрочем, почему на первый. Я стою в кухне и то ли чищу картошку, то ли уже поспешно кромсаю ее, начищенную, на богато умащенный лист. Ветер сюда не доносит мне звуков русских военных плачущих труб. В смысле, из телевизора, вещающего в зале, мне едва слышно, как предновогодний концерт – суетливо ускорившийся перед заветным часом – главных звезд, провожавших нас еще в 1984-й, их проскочили петитом, – сменился на торжественные предновогодние фанфары. Какое-то размашистое духовое «па-пара-ра…», которое – стоит сейчас найти и прослушать «ВКонтакте» – вызывает все тот же праздничный спазм всего внутри, идеально отработанный рефлекс русского человека. Между прочим, как я незадолго до того и с удивлением узнал, эта отпечатанная в подкорке миллионов мелодия, вообще-то, не имеет отношения к Новому году. Ею сопровождают любой выход президента на торжественное мероприятие, она начинает звучать с открыванием шестиметровых золотых дверей или обычных дверей, и она – всего лишь – нечто вроде позывных, «пик-пик-пик» перед включением радиоточки. Это я как-то попал на жутко пафосный съезд писателей, главной интригой которого было выступление Путина (все ожидали от него то ли закручивания гаек, то ли переделкинских дач), и стоило зазвучать этим

аккордам, половина сидевших (вернее, уже стоявших) в зале рефлекторно дернулись, потому что в поджелудочной, в точном следовании павловским законам, им не к месту и не ко времени екнул Новый год.

Итак, звучат фанфары, после чего начинает вещать президент. Остались последние минуты до события, к которому все неделями так радостно готовились. В большинстве квартир – это видно по горящим окнам – уж истосковались за ранними столами, куда уселись провожать 2015-й и смотреть концерт, оценивая ботокс, костюмы и макияжи; в этих квартирах уже раскручивают проволоку на шампанском. Мы с Леной (а в дальней комнате спит Денис) – без блюд на незастеленном столе (может, был один салат), и вряд ли та картошка, которую я панически пытаюсь отправить в духовку, может как-то это исправить. Я не уверен сейчас даже, что у нас имелось шампанское, потому что в стрессовой ситуации память стирает все самое главное.

Краем уха слушая державные речи и быстро-быстро кромсая, умом понимая, что это уже не надо, ибо не успели, – я и подумать не мог, что год спустя буду описывать эту минуту как самый счастливый Новый год в жизни. Вернее, я бы равно удивился двум вещам: вот этому самому и тому, что однажды сяду за текст в жанре святочного, он же рождественский, рассказа.

Великая Википедия, которая заменила нам все – от Библии до учебника Томашевского, – сообщает, что главное в этом жанре – атмосфера чудесного изменения мира или героя, светлый финал, в котором неизменно торжествует добро. «Герои оказываются в состоянии духовного и материального кризиса, для разрешения которого требуется чудо. Чудо реализуется здесь не только как вмешательство высших сил, но и как счастливая случайность, удачное совпадение, которое тоже в парадигме значений календарной прозы видится как знак свыше… Сложившаяся со временем и ставшая традиционной схема рождественского рассказа предполагает нравственное преображение героя, которое должно происходить в три этапа (отражая три ступени мироздания); соответственно, и хронотоп такого рассказа обычно также имеет трехуровневую организацию». О’кей.

Вот уж никогда не мог применить к тому, что я пишу, пряничную формочку типа «торжествует добро» и прочего «светлого финала». Наоборот, после выхода нескольких повестей и романов критика даже утомилась повторять, что «герои всегда терпят поражение» или что-нибудь в этом духе. Критика, этот неведомый зверь, за которым я наблюдаю издали и с любопытством, всегда любила порассуждать о том, что мой герой

– человек слабый, которого только доламывает жестокий внешний мир, даже если этот герой решается на протест… Но тут нужно остановиться, потому что эту синтетическую лапшу из гладких формулировок я и сам умею производить километрами.

Дело даже не в этом. За «своим героем» я наблюдаю обычно еще более издали и с еще большим любопытством, чем за изгаляющимися – позже – критиками. Более того, я стал замечать (отстраненно, редактируя позже текст), что отношусь к нему все более иронично зло. Я уже просто не могу сдержаться, чтобы не приложить его побольнее авторским сарказмом, даже запрятанным между строк. Но это, наверное, уже к психиатру. Главное же – что мне всегда хочется написать что-то… что-то… Что-то совсем не то, что в итоге даже не «выходит из-под пера»: даже придумывается. Щелк, и в голове образ будущего романа, пусть самое крохотное зернышко, – и я уже вижу: это будет то, о чем критик напишет про «упадничество» и «поражение», то, что не мое, откуда оно взялось? Но берется снова и снова «оно», чужое, а мое – все не приходит.

Это было «второе», а «первое» – то, что я никогда не подумал бы, что самый суматошный Новый год может вдруг стать самым счастливым… Впрочем, с другой стороны, это было вполне в нашем с Леной стиле – и когда Дениса с нами еще не было. Чего мы оба, кажется, не могли терпеть, так это затянувшейся предновогодней суеты – не праздничной, волнующей, расцвеченной гирляндами от каждого магазина, когда ты торопишь себя – быстрей, быстрей, сделай все, осталось три дня!.. – а такой, степенно-рутинной, как будто встретить Новый год – это пройти аттестацию на классный чин действительного государственного советника Российской Федерации.

Когда в моду вошел «ВКонтакте» и все принялись создавать беседы и чатики, вместо того чтобы попросту обсудить все при встрече, возникла и «новогодняя» мода: начинать изматывающее своей бессмысленностью обсуждение предстоящей ночи еще чуть ли не в октябре. Вот есть хорошая пословица – «воду варить». Какой Новый год, где он? – еще только ложится снег (у нас на Урале – раньше), ложится-ложится, да все никак не ляжет; праздника хочется, как и настоящих зимних, солнечных, блестких, с морозом дней, но всерьез обсуждать, кто, к кому и с кем пойдет – безумие. И вплоть до того, какие салаты готовить и какие напитки брать… Это, конечно, уже не в октябре, и снег уже вполне себе лег, но мы убегали от этого, как могли. Предпочитая решать все с Новым годом – где, с кем, у кого – когда 30-го, а когда и утром 31-го. Монументальность праздника, к которому полагалось так долго и серьезно готовиться, как будто он уже

несвеж и заправлен тяжеленным майонезом, оскорбляла. Нет, нет. Только летящая – надеюсь, что европейская – легкость.

«Убегали» – прекрасное слово: даже договорившись уже обо всем и даже взяв на себя повышенные обязательства по салатам (которые, кстати, кровь из носу исполняли), мы редко когда успевали прибыть к праздничному столу не накануне курантов. Одиннадцать вечера, наверное, был наш рекорд, а так, бывало, что мы мчались на шальном такси и без пятнадцати полночь и вбегали в лифт с Путиным, Медведевым, снова Путиным; врывались за стол практически с надтреснутым кремлевским боем. И в этом состояла своя, особая прелесть. Адреналин, что ли? – вдруг не успеем? – но и целуясь в темном такси, мчащемся по замершим улицам, как на ралли, мы ведь не переживали, что можем не успеть. Никогда не переживали и ни разу не опоздали. Мы с самого начала были не прочь встретить этот миг, этот год вдвоем – хоть на опустевшей – вымершей на этот краткий миг, пока с фейерверками все вновь не выбежали, – улице.

Вообще, я бы связал чрезмерную подготовку, подчеркнутую не-подготовку к Новому году с темой возраста (так что, может, и не зря критики фантазируют, что я повернут на теме ухода молодости и старения). Неготовность и нежелание неделями заниматься подарками и Осмыслением Салатов произрастают еще из тех безоблачных студенческих лет, когда зачетная неделя кончалась 30-го ближе к вечеру, и ее последние герои опустошенно шли глотать ледяное шампанское в ближайшую подворотню, чтобы быстро разъехаться и уже назавтра, на свежую голову, вспомнить, что вообще-то – праздник и надо быстро решать. Позднейшее же желание искать варианты за месяц, бронировать какие-то лесные домики чуть не с сентября, снаряжать экспедиции в гипермаркеты в складчину за неделю – есть не более чем нарочито серьезная игра во взрослых.

В последние несколько лет и мы с Леной поддались легкому остепенению, и наш новогодний забег был уже не тот. В шумные компании друзей мы мчались уже не в 23.55, а в 2–3 часа Нового года, в более спокойной и расслабленной – спасибо брюту – обстановке. Город оживал, отмирал мгновенно (в значении «замри/отомри»). Маршрутчики выезжали на линии ради двойного тарифа (всего лишь), таксисты все как один бурно исповедовались на тему «Разлюбил Новый год, нет настроения праздновать, хоть подзаработаю». Саму полночь мы стали чаще встречать у тестя с тещей, благо все это было спокойно, душевно, а главное – до их дома двадцать минут пешком, ну максимум – с сумками, кастрюлями, листами и салатницами наперевес – полчаса. То есть чего бы ни происходило в подлунном мире, мы

знали, что, выскочив из дома в половину, в полночь-то точно будем за столом, не завися уже от переменных вроде офигевшего такси.

Такое расслабляет, поэтому мы снова забегали на середину президентской речи, не улавливая в панике смысл (да и какой может быть смысл в ритуальных словах), но потешаясь над нюансами. Например, в какой-то момент президенты начали степенно удаляться от Кремля. В какой момент Путин вышел из ельцинской декорации кабинета, где «Берегите Россию» и робкая елочка в углу, я, честно говоря, пропустил. Опомнившись, я застал его уже на улице под кремлевскими стенами. С этого даже начинается один мой роман – «Терешкова летит на Марс». Мне хотелось начать путь своих героев символически – прямо с минуты наступления Нового (2007-го) года, и телекартинка, без которой россияне не мыслят смену вех, была здесь логична. Роман начинался так: «Путин замолчал. (Абзац.) Пару секунд он еще гипнотизировал камеру; снег красиво ложился на черное номенклатурное пальто; выхваченный кусок Кремля – стены, ели – был до того залит белейшим светом фонарей, что казалось, будто он готовится принимать инопланетные корабли». Когда-то я бегло написал это, ничего не черкая и не рождая в мучениях, и даже не обратив внимания. Но именно два слова – «Путин замолчал» – Те Самые Критики вспоминают чаще всего, чаще, чем сам роман в принципе…

Но Медведев шагнул дальше, физически, и последнее (кажется) обращение он записывал вообще непонятно где, но с видом на Кремль вдали: пожалуй, у Дома на набережной. Все уж пошутили, что в следующий раз он подастся куда-нибудь в Медведково или Тушино, а впрочем, кажется, было уже известно, или все догадывались, что следующего раза не будет. Восторжествовал консерватизм. Президент вернулся под стены Кремля. Вангую: скоро в кабинет.

Кажется, его никогда не заставала Наташа – сестра Лены, которая живет к родителям ближе, а прибегает позже. Например, бьют куранты, мы чокаемся, а они с Матвеем (сыном) вбегают в открытую для них дверь – и сразу к столу. И сразу весело и шумно, и после гимна ты обрушаешь отвалы оливье с чувством благополучно конченного приключения: успели, встретили, собрались.

Может, мы стали слишком ленивы или неамбициозны, но другие схемы – которые мы видели вокруг, которые все популярней у нашей не столько взрослеющей, сколько набирающей солидность компании, – почему-то не были нам милы. Раз мы хотели устроить серфинг по клубам. Раз съездили

на ферму родителей приятеля Лены. Запомнилась швыряемая грузовая «Газель», везущая нас непроглядными полями – фары выцепляли только поземку; запомнилось, как мы ходили в какой-то сарай смотреть каких-то животных, в первую очередь – лошадь. Когда несколько лет спустя эта ферма сгорела, и лошадь сгорела тоже, от последнего было не по себе… Кто-то бронировал баньки и домики где-то на горнолыжных склонах Абзакова или Мракова, или просто в районах полесистее: мы тоже бывали близки к тому, чтобы вписаться, но необходимость отбыть куда-то ранним утром 30-го, и с концами, – досрочно выехать из этого года, его финальных хлопот, – было unreal. Кто-то летел на экзотические курорты и тоже искал компанию…

Не знаю, может быть, сейчас, в ходе этой окололитературной исповеди мы мигом превратились из бунтарей в старосветских помещиков, но иногда одно другому не мешает, а потом, иногда действительно хотелось ответить «я слишком стар для этой фигни» хотя бы ради красного словца.

Из всех многообразных «схем» лишь одна оставалась для нас загадкой – потому что касалась только двоих (точнее, троих). Это история молодой пары, у которой недавно родился ребенок. Двери для всех посторонних в тот дом закрывались, и даже сама организация празднования «для себя» была окутана ореолом тайны, потому что – в этом же доме в 9-10 часов вечера уже отбой. Но что-то было в этой катакомбности замечательное, какая-то теплота, с какой двое могут сидеть на полутемной кухне – не включая телевизор, не врубая иллюминацию, – вот только что делать с истерикой салютов за окном, – и тихо, интимно трогать бокалом шампанского бокал другого. Хотя, наверное, нет: ведь и шампанское при кормлении нельзя?.. Сплошная, словом, тайна: люди, родившие ребенка, исчезали со всех радаров, из всех компаний, и это их молчание, исполненное важности миссии, казалось интересным, как и все, что скрыто. Кстати, мы знали и исключения, порой довольно забавные, например – развеселую пару друзей, где она сцеживала молоко чуть не месяц и складывала в морозильник, чтобы как следует оторваться на новогодние праздники, а он… Но это уведет нас слишком далеко.

Взгляд, согласен, наивный, хотя что-то я, как потом понял, и угадал. Например, это ощущение всеохватного, полнейшего покоя, с каким ты проводишь предновогодние дни. Лишняя суета, от которой мы раньше суетно же пытались убежать, обтекает тебя, как заговоренного, отступаются все, как с неважным перед важным.

Ну, мне так казалось.

Как уже, наверное, понятно, мы с Леной ждали ребенка.

Лето мы провели, можно сказать, отрываясь, а в июле даже триумфально слетали на Родос: триумфально, потому что врач нам «не советовала». Не по каким-то показаниям, а просто так, хотя срок еще позволял летать. Еще недолго. Мы обгоняли запреты буквально недели на две, снова бежали – успевая в последний момент; естественно, и в самолете я сидел как на иголках. Но мы чувствовали, что так – а не в асфальтовом мареве – будущему Денису лучше. Там, где под солнцем лоснятся дымчатые оливковые рощи и Средиземное схлестывается с Эгейским до такой степени, что в первый день мы свернули от отеля не на ту улочку, и перепутали моря, и думали: ну надо же, если это – Средиземное – «спокойное», то какое же тогда Эгейское?.. Холодное, синее-синее, облюбованное серфингистами, но не пловцами. В нем мы, наивные, в первый день и купались, вдвоем на весь пустынный пляж, нет, втроем, потому что Денис уже жил какой-то своей жизнью и бурно пинался в животе.

Пол мы узнали буквально недели за две до того. Лена почему-то думала, что будет девочка, а я – и тут вдвойне «почему-то» – был уверен, что мальчик; сейчас мне уже кажется, что я даже примерно представлял его, и не ошибся. С именем мы определились тоже как-то сразу, едва оно прозвучало, как поняли – вот оно!..

Попутно я перебираю в памяти, как кого зовут в моих текстах… Пожалуй, героев Денисов нет и там, за одним исключением, где имя было важно и поэтому мне запомнилось. Уже написав рассказ, я почему-то вдруг вообразил (почему – не помню), что это прямо-таки готовая реплика на какой-то из прославленных «денискиных рассказов» Виктора Драгунского. Реминисценция, аллюзия, вот это все; повзрослевшие герои на фоне постмодернистского снижения смыслов. По этой причине герой готового текста был немедленно переименован в Дениса. Теперь-то тот текст, напрочь забытый и автором (это нормально), запрятан где-то в выцветших – из голубого в серый – «Новых мирах», и бог бы с ним, но если вдруг случится что-то когда-то переименовать, то я немедленно переименую героя Дениса обратно в… Ну, разумеется, этого я не помню тоже.

Говорят, есть целые трактаты, посвященные значению имен героев в великих книгах. То есть почему «говорят», я сам заканчивал кафедру истории литературы и сам могу оглушить всех бойкой лекцией на тему, почему князя Мышкина зовут Лев Николаевич и почему Достоевский при этом избегал личного знакомства с Толстым. Но это где-то там, в заоблачных высотах великого искусства; сам же я всегда называл героев не столько случайно, сколько по принципу – как бы ни в кого не попасть.

Почему-то мне всегда представлялось, что близким людям будет неприятно читать, если моей рукой их имена окажутся приписаны несимпатичным им людям. Один раз только я похулиганил и назвал второстепенного героя (да к тому же комичного писателя-графомана) Игорем и вообще отрывался по этому поводу, как мог. Надо сказать, Некоторые Критики попались на уловку и не без удовольствия поцитировали. А я всего лишь вспомнил тезис из все тех же лекций: Достоевский наделял именем Федор самых, по-простому говоря, отрицательных героев своей прозы.

Итак, мы прилетели из солнечной Греции домой, где жизнь понеслась, опасно ускоряясь, в том числе и потому, что я поменял работу, боясь обречь семью на безденежье. Субботними утрами мы наконец спокойно пили чай и читали мобильное приложение, сообщавшее, что «на этой неделе ваш ребенок размером с кабачок» (маленькую дыньку и прочие внезапные примеры). Мы завели собаку. Родственники крутили пальцем у виска и намекали, что это заскок. Но сейчас, год спустя, можно точно сказать, что мы все сделали правильно. Мы завели собаку, как только Лена вышла в декрет; наступала осень; вечерами, в сырой промозглости, дрожало серебристое предчувствие холодов; пахло грибницей и прибитым к земле табачным дымом. До декрета Лена шутила, что весь присущий беременным «инстинкт гнездования» она растрачивает на работу (она архитектор). С наступлением осени мы отправились в «Икею», накупили полок и шкафов, чтобы преобразить лысоватый зал, заказали дверь в кухню… Идти по «Икее», держась за руки, заходить в бутафорские детские, обсуждать, какую кровать мы купим Денису, когда он немного подрастет, а за каким столом он будет делать уроки, – это величайшая психотерапия, скажу я вам.

Тут можно было бы залихватски вырулить обратно к Новому году и не париться, но мне хочется передать это удивительное чувство бега времени, когда все понеслось, и только что казалось – вот, беременность, долго-долго, да когда же; а тут сразу… Мы уже будто ничего не успевали; Лена носила мой тонкий пуховик и радовалась его стилю unisex; мы мчались к врачам, оттуда в транспортную компанию, потому что моя сестра Наташа (тоже Наташа) прислала нам из Москвы двадцать килограмм детских вещей и в дополнение еще стопку книг о том, как готовиться к родам и жить с младенцем.

Наш веселый драйв, с каким мы забегали к бою курантов, был с нами и здесь. Сестра звонила из Москвы и спрашивала: как, вы еще не собрали сумку в роддом?! – мы отвечали: да вот-вот на днях соберем, недели две еще есть; мы действительно хотели прочитать, пролистать все эти книги, потому что понятия не

имели – как купать, когда начать выводить на улицу, что делать с пупком, как, что.

Передышкой в нашем забеге наметились длинные праздники: впереди было 4 ноября, День народного единства, с пристегнутыми к нему выходными. Разделавшись с основными вызовами времени, как то – оформление родового сертификата, мы могли присесть-отдышаться. Собрать вещи. Вообще – разобрать вещи, разобрать квартиру, потому что к новому ее жильцу надо было подготовить все капитально. Заполнить книгами пустые полки из «Икеи».

Даже странно, что я так углубляюсь в бытовые детали, совсем не умея передать, какое радостное волнение поднималось в нас и как мы выходили вечерами гулять с собакой – в полный шуршания листьев парк, где в дымке почти по-лондонски светили матовые фонари. Мы вдыхали сырой холодный запах леса, и Лена клала мою руку на живот: «Чувствуешь?» – и мощные тычки ощущались даже через пуховик. «Кажется, у него выросли ногти, и он уже скребется».

Первого ноября мы приехали к нашему врачу – в консультацию, делящую с роддомом одно здание. Врач был хорош, знаменит, и вся его приемная была заполнена пациентками примерно на том же сроке, что и Лена, а то и позже. Кто опирался на маму, кто на мужа; кто с трудом расстегивался, кто застегивался, а кто и застегнуться больше не мог. Большинство из них приехали ложиться на плановое кесарево на 3 ноября, и мы от нечего делать наблюдали за ними, шепотом подшучивали, напевая: «День рождения твой не на праздник похож, третье-е ноября-я…»

Второго ноября был сумрачный день. Жители коттеджного поселка на окраине протестовали против строительства городского крематория прямо на первом плане их дорогущих видов. Мне пришлось этим заниматься, вечером я ввалился в дом никакой от усталости. Еще сделал крюк через книжный, куда должна была поступить моя новая книга, «Вверх на малиновом козле», но на полке я ее не обнаружил, а спрашивать всегда стесняюсь.

Третьего ноября Лене нужно было ехать в консультацию (куда уже как на работу) – сдавать анализы, притом в какое-то невообразимое время, кажется, к семи утра. Накануне мы решили, что с машиной будет слишком много возни: очищать ее от ледяной корки и снега (а у нас уже выпал снег), прогревать… Можно ведь встать, не приходя в сознание (тем более завтракать все равно нельзя), упасть в такси и выпасть из него на месте через 15 минут, досматривая сны. Но в 6.30 обнаружилось полное

отсутствие налички в кошельках. Нечем оплатить такси. Пока Лена умывалась, я торопливо одевался, потом бежал к ближайшему круглосуточному банкомату, оставляя следы первопроходца на снегу. В банкоматном зале грелись кошки…

Задним умом, конечно, все сильны, но сейчас мне кажется, что в то утро у меня случилось какое-то «пра-знание». Такое ощущение бывает во сне, когда ты все знаешь наперед, но не можешь пошевелиться. Кажется, я как-то понял, что что-то идет не так (например, по тому, как неразговорчива была Лена и как надолго запиралась в ванной), но, как заколдованный, не мог проговорить это для себя… Когда вернулся с деньгами, у темного подъезда уже ждало такси, одетая Лена ждала меня на пороге – чмокнула в щеку – и сказала: «Кажется, начинаются роды, я еду в консультацию, а оттуда меня, видимо, сразу переведут в роддом, а ты привези сумку и все необходимое». И умчалась. А я обалдело остался на пороге.

Это было безумное утро, в которое я даже попытался выгулять собаку, но она, чувствуя, видимо, волнение, упиралась и не хотела отходить от подъезда. Конечно, эпопея с подготовкой к родам – долгая. Мы постоянно висели на телефоне, я разгромил весь дом, чтобы найти все необходимое по спонтанно составленному списку. Потом – через две аптеки. Потом что, где… Еще час я кружил среди многих крылечек роддома, выясняя, где можно сдать пакеты; что из вещей придется забрать назад; где остался ее пуховик (точнее, мой); где остались сапоги; гардеробщица консультации не хотела отдавать, короче… К обеду я вернулся домой с вещами; мой сын еще не родился; я не мог сидеть дома и поехал срочно менять какую-то валюту (потому что деньги, отложенные именно на роддом, у меня хранились в долларах, и мне казалось, что если, не дай бог, какое-то осложнение, нужно будет платить всем, много и сразу). Короче, чтобы не растягивать: Денис родился 3 ноября в 14 часов – к этому времени я уже примерно сходил с ума в каком-то банковском закутке. (Наташа повезла в роддом памперсы нужной марки и очень удивилась, не застав меня ни там, ни тут: мол, еще и по делам поехал, железные нервы, гвозди бы делать из этих людей.) Мне в WhatsApp пришла фотография: клееночка с весом и прочими цифрами и надписью: «Живой мальчик». Мне даже сложно вспомнить, что я чувствовал… Потом, через несколько часов, когда мы уже говорили с Леной, выяснилось, что фотографии было две, и первая мне просто не дошла – поэтому я не понимал вопрос «Как он тебе?». Она послала мне повторно… Там изображался маленький сморщенный нос, точнее, как раз большой, потому что занимал, кажется, пол-лица; там был

красный, сонный, с пальцем во рту, очень родной…

Дни, пока Лена с Денисом находились в роддоме, почему-то слились для меня в изнурительный марафон (хотя, казалось бы, здесь бы и отоспаться). Ограничившись скромным распитием джина с друзьями в ночь на 4 ноября (и мучаясь от елового выхлопа на следующий день перед столом справок и передач), дальше я упал в электрические ночи, когда отмывал шкафы от пыли, разбирал темную лоджию, гладил пеленки перед бессмысленным обалделым телевизором. Дверь на кухню, которую мы успели заказать, но не успели поставить, превратилась в целую проблему, потому что ее еще везли из Москвы, а разводить дома строительство позже было уже нельзя; в итоге мне удалось перенаправить ее куда-то на хранение… И сразу стало как-то очень спокойно, когда мои приехали в свой дом.

Потянулись светлые дни, несмотря на ноябрьский сумрак за окнами. Зима вступала в свои права. Из-за холода запрет на прогулки затягивался. Я взял «хвост» отпуска, оставшегося после Родоса. Я помню первые моменты общения, что ли, с сыном: например, Лене надо было съездить к врачу через несколько дней после выписки, и я, боясь потревожить сон Дениса, пролежал два часа с ним на груди, вслушиваясь в сопение. Или я держал в ладони его ступню, думая, что запомню, как она была ровно в половину ладони, и еще он умеет сжимать ножку почти в кулачок, как ручку…

Вообще, мы зря боялись его потревожить (и вскоре перестали бояться). Денис еще жил какой-то своей, полуутробной жизнью, мало откликаясь на происходящее, мало отвлекаясь от сна. Взгляд его при этом являлся вполне осмысленным, Денис спокойно смотрел мне прямо в глаза своими огромными, ярко-серо-голубыми глазами. Говорят, радужка потом теряет первородную яркость, и жаль, что это нельзя зафиксировать так, чтобы было понятно, что это не «подтянуто» фотошопом, а так и было; человечество переплюнуло, перехитрило в этом само себя; говорят, радужка больше не растет, и поэтому глаза кажутся такими огромными. Говорят, сейчас дети сразу все четко видят из-за витаминов, которые матери пьют при беременности, и всякой прочей фолиевой кислоты в таблетках; нет этих «овощных», расфокусированных, перевернутых первых недель.

Дениса тогда действительно мало что тревожило, даже собачий лай, так что в какие-то моменты его родители даже могли вернуться к разухабистой жизни а-ля новогодний кураж. Когда у Лены случалась срочная работа («архитектор» и «декрет» понятия не всегда совместимые), а я ваял срочную же статью про

рынок нерудных строительных материалов («журналист» и «отпуск»…), Денис у нас безмятежно спал там, куда отложили: в коляске в уголке комнаты… В то время я совсем забросил прозу, но не потому, что мешали домашние хлопоты. Это было как в теннисе: чувство, что вот я подал пас и теперь жду ответ. Той осенью вышли несколько моих книг – одной серией; наконец они появились на прилавках, и я, замерев, ждал какой-то реакции. От кого: от критики?.. От абстрактных читателей?.. Я и сам не знал. Сиротливое чувство отсутствия читателя начало пробиваться позже, а пока я был счастливо спасен, действительно, прокаливанием пеленок, перебежками меж тремя окрестными аптеками – где дешевле. Не будь Дениса, я бы только измотал себе нервы, потому что «ожидание ответа от системы» (как частенько пишет мой закаленный в боях ноутбук) – состояние, когда ты мало что можешь сделать.

Где вы, Всезнающие Критики, Предвзятые Критики, Тонкие Критики? Вы не прочтете сборник новогодних сказок и не увидите этих слов, обращенных к вам. Без вас – почти богооставленность.

В бытовом-то смысле у нас отчего-то было время: помнится, в двадцатых числах декабря мы с Леной и Денисом в коляске даже сходили за елкой, обошли базары, неспешно повыбирали, чего отродясь не происходило; купили симпатичную сосенку… Теперь-то мы были «законно» отключены ото всех предновогодних чатов. Суета действительно стала казаться оскорбительной, как в храме, и я со странным чувством глубокого удовлетворения пропустил корпоратив, потому что хороший детский невролог мог посмотреть нас только в этот вечер.

Вечерами улицы заливались иллюминацией, а в ледовом городке под елью визжали дети, на радость собаке, но не сыну, который спал, спал, спал.

Все как-то шло своим чередом, легко, и само собой решилось, что на Новый год мы возьмем коляску и неспешно прикатим к теще, и Денису там обустроим местечко, и вообще, все складывалось как-то размеренно-спокойно… Предчувствие, что здесь что-то не так, не обмануло. 31 декабря ближе к вечеру теща позвонила и сказала упавшим голосом, что у нее начался насморк, гриппозное состояние, со взрослыми можно было бы перетерпеть, но месячного малыша, конечно, к ней везти нельзя.

Я огляделся.

Поскольку мы никак не ожидали, что будем встречать Новый год дома, то не подготовились никак, то есть даже не как в прошлые годы, когда хотя бы приводили все в порядок, даже отправляясь в гости. Стояла елка, которую я не успел нарядить.

Лежала комом сеть наоконных гирлянд, в которой я запутался. Я подумывал затолкать этот ком в прозрачную вазу, чтобы он там кучно блистал. Дверь на кухню была недоделана с ноября. Во всю стену зияли пустые книжные полки и шкафы. Решив, что это выглядит наиболее вызывающе, я занялся шкафами. Снимал книги с полок в кабинете, прямо штабелями тащил в зал и расставлял. Распаковал коробки с «авторскими экземплярами» сборников и журналов, пережившие нетронутыми пару переездов.

Временно разруха усилилась. Лена, кажется, даже всплакнула. Но потом взяла себя в руки и распутала-таки сеть из гирлянд. С грехом пополам закрепили ее на гардину. Стало веселей.

Был вечер 31 декабря; на улице шарахали салюты, шарахались уже подвыпившие праздные компании, а в стране дураков вовсю кипела работа.

Лена пыталась спорить насчет того, что книги – это не первоочередное, но я убедил ее, что главное – атмосфера, а не еда. Действительно, когда книги встали на полки (может быть, часам к десяти: на экране буйствовала подрумяненная «Карнавальная ночь»), окружающий разгром будто бы немного уменьшился.

К ночи я побежал за продуктами. Значит, шампанское все-таки имелось, потому что не мог же я его не купить. Хотя бы чисто ради формальности. Моя мама вспоминала, что, когда я был грудным и наступил Новый год, она все-таки выпила бокал шампанского, и после этого я диво как хорошо спал. Наступал 1984 год, воплощенная оруэлловщина. В Кремле работала Искусственная Почка, где-то готовились к синхронной смерти Шолохов и Кортасар, в муках рождалась «восьмерка», и эстрада демонстрировала отвратную картинку – качество тогдашней съемки, – задерживаясь на ноте марганцево-красного, когда камера мазала по мишуре.

Просыпался и засыпал Денис, Лена прерывалась на кормление, я лихорадочно наряжал елку… Момент с едой как-то оттягивался, и мы, кажется, сделали единственный салат, и только потом я отчаянно схватился за картошку. Было без пяти полночь. С экранов спокойным людям вещал спокойный президент.

Но Наташа нас не подвела.

Появившись с сыном Матвеем на пороге раньше обычного – до боя курантов, – они деловито начали выгружать перемотанные пленкой салатницы, прочие икорницы и вообще, кажется, кастрюли с горячим. Мы не то что «забыли», что они тоже собирались к теще, и, если та заболела, гости естественным

образом перемещаются к нам; суета неопытных родителей просто слегка заслонила нам реальность.

Без одной минуты. Бросив ненужную картошку (мы обратимся к ней позже), я достаю из морозильника шампанское: ко мне вернулась спокойная уверенность единственного взрослого мужчины, хозяина дома и отца. Я раскручиваю проволоку. Говорят, что «эмоциональная нестабильность» присуща только матерям, но как еще назвать это применительно к себе – то, что меня только что швыряло от самого провального Нового года в жизни, когда я вообще ничего не сумел организовать, к самому счастливому? В дальней комнате безмятежно спит Денис – расти, Денис, первый же «внеполночный» тост будет за тебя, – мы сидим за праздничным столом узким семейным кругом, чокаемся бокалами и, наверное, загадываем желания, хотя главное уже осуществилось.

Кто-то может сказать, что в этом «святочном рассказе», где Денис заявлен как главное чудо, спустившееся в руки давно ждавшим его, собственно Дениса-то почти и нет – то он спит, то в другой комнате, то еще не родился, – как нет в полной мере и чувства отцовства. Но что поделать. Этот рассказ о тех неделях, когда мы совсем его не знали (особенно сейчас – из нынешнего дня – так кажется) и я, кажется, тогда еще толком не научился думать о нем.

Но это все лирика, а в ту новогоднюю ночь и меня, и Лену заполняло, распирало чувство начала новой жизни.

Я налил и наконец-то выпил до дна бокал ледяного полусухого шампанского, о котором давным-давно мечтал.

Мария Воронова
Новый год

Когда мне предложили написать про лучший Новый год, я задумалась. Какая из сорока трех моих новогодних ночей оказалась самой счастливой? Может быть, когда мы заглохли на трассе за два часа до Нового года и добрые люди сорок километров тащили нас на буксире со всеми детьми и собаками? Или какая-то из тех ночей, что мне пришлось провести на дежурстве? Вспоминаю первый Новый год в замужестве, теплый студень и ледяные поцелуи в сугробе, но память скользит дальше, в детство, и находит там ожидание чуда, как на дне сундука со старыми вещами сохраняется аромат духов.

За несколько дней до наступления Нового года мы рисовали стенгазету на большом листе ватмана и канцелярскими кнопками прикрепляли ее к стене в коридоре. Папа приносил елку обычно тоже за несколько дней, ибо мы были советскими людьми и понимали, что нужно позаботиться обо всем заранее. Кстати, новогоднюю атмосферу заранее создавали в холодильнике банки с зеленым горошком, майонезом и сгущенкой: если удавалось их где-то раздобыть, то берегли на Новый год.

Но украшали елку мы всегда тридцать первого. Папа забирался на антресоли, доставал коробки с игрушками, многие из которых являлись очень старыми. Почему-то у нас никогда не было «дождиков», а свечки использовали настоящие, двадцать четыре штуки в специальных подсвечниках. Зажигая их в новогоднюю ночь, родители всегда инструктировали нас, что, если вдруг начнется пожар, надо не заливать его водой, а быстро набросить на елку тяжелое одеяло, перекрыв тем самым доступ кислорода. Тяжелое одеяло лежало наготове, но ни разу не потребовалось.

Нарядив с папой елку, я шла в кухню, где мне доверяли чистить овощи и яйца, а также взбивать белки в специальной цилиндрической банке с белой крышкой. Прикрепленная к крышке ручка при вращении приводила в движение лопасти-вилки, и процесс этот буквально завораживал меня. Что немаловажно, по окончании работ мне разрешали облизать лопасти.

Так, в хлопотах, под музыку «Вальса цветов» из «Щелкунчика» проходил день, пронизанный волшебством.

Когда начинало темнеть, меня укладывали поспать, и в сумерках за окном мне виделось что-то очень уютное, не так, как

в другие вечера. В кухне скрипела дверца духовки, звенела крышка латки – это мама готовила курицу или гуся, до которых у нас в новогоднюю ночь никогда не доходило.

Могу ошибаться, но, кажется, когда я стала сознавать себя, мода на восточный календарь уже прочно вошла в нашу жизнь, родители интересовались, год какого животного наступает нынче, что оно любит и как нужно одеться, чтобы год прошел счастливо. Другой возможностью договориться с судьбой было написать вилкой на салфетке желание и клочок этот съесть, пока бьют куранты. Отдельные исследователи рекомендовали салфетку сначала сжечь, а уж пепел проглотить, но бабушка моя считала, что загадать желание под бой часов вполне достаточно.

У нас очень строго соблюдалась следующая традиция: начать открывать шампанское только после слов «С Новым годом, товарищи!», чтобы успеть под бой курантов разлить его по бокалам и выпить.

Потом зажигали елку, свечи мерцали, отражаясь в елочных шарах, бенгальские огни шипели и разбрызгивали холодные искры, и казалось, что загаданное желание обязательно исполнится.

Тут безмятежная атмосфера праздника нарушалась – бабушку срочно вызывали на работу. Это повторялось из года в год, и поэтому бабушка пропускала самое интересное – приход Деда Мороза.

Он появлялся почти сразу, минут через десять после того, как она уходила, небольшой сухонький старичок в красном тулупе и шапке с белой оторочкой, с длинной бородой и мешком с подарками для всех нас.

Он никогда не спрашивал, хорошо ли мы себя вели, и не просил выступать с концертными номерами, просто раздавал подарки и желал нам счастья. Приносил подарок и для бабушки, которую так некстати вызвали на работу.

Тема с бабушкой, которая никак не может встретиться с Дедом Морозом, чрезвычайно угнетала меня. Это совпадение казалось мне неслучайным, тем более старшая сестра по секрету мне сказала, что подобная практика продолжается уже очень давно. Как Новый год, так бабушке на службу!

Еще мне казалось подозрительным, что она очень быстро успевает обернуться. Все-таки, в отличие от Деда Мороза, бабушка не умела перемещаться по воздуху, а метро тогда в Новый год не работало.

Да и вообще, в реальность Деда Мороза верилось с трудом.

Но родители утверждали, что он настоящий, не могла же я подозревать во лжи собственных папу с мамой!

Не помню точно, сколько мне было лет, четыре или пять, наверное, когда я в узком пространстве между накладным носом и бородой разглядела родную бабушкину щеку.

Помню чувство счастья и спокойствия, овладевшее мной, когда я поняла, что Дед Мороз – это все-таки моя бабушка, а не какой-то чужой дед, пусть и сказочный.

Наверное, тогда моя картина мира пришла в равновесие, я приняла жизнь такой, как есть, и поняла, что такое чудо.

Нет волшебства, но есть любовь.

Потом мне самой приходилось исполнять эту роль. Бабушкин костюм прекрасно сохранился, хоть и сидел на мне совсем иначе. Помня свою догадку, я старалась тщательно гримировать лицо, хотя не обладаю такими актерскими талантами, как бабушка, и подозреваю, что дети довольно быстро раскусили меня по походке и по голосу. Но они ничего не сказали мне, как в свое время промолчала и я.

Лучший Новый год? Наверное, нельзя его выбрать, как невозможно выбрать самую красивую женщину или самого умного человека.

Но каждый год мы снова и снова переживаем детское предвкушение чуда, и давайте доверимся этому чувству, ведь впереди неизвестность! В новогоднюю ночь мы словно заходим в безопасную и уютную гавань детства, чтобы, переждав шторм, снова пуститься в свободное плавание.

Невозможно сказать, что ждет нас в открытом море, и неизвестность не оставляет места обреченности.

Наталья Калинина
Свитер, ботинки и «переводчик»

Тот новогодний праздник одиннадцать лет назад я вряд ли когда-нибудь забуду. И не только потому, что оказался он романтичным и одновременно катастрофичным, но и потому, что ночь, которая обещала быть волшебной, неожиданно превратилась в сложный экзамен…

В тот год на праздники прилетал молодой человек, с которым мы познакомились летом во время отдыха в Испании. Это была его вторая поездка ко мне, и я собиралась «официально» представить гостя моей семье. Он уже успел обаять в свой первый приезд мою маму, а папу – заочно, но еще оставалась бабушка, наш Генерал. И если кто-то не проходил «фейсконтроль» у бабушки сразу, то реабилитироваться потом не предоставлялось шанса. Она внимательным взглядом «сканировала» «претендента» в первые мгновения встречи и без обиняков выносила вердикт. Как правило, один и тот же: не подходит! И если раньше меня мало волновало, что скажет бабушка о том или ином молодом человеке, потому что ко мне домой приходили лишь друзья, с которыми о романтичных отношениях мы и не помышляли, то на этот раз все складывалось по-другому. Потому что в тот раз, единственный, я была влюблена. И сомнений в том, что гость из Испании – мужчина моей мечты, у меня не возникало. Тогда как у бабушки – сколько угодно. Достаточно лишь было упомянуть, что он – иностранец.

– То, что он не русский, – это плохо, – поджала губы бабушка, когда узнала новость. – Но то, что испанец, – простительно. Испания с нами не воевала. Главное, что не немец! А то бы и на порог не пустила. Не для того мы их тогда громили, чтобы сейчас…

Бабушка красноречиво не договорила. Но тут уж мама веско вставила, что станет до последнего отстаивать счастье единственного ребенка. Хоть с испанцем, хоть с немцем. Лишь бы мне был люб и дорог.

– Ну-ну, еще посмотрим, – припечатала бабушка. – Она тебе – единственная дочь, мне – единственная внучка. За разгильдяя замуж ее не отдам!

– Ба! – взвыла я. – Никто о замужестве еще не говорит…

Это оказалось моей ошибкой.

– А если не говорит, то пусть и не приезжает, – сказала как отрезала бабушка и захлопнула дверь своей спальни.

– Хм… не говорит… Еще как заговорит! У меня – заговорит! – еще долго доносилось в тот вечер из ее комнаты обиженное бормотание.

А мы тем временем с мамой начали подготовку к встрече – и Нового года, и зарубежного гостя.

Маме хотелось встретить испанца так, чтобы о русском гостеприимстве и хлебосольстве он помнил всю жизнь. Поэтому она обегала магазины в поисках свежайшего-дорогого-деликатесного и все этим свежайшим-дорогим-деликатесным заставляла холодильник и балкон. Будто мы ждали в гости не одного молодого человека, а целую армию. И хоть меню уже было составлено с особой тщательностью, мама, чем меньше оставалось дней до праздника и приезда гостя, тем чаще звонила с работы мне на мобильный.

– Я только что узнала от знакомой, а та – от своей знакомой, что испанцы за стол не садятся без бальзамического уксуса! – торжественно провозглашала она в трубку.

– Зачем… уксус? Кого им бальзамировать? – изумлялась я.

– Не знаю! Но пусть на столе стоит! Я уже заказала. Три бутылки. И еще оливок. На всякий случай.

– Ма, разве оливок в Испании нет? Пусть там ест! А у нас – соленые огурцы, помидоры, баклажаны-«огонек»…

– Я знаю, но пусть будет!

Я соглашалась на оливки и уксус. Но через полчаса раздавался новый звонок:

– Тунец! Не могу нигде найти! А испанцы едят тунца!

– Ма, у нас селедка под шубой и семга в трех видах – соленая, в салате и под сливками! Куда еще тунец? К тому же у нас на балконе – холодец! Три контейнера. Кто его будет есть?

– Тунец-холодец, – рифмовала мама. – Ладно, может, холодец ему заменит тунца?

– А оливье – оливки! – вворачивала я, пусть и не в рифму, но созвучно.

Мы несколько раз меняли меню, продумали, казалось, все до мелочей, но за день до прилета гостя чуть не случилась катастрофа.

– Виноград!!! – разбудил меня утром крик. – Мы забыли виноград!!! Мне сказали, что испанцы не встречают Новый год без винограда!

– Как мы – без мандаринов? – уточнила я. – Если так, то пусть ему виноград мандарины заменят. Новый год по-русски же.

– Ай, – отмахнулась досадливо мама, поняв, что я не горю желанием бежать в магазины за свежим виноградом, и сама отправилась на поиски. Вернулась она не скоро, уставшая, но

довольная, и с гордостью выставила на стол пакет с небольшими сливами.

– Ма, мы же говорили о винограде? – удивилась я.

– Так это он и есть! – обиделась мама. – Что я, разве куплю нашему испанцу какой-нибудь кишмиш? Самый крупный искала! Вот, нашла. Больше не бывает!

И только тут я разглядела, что «сливины» были собраны во внушительные грозди. Мама оказалась права: я даже представить себе не могла, что виноград может быть таким крупным.

Стресс вызывала не только подготовка к празднику (помимо закупки продуктов и составления меню мы с мамой еще помыли зимой окна, постирали дважды шторы и трижды перевешивали тюль, потому что каждый раз, на взгляд мамы, выходило то «неровно», то «несимметрично»), но и поиск подарков. С подарком гостю мы определились быстро – свитер. Толстый теплый свитер из натуральной шерсти, потому что никто не мог прогнозировать, как испанец, никогда не бывавший в температурах ниже плюс трех градусов, перенесет двадцатиградусный мороз. Сам молодой человек мне бодро писал про какое-то специальное трико для альпинистов, которое согреет его в любые холода, но когда мама услышала, что гость собирается при температуре в минус двадцать разгуливать в тонком трико, быстро собралась в очередной рейд по магазинам, на этот раз – одежным.

Найти нужный свитер было не так сложно. Трудно оказалось отстоять подходящий размер: молодой человек в ту единственную встречу моей хрупкой и невысокой маме показался крупным и высоким. Да, он не обладал субтильной комплекцией, но и в магазин «Три толстяка» ему тоже было рано. Однако мама уверенным жестом сняла с вешалки свитер размера XXXL, повертела его в сомнениях так и сяк и, подозвав девушку-консультанта, спросила, нет ли размера 4XL.

– Мама, ты что?! – ужаснулась я. – И в этом свитере только картошку хранить! Куда такой большой?!

– Да прям большой! Как раз для крупного мужчины!

– Но не настолько же крупного! – взмолилась я, успев два с половиной раза обернуть на себе злополучный свитер. Девушка-консультант взирала на нас с любопытством.

– Ой, нет, размер 4XL – уже в другом магазине! – спохватилась она. – У нас самый большой – 3XL. И то этот свитер единственный.

– Ма! – перебила я маму, когда она уже начала уточнять у девушки адрес магазина больших размеров. – Берем этот… мешок.

– Говорю тебе, маленький будет, – покачала в сомнениях головой мама. Но все же попросила упаковать злополучный свитер как подарок.

Эта ситуация породила у меня беспокойства другого характера: если с одеждой для южного гостя мы уже определились, то вот как обстоят у него дела с обувью? В тот же вечер я отправила сообщение и получила жизнерадостный и совсем не оптимистичный, на мой взгляд, ответ, что у молодого человека есть отличные крепкие ботинки, в которых он ездит на мотоцикле, а также удобные кроссовки. Представив себе испанца, прыгающего по сугробам в мотоботинках или отбивающего чечетку при минус двадцати удобными кроссовками, я тут же уверенно оттарабанила ответ, что, так и быть, в кроссовках он пусть прилетит, но мы прямо из аэропорта отправимся в торговый центр за приличной обувью.

А потом он прилетел, и я расслабилась. Ушла суета, растворилась в его улыбке и сияющих радостью темных глазах. Развеялся морок беспокойства, державший меня в плену последние дни уходящего года. И на смену нервозности пришло умиротворенное, как падающий в сиреневых сумерках снег, счастье. Мы оставили вещи в гостинице и отправились в торговый центр. И там провели, прогуливаясь по украшенным к празднику гирляндами и огоньками этажам, полдня. Нам не нужно было разговаривать, подбирая слова и обращаясь к помощи программы-переводчика, мы общались улыбками, «шутили» до слез жестами и мимикой, рисовали друг другу в кафе во время позднего завтрака «разговорные» картинки в блокноте и дополняли «разговор» скудным запасом выученных им русских и мной – испанских слов. Мы были счастливы, влюблены, полны предвкушений и радости и на такую «мелочь», как нехватка слов, просто не обращали внимания. Мы понимали друг друга и так, без длинных фраз. Но настало время ехать ко мне домой, где нас ожидала моя семья. И в этот момент дела стали складываться почти катастрофично: меня подвели близкие друзья. Подвели – это на мой взгляд. На их же – поступили этично и правильно. Заранее мы оговорили, что мои родители уйдут встречать Новый год к своим друзьям, а у меня дома соберется небольшая компания из моих. С одной стороны, я собиралась познакомить испанца, о котором все уже были наслышаны, с друзьями, с другой – они обещали мне, если что, выступить спасительным «буфером» между ним и строгой бабушкой. Но в течение пятнадцати минут все друзья и подруги отзвонились с новостью об изменении планов. Судя по тому, что предлоги у всех оказались невнятными, да и звонки шли один за другим, я

заподозрила массовый сговор. Который мне и подтвердил позвонивший последним близкий друг Виталик:

– Наташ, ну на кой мы тебе там сдались? К тебе твой испанец прилетел! Лав стори и все такое. Мы все вместе Новый год уже сколько лет встречаем? Еще со школы! А с ним праздника тет-а-тет, как говорится, у тебя еще не случилось.

– Какой тет-а-тет! – возмутилась я. – Остаемся мы вдвоем и моя бабушка! А если он ей не понравится?! Ты же ее знаешь!

– О, ничем помочь не могу, – захихикал друг и, прежде чем отключиться, уже серьезно добавил: – Приходите к нам завтра. Мы с женой будем рады вас видеть. Посидим вчетвером, там и познакомимся. Все, салют! Счастливо встретить!

С застывшей улыбкой я постаралась объяснить испанцу, что новогоднюю ночь мы проведем втроем – он, я и моя бабушка.

– О, бабочка, бабочка! – радостно закивал молодой человек, совсем не испугавшись перспективы превращения доброго праздника в строгий экзамен длиной в несколько часов, от результатов которого зависело наше будущее. Я же, в отличие от него, волновалась так, как не нервничала перед госэкзаменами в университете.

Разлитое в воздухе ощущение надвигающейся катастрофы я почувствовала, едва перешагнула порог родного дома: бабушка не вышла встречать нас в коридор вместе с родителями. И пока мама приветствовала жестами и невнятными восклицаниями громогласного и смеющегося от радости гостя, а папа пожимал тому руку, я незаметно проскользнула в комнату бабушки и нашла ее в укромном уголочке за шкафом. Бабушка, наряженная в праздничное платье и с повязанной на голове новой косынкой, восседала с прямой спиной на табуретке. Руки она сложила на коленях, а лицо ее выражало полное сосредоточение.

– Ба, ты чего тут?

– Уйди! – нахмурилась она. – Не мешай!

Я тихо вышла и громким шепотом спросила у мамы:

– Мам, а чего у нас бабушка за шкафом прячется?

– Ай, не трогай ее, – немного раздраженно отмахнулась мама, выдавая этим свою нервозность. – Она там с тех пор, как ты в аэропорт уехала, сидит. Готовится.

– К чему?!

Но в этот момент из комнаты раздался повелительный голос бабушки:

– Ведите его ко мне!

И мы, словно на аудиенцию к королеве, ввели в спальню нашего гостя. Бабушка величественно поднялась с места и вышла на середину комнаты. И едва молодой человек переступил порог,

как она вместо приветствия четко, с расстановкой произнесла:

– Ты скажи мне, глядя в глаза, собираешься ли на моей внучке жениться?

Я громко ахнула и возмущенно воскликнула:

– Ба!

Но она только махнула в мою сторону рукой, призывая замолчать, и, гипнотизируя гостя взглядом, повторила вопрос.

– Да, бабочка, да! – радостно закивал гость, который, видимо, решил, что с бабушкой лучше во всем соглашаться, даже если ни слова не понимаешь. А бабушкино лицо просияло, и его вдруг тронула такая светлая улыбка, что я не отважилась ее разочаровывать.

– Сын мой! – растроганно проговорила она и крепко обняла гостя. Молодой человек сжал в крепких объятиях мою хрупкую, но сильную духом бабушку, даже не понимая, что ее сделало такой счастливой. А бабушка, слегка отстранившись, тут же принялась в своем духе давать наказания:

– Ты ж смотри мне, береги ее! А не то… И жениться вам лучше в России. А если увезешь ее, то обещай привозить на родину часто. И смотри, чтоб…

Гость на все наказания радостно восклицал:

– Да-да, бабочка!

И то и дело обнимал бабушку, думая, что она поздравляет его с наступающим праздником и желает всего наилучшего в следующем году. Я же так и не решилась нарушить этот странный диалог, решив, что придумаю потом, как из всей этой ситуации выкрутиться.

А потом родители ушли в гости. И мы принялись резать все для салатов, потому что молодой человек изъявил желание не только попробовать новую для него еду, но и самому ее приготовить. Я отдавала указания, он сосредоточенно крошил, ссыпал и перемешивал, а бабушка то и дело заглядывала на кухню. И, видимо, картина ей очень нравилась, потому что лицо бабушки вспыхивало довольной улыбкой, и она на целых пять минут исчезала из дверей кухни. А затем вновь появлялась и заставала все ту же сцену: я отдаю распоряжения, гость готовит.

Мы совместно накрыли стол – русские салаты и гостинцы из Испании, молодой человек открыл привезенное вино. Бабушка сделала аккуратный глоток и…

И начался экзамен.

Но, как оказалось, не для гостя, а для меня – по испанскому языку. На тот момент мои знания ограничивались лишь восемью уроками, самостоятельно пройденными по учебнику. Половина тех уроков была посвящена предлогам, о которых изучающим

язык рассказывали на примере кота: бедное животное в учебнике то загоняли на стол, то под стол, то за стол. Поэтому я могла четко произнести по-испански фразу: «Это кот. Кот находится на столе». А остальное объясняла гостю знаками, мимикой, рисунками или с помощью программы-переводчика в гаджете. Но для моей бабушки никаких отговорок не существовало. Внучка, по ее мнению, за такой срок уже должна была овладеть иностранным языком в совершенстве. Поэтому бабушка скомандовала мне:

– Переводи!

И принялась развлекать гостя рассказами о войне.

Я, как могла, подкрепляя свое мычание жестами, кивками и приседаниями, пыталась рассказать испанцу о надвигающихся на наших воинов вражеских танках, об окопах и «ежах». Он с интересом смотрел мой театр, с аппетитом жевал салаты и удивленно вскидывал брови.

– Наташа, ты зачем ему рога показываешь? – одергивала меня бабушка. – И вообще, зачем так размахиваешь руками? Неприлично! Говори как полагается.

– А как я ему про «ежи» расскажу? – возмущалась я.

– Так и расскажи! И еще добавь, что твой дед был дважды ранен… Положи нож на стол! Зачем ты им себя в грудь тычешь?! Придумала еще – зарезаться в новогоднюю ночь!

– Ба, – взмолилась я. – Дай поесть! Напоследок в этом году. А про войну ему уже в следующем расскажем.

– Ну, ешь, – смилостивилась бабушка. – И холодца возьми.

Я положила на тарелку холодца и к нему – немного домашней горчицы.

– Наташа, что это? – живо отреагировал гость, но, увы, не на холодец, а на горчицу. И тут же зачерпнул прямо из вазочки полную ложку. Не успела я предупредительно вскрикнуть, как он уже отправил столовую ложку горчицы себе в рот. Эффект оказался моментальным: лицо гостя побагровело, из вытаращенных глаз покатились слезы, ноздри раздулись, и изо рта полыхнуло огнем. Я ринулась на кухню за водой.

– Наташа, что это?! – повторил вопрос молодой человек, когда перестал дышать огнем и отплевался лавой.

– Горчица. Приправа такая. Бабушка сделала…

– С характером горчица! – неожиданно четко по-русски произнес гость. – Как у бабушки.

Бабушка довольно улыбнулась, но, взглянув на часы, всплеснула руками:

– Ой, до курантов-то семь минут!

Я, вспомнив о традиции испанцев, помчалась на кухню за

виноградом и торжественно поставила вазу на стол перед гостем.

– Наташа, что это? – опять спросил он, на этот раз уже с подозрением.

– Виноград! – торжественно провозгласила я, ожидая радости и восхищения. Но гость оторопело посмотрел на угощение и вдруг разразился хохотом. Оказывается, в Испании действительно есть традиция встречать Новый год с виноградом, съедая, на удачу, под каждый удар часов по ягоде. Но съесть двенадцать «слив» одну за другой под бой курантов и не подавиться сразу первой показалось миссией невыполнимой. Виноград оказался такого размера, что только лишь одну ягоду можно было начать жевать в старом году, а проглотить – уже в следующем. Поэтому Новый год мы встречали по-русски: с шампанским, под речь президента и куранты.

А когда мы меняли на столе блюда, бабушка незаметно положила под елку подарки. И пока обрадованный гость обряжался в огромный толстый свитер, я рассказывала ему о нашей традиции класть подарки под елку.

– Наташа, там еще что-то осталось! – живо воскликнул он. Когда я повернулась, под елкой уже лежала маленькая коробочка, в которой оказалось дизайнерское кольцо.

– Что это? Откуда? – растроганно проговорила я, не зная, как реагировать на такой подарок.

– Ничего не знаю! Дед Мороз принес! – весело произнес гость и, как Пьеро, взмахнул длинными рукавами свитера.

Бабушка ушла отдыхать рано, а мы проговорили почти до утра. Как, о чем – не важно. О неважных, но серьезных «мелочах». А в семь утра меня уже разбудила бабушка:

– Вставай и готовь нашему гостю кофе! И это, скажи ему, чтобы привез чемодан из гостиницы к нам! Придумали еще – парня в гостиницу…

– Бабушка! – счастливо бросилась я к ней на шею, без лишних пояснений понимая, что она и одобрила мой выбор, и благословила нас.

– Ну-ну, – проворчала бабушка, пряча улыбку.

А вечером мы отправились в гости к моим близким друзьям Виталию и Ане. Гость надел подаренный свитер и новые ботинки. К сожалению, последние лишь с виду казались красивыми, дорогими и надежными, а на деле явили подлый характер. Известной фирмы, купленные по цене крыла самолета, созданные, как думалось, для всех погодных капризов – метелей, ливней, холодов, они оказались не приспособленными к морозам. Нет, в них было тепло, мягко и уютно. Но на морозе материал, из которого изготовили толстую рифленую подошву, превращался в

невероятно скользкое нечто. Удержать в этих ботинках равновесие на морозе оказалось невыполнимым заданием. Они разъезжались и скользили, будто смазанные лыжи, и молодой человек, едва ступив на снег, тут же с грохотом упал. А потом еще, и еще, и еще. Так мы и «передвигались»: шаг идем, два лежим. Вместе, потому что я изо всех сил пыталась удержать гостя, но ботинки каждый раз побеждали.

– Девушка, какой вам муж неустойчивый достался! – то ли сочувственно, то ли осуждающе воскликнул встретившийся по дороге прохожий. От мужичка разило за три метра перегаром, шел он, шатаясь от одного края тротуара к другому, но, в отличие от нас, не падал.

– Побереги-и-ись! – прокричала я вместо ответа, когда подлые ботинки в очередной раз уронили нас прямо мужчине под ноги. К счастью, того как раз шатнуло в противоположную сторону, иначе бы мы снесли его. А так без сопротивления просто пронеслись на спинах по утоптанному снегу мимо.

Друзья уже ожидали нас с накрытым столом, и пришлось рассказывать испанцу про традицию застолий вплоть до Рождества. А от Рождества и до старого Нового года – по второму кругу. Затем мы обменялись подарками и гостинцами, и вечер пошел так чудесно, легко и весело, словно мы в этом составе собирались уже не однажды. Мой гость отлично вписался в компанию, правда, сильно мешало то, что он не понимал наших шуток на русском. Тем более что Виталий, военный, решил попотчевать гостя под салаты и закуски изрядной порцией солдатских баек. Я, испытывая чувство дежавю, вновь изображала жестами окопы, «ползала» по-пластунски под заливистый смех Ани, «целилась» из автомата. Но сломалась на слове «портянка».

– Виталька, да ну тебя! – рассердилась я после неудачной попытки пересказать испанцу очередной солдатский анекдот. – Ты как моя бабушка, только еще хуже. Дай отдохнуть!

– Погоди, – сказал друг. Встал, куда-то вышел и вернулся уже с бутылкой водки.

– Что это?! – всполошилась я.

– Программа-переводчик, – невозмутимо пояснил коварный друг. – Ты отдыхай, а мы тут сами разберемся, по-мужски, как говорится.

Испанец с интересом следил за нашим диалогом, затем с любопытством потянулся к бутылке, но я успела ее выхватить и всучить обратно другу.

– Убери! Ты мне испанца угробишь. То, что бабушка горчицей своей не загубила, ты водкой добьешь!

– Ничего ты не понимаешь, – ухмыльнулся друг и выставил

две стопки. Но тут мне на помощь пришла Аня, убрала стопки и громко объявила:

– А давайте гадать! Как на Святки!

– Так еще не Святки… – попытался отстоять свою позицию Виталий.

– Ничего! Наш гость уедет в Барселону раньше. И как это он не узнает про традицию гадать на Святки?

Гадать мне показалось безобидней, чем прибегать к помощи «переводчика», поэтому я быстро согласилась и, как могла, объяснила молодому человеку, что мы собираемся делать. Он воспринял предложение с большим энтузиазмом. Только вот как быть дальше – мы не знали. Забыли все святочные гадания. На ум приходило только гадание с помощью сапога. Я бы с радостью зашвырнула куда подальше новые предательские ботинки гостя, только по его глазам поняла, что он расставаться с ними не желает: может, как снегоходы ботинки и оказались непригодными, но в дождливую погоду окажутся в самый раз! Да и женатой паре друзей гадать с помощью сапога, кому еще год в девках сидеть, а кому – замуж пора, уже было неинтересно. Поэтому пришлось думать дальше. Наконец-то нам вспомнилось гадание на желания: взять миску, наклеить на ее края двенадцать бумажек с желаниями, налить воды и пустить по ней, как кораблик, яичную скорлупку с зажженной маленькой свечой. К какой бумажке с желанием «кораблик» подплывет, то и сбудется. Идея всем понравилась. Но мы столкнулись с другой проблемой: в доме не оказалось маленьких свечей, только большая плавучая из «Икеи». Большому кораблю – большое плаванье! Поэтому вместо маленькой миски хозяин принес огромный, литров на пятнадцать, таз, в котором то ли белье замачивают, то ли варенье летом варят. И пока мы со смехом препирались, как осуществить гадание, испанец взирал на все приготовления с детским интересом. Затем с такой же трогательной сосредоточенностью писал желания. Мы же хохотали, комкали бумажки, выхватывали друг у друга ручку и шутили на тему желаний. Испанцу, как гостю, мы предоставили первую очередь. Но тут нас поджидала другая проблема: зажженная свеча не хотела двигаться, стояла себе на месте, тихо покачиваясь, спасибо еще, не тонула.

– Где наша не пропадала! – воскликнул Виталий и взболтал рукой воду в тазу, устроив настоящую бурю. Свечу под наши радостные крики волной прибило к одному из желаний гостя. Молодой человек снял бумажку и убрал ее в бумажник. А затем и еще две, которые свеча «выбрала» «на бис». Не помню уже, успели ли мы все погадать или только устроили то представление для испанца… Скорее всего, последнее. Как бы там ни было, свои

желания я так и не вспомнила. Распрощались мы с друзьями уже под утро. И они упаковали-таки в подарок гостю бутылку с «переводчиком».

…Десять месяцев спустя мы гуляли с ним, уже моим мужем, по широким проспектам и узким улочкам Санкт-Петербурга, прилетев вместе из Барселоны к моим родственникам. Эрмитаж… Побывать в Петербурге и не посетить Эрмитаж?! Мы вышли на Дворцовую площадь. И вдруг муж замедлил шаг, достал из-за пазухи портмоне и вытащил из его кармашка три аккуратно сложенные бумажки.

– Помнишь это? – спросил он у меня. – Это желания, которые я загадал в доме твоих друзей.

– Помню! – засмеялась я. – Это была шутка. Чтобы весело провести время.

Он в ответ лишь улыбнулся, развернул по очереди все три бумажки и показал их мне. «Чтобы Наташа вышла за меня замуж». «Чтобы Наташа уехала ко мне в Испанию». «Гулять с Наташей по Санкт-Петербургу».

Юлия Набокова
Успеть до Нового года

Уезжая вслед за мужем из Москвы в Иркутск, я не представляла, что такое настоящая сибирская зима. Погожий сентябрь щедро дарил солнцем, приглашая к знакомству с новым городом. Мы гуляли по берегу Иркутского водохранилища, похожего на море, на золотых аллеях тихого парка кормили с руки юрких рыжих белок. И я думала, что полюблю этот тихий, кажущийся сонным после Москвы городок, где деревянные домики-теремки удивительным образом соседствовали с новостройками и стеклянными фасадами супермаркетов.

В середине октября внезапно выпал снег. Как будто сказочный Дед Мороз пронесся за ночь над городом, белым пуховым платком накрыл пустырь перед нашим домом, припорошил сахарной пудрой скамейки и машины. Проснувшись поутру, я не поверила глазам: снег в октябре! Наверное, Дедушка Мороз шутит, решила я и стала ждать потепления. Местные жители уже достали из шкафов пуховики и теплые шапки, даже белки в парке сменили облегченные рыжие шубки на зимние серые, а я упрямо продолжала носить осеннее, ставшее совсем холодным, пальтишко и скользила в сапожках на шпильках по тонкому утреннему ледку. Мороз крепчал, но надежда на потепление согревала. Наступил ноябрь, река Ангара, делившая Иркутск на две части, покрылась льдом, и я заподозрила неладное.

– Какое потепление? Уже зима началась, – просветила моя новая иркутская подруга Катя, когда мы после музея декабристов согревались кофе в уютном кафе.

– Как зима? – дрогнула я. – В ноябре?

– Добро пожаловать в Сибирь! – подмигнула она и принялась задорно расписывать мне прелести зимнего отдыха – лыжи, санки, снегокаты, барбекю в зимнем лесу. Катя и ее муж, коренные иркутяне, знали толк в снежных забавах. – Зима – это весело! А знаешь, как красиво зимой на Байкале? Лед такой прозрачный, что можно увидеть водоросли на дне, и такой толстый, что по нему можно на машинах ездить.

Но чем ниже опускалась температура за окном, тем меньше хотелось выбираться из дома. Температуры в минус тридцать мой гардероб, рассчитанный на мягкую московскую зиму, уже не выдерживал, пришлось купить толстую дубленку, меховую шапку-ушанку и теплые сапоги с шипастой подошвой – о красоте речи не

было, согреться бы и не упасть на льду, который покрыл все тротуары. В минус сорок елки во дворе покрылись серебристым инеем, даже кусты, нагие и унылые накануне, а теперь словно осыпанные кристаллами льда, казались произведением искусства. По улице я передвигалась короткими перебежками и все время мерзла.

На календаре было только начало декабря, а мне уже казалось, что зима длится вечно. Любимый муж целыми днями пропадал на работе, ради которой мы и переехали в Иркутск. А я писала рекламные статьи и обзоры кино для местного сайта и отчаянно тосковала – вдали от родных и друзей, без привычной московской суеты и теплого декабря.

– Что тебе подарить на Новый год? – спросил как-то муж.

– Лето, – пошутила я, глядя на застывший хрустальный пейзаж за окном.

На следующий день муж вручил мне путевку в Таиланд:

– Едем двадцатого, возвращаемся тридцать первого. Погреемся на море и вернемся как раз к Новому году.

– Ты волшебник! – Я счастливо повисла у него на шее.

Это было наше первое путешествие за границу и первое путешествие из зимы в лето. В самый разгар сибирских морозов я сложила в чемодан купальники, сарафаны и шлепанцы – до конца не веря, что можно вот так, за каких-то шесть часов, сменить время года и сбежать от звенящих сибирских морозов в знойное тропическое лето. В самолет мы, как и все пассажиры, зашли в пуховиках и сапогах на меху, вышли уже в майках, шортах и шлепанцах. От яркого солнца и сладких цветочных ароматов закружилась голова, пальмы зашелестели на ветру, приветствуя, – и наша тайская сказка началась.

Десять дней лета в разгар декабря – разве не чудо? Таиланд удивлял и завораживал. В первый вечер мы поднялись на восемьдесят четвертый этаж башни «Байок Скай» и смотрели, как текут внизу золотые ленты хайвеев. Наутро гуляли по Королевскому дворцу и удивлялись золотой роскоши храмов, до того блестящих, что они были похожи на елочные игрушки. Фотографировали елки у торговых центров – на фоне пальм и бьющих в голубое летнее небо фонтанов. Рядом стояли фигуры оленей и Санта-Клауса. Засмотревшись на них, я чуть не врезалась… в слона! Кто бы мог подумать, что по тротуару, прямо в толпе людей, могут вести настоящего слоненка.

– Ты чуть его с ног не сбила! – съехидничал муж. И потом еще долго вспоминал мне того слоненка длинными зимними вечерами в Иркутске.

Пока же на второй день нашего отпуска мы улетели на

тропический островок Самуи, в который влюбились с первого взгляда. Там нас встретили пальмы, одетые в новогодние гирлянды, белые песчаные пляжи и теплое море, никогда не знавшее зимы.

– У нас минус тридцать, – писала мне из Иркутска Катя на электронную почту. Пока мы отдыхали, она навещала оставшуюся в нашей квартире кошку.

– А у нас плюс тридцать! – набирала ответ я, пьяная от счастья и от лета, и бежала на пляж.

Двадцать пятого декабря в отеле отмечали Рождество, праздничный ужин организовали прямо на берегу. Темнокожий Санта-Клаус подходил к каждому столику, чтобы позвенеть колокольчиком и пожелать счастья. Вместо шампанского официант принес коктейли в ананасах с бенгальскими огнями – искры сыпали прямо на песчаный берег. Все было в диковинку и как будто понарошку. И я поймала себя на мысли, что для праздника мне отчаянно не хватает снега и лесного запаха хвои. Моя иркутская подруга уже готовилась к Новому году, покупала продукты и подарки, о чем сообщала мне в письмах, и я почувствовала, что упускаю что-то важное – предчувствие праздника, самого главного и самого любимого в году. Было жаль прощаться с летом, но меня грела мысль, что мы возвращаемся в Новый год.

И вот тридцать первого декабря мы вылетаем обратно в Сибирь. По аэропорту Бангкока, украшенному орхидеями, гуляют подвыпившие туристы в костюмах Санта-Клауса. Пассажиры мечутся по дьюти-фри, скупая подарки для близких. А наш самолет задерживают, и до Нового года остаются считаные часы.

– Новый год в аэропорту я еще не встречал! – шутит кто-то из пассажиров нашего рейса.

– А что, шампанское в дьютике есть, елка вон стоит, под ней и отметим! – не теряются остальные.

Каким-то чудом проблему с самолетом решают, и мы вылетаем – с опозданием на пять часов. Авиакомпания приносит свои извинения, хрупкие и улыбчивые стюардессы, похожие на Снегурочек, разносят шампанское и поздравляют с наступающим – недовольство пассажиров моментально стихает, а веселые тосты скоро сменяются расслабленным храпом.

А за окном самолета в это время, как в сказке про Двенадцать месяцев, меняются времена года. Заканчивается зеленое азиатское лето, мы стремительно пролетаем над бурой китайской осенью – и вот уже спускаемся в белоснежную сибирскую зиму.

Мороз встречает нас уже на трапе, бросая в лицо горсть колких льдинок.

– Дорогая, ты уверена, что хочешь сойти? Может, ну его, этот Новый год? – шутит все тот же веселый пассажир. Но его загорелая спутница толкает его в спину и нервно поглядывает на часы.

Смотрю и я: до Нового года семь часов. И в отличие от других пассажиров, нас не встретят друзья и родственники за накрытым столом. Наш холодильник пуст, а в съемной квартире нас ждет только кошка.

Пока горожане докупают последние продукты к столу, мы томимся в очереди на паспортном контроле, а затем с азартом охотника высматриваем свой один на двоих чемодан на багажной ленте.

– Успеть бы до Нового года, – нервничаю я. – А то магазины скоро закроют, и останемся с тобой голодные до следующего года.

– Успеем! – Муж подхватывает наш чемодан, и мы бежим к такси, ныряя из аэропорта в порывистую метель.

Забрасываем чемодан домой – и сразу в супермаркет через дорогу.

Вы когда-нибудь бывали в магазине тридцать первого декабря перед закрытием? Поверьте мне, зрелище потрясающее! Между пустыми прилавками бестолково мечутся мужчины, вопя в мобильники:

– Нет тут зеленого горошка! Я уже пятый магазин обошел! Раньше надо было думать.

– Где я тебе базилик возьму? Одна петрушка осталась. Не вымудряйся со своей итальянской кухней, и петрушку съедим.

– Я тебе русским языком повторяю: яиц нет никаких. От слова вообще нет. И в этом году уже не будет.

Я шла по супермаркету с пустой тележкой и с подступающей паникой понимала, что на стол мне поставить нечего. Оливье не будет, потому что нет зеленого горошка, яиц и докторской колбасы. Для селедки под шубой нет ни селедки, ни свеклы. Может, хотя бы горячее спасет положение.

– Мяса нет. Осталась последняя курица, – продавщица в мясном отделе лениво кивнула на синюю замороженную тушку.

– Она же оттает только в следующем году, – с сомнением возразила я.

– Дайте мне! – Пока я раздумывала, какой-то мужчина уже заграбастал курицу и с ликованием охотника, завалившего мамонта, прокричал в мобильник: – Дорогая, я раздобыл курицу!

– Кажется, праздника не будет, – удрученно сказала я мужу.

– Ничего, откроем шампанское и закусим бутербродами с красной икрой!

К счастью, о шампанском и красной икре мы позаботились еще до отъезда, и они ждали нас дома. Но в хлебном отделе не было ни одного батона хлеба, только сладкая булка и кекс в надорванной упаковке. А за последний в витрине торт на наших глазах разыгралась настоящая битва между двумя весьма солидными дамами.

– Магазин закрывается! – объявили по громкой связи.

Мы судорожно покидали в тележку коробку местного грильяжа, испанские оливки и французский сыр с плесенью, на который никто не польстился, и покатили к кассе. Наш новогодний шопинг я позже описала в новогодней комедии «Снегурочка носит мини», где героям тоже приходится организовывать праздник в последний момент.

С пакетом налегке я отправилась домой, а муж – за елкой.

Когда я вошла в квартиру, удрученно думая, что же поставить на стол, позвонила Катя:

– С наступающим! Как долетели?

– Долетели с опозданием, и с Новым годом почти пролетели. – И я поведала ей о нашей неудаче в магазине. – Даже хлеба нет, чтобы красную икру намазать.

– А в холодильник не заглядывала? – загадочно спросила Катя.

Я как раз подошла к холодильнику, чтобы положить в него сыр с плесенью. Открыла – и ахнула:

– Не может быть!

Вместо пустых полок – праздничное изобилие. Картонная коробка с тортом, желтый треугольник моего любимого сыра, а рядом все необходимые продукты для оливье – палка докторской, зеленый горошек, огурцы, упаковка яиц и майонез. И даже упаковка сливочного масла для бутербродов. Жаль только, что хлеба для них нет…

– Считайте меня Снегурочкой, – улыбнулась в трубку подруга. – А если ты повернешь голову направо, то увидишь хлеб на столе. Привезла вчера, когда кошку навещала.

– Спасибо, ты спасла наш праздник! – растроганно выдохнула я.

Мы поздравили друг друга с наступающим, и я побежала варить картошку и яйца для праздничного салата. Раз есть оливье – Новый год уже спасен! А помимо салата, у нас еще будут бутерброды с красной икрой, сырная нарезка и торт на сладкое.

Муж задерживался, и до его прихода я успела помыть полы в квартире. Я как раз заканчивала с прихожей, когда дверь открылась – и в нее ввалилась елка, а сразу за ней муж.

– Это что? – ошеломленно выдохнула я. До этого дня я и не

подозревала, что на свете бывают такие елки – облезлая, кривая, она заваливалась набок, как подвыпившая кокотка, а концы ее ветвей закрутились в узлы.

– Она была последняя! – скороговоркой выпалил муж.

– Входите, – сдалась я.

Пока я готовила оливье, муж запихнул елку в крестовину и водрузил в центре комнаты. Елка отчаянно сопротивлялась и норовила завалиться на телевизор, по которому шла «Ирония судьбы».

В конце концов ей удалось придать относительно устойчивое положение, и я попыталась замаскировать лесную замухрышку мишурой. Игрушки и гирлянды отнюдь не скрасили ее плачевного вида, а только еще ярче подчеркнули недостатки.

– Этот Новый год я никогда не забуду, – со смехом призналась я, включая речь президента.

– Я тоже боюсь, что эту елку ты мне никогда не забудешь, – подхватил муж и открыл шампанское.

Куранты пробили волшебные мгновения Нового года, мы выпили шампанского, переглянулись – и пошли отсыпаться после долгого перелета и суматошного дня.

Наутро я проснулась разочарованной. Новый год наступил, а то особенное ожидание праздника, когда за две недели до выбираешь подарки, подписываешь открытки близким, украшаешь дом блестящими шарами и фигурками Деда Мороза, в сотый раз смотришь старые добрые новогодние фильмы, я пропустила, улетев в Таиланд. Погнавшись за тропической сказкой, я потеряла сказку новогоднюю – ту, которая бывает только однажды, в последнюю неделю декабря, и только у нас, в России. «Больше никаких отпусков под Новый год!» – решила я и отправилась разбирать чемодан.

Мы провели в Иркутске долгих пять зим, сравнимых с десятью московскими. Я так и не смогла привыкнуть к тому, что зима в Сибири длится полгода – с октября по апрель. В Москве на мой день рождения в начале апреля обычно уже расцветает весна, Иркутск же в тот первый год поздравил меня вьюгой, сорокаградусными морозами и сугробами выше моего роста. Иногда снег таял только к маю. И сразу же, почти без перерыва на весну, начинало жарить лето. Поэтому когда муж объявил, что его работа закончена и мы возвращаемся в Москву, я с радостью бросилась упаковывать вещи.

Теперь в декабре я гуляю по праздничной Москве, встречаюсь с подругами за чашкой имбирно-пряничного латте, наблюдаю за людьми, которые куда-то спешат, о чем-то радостно мечтают. Украшаю квартиру и брожу по магазинам, неторопливо и

вдохновенно выбирая подарки. Пишу новогодние книги, в которых герои переживают веселые и романтичные приключения под Новый год, а сама встречаю праздник спокойно и тихо – зову родных, накрываю на стол. У окна – живая елка с игрушками еще из моего детства, на столе рядом с неизменным оливье – блюда, приготовленные по новым рецептам, по телевизору – вечная новогодняя сказка про Женю, Надю и Ипполита, на тумбочке у кровати – свежий роман из любимой серии новогодней комедии. Что еще для счастья надо? Только загадать желание под бой курантов и верить, что оно обязательно сбудется. Ведь впереди 365 дней нового, самого лучшего года!

Максим Матковский
Самые прекрасные груди на земле

1

Вот что: все мои планы на Новый год накрылись.

Сразу следует заметить, что для меня Новый год – это единственный праздник в году.

День рождения, День защитника Отечества, День матери, всяческие религиозные праздники и государственные меня нисколько не интересовали.

Плевать я хотел на все праздники, кроме Нового года, понимаете?

Ко всем праздникам я испытывал безразличие, и люди, которые их отмечают, казались мне праздными пустомелями.

Но Новый год – это нечто особенное.

Этот праздник для меня всегда был святым, волшебным.

Как можно тратить силы на празднование каких-то там дней в честь чего-то там, если у вас каждый год наступает тридцать первое декабря?!

Должен признаться: иногда я не выдерживал и праздновал Новый год летом. Доставал искусственную елку, наряжал ее, сам же надевал искусственную бороду и шапку Деда Мороза.

Лена – девочка, с которой мы съехались и живем вот уже как год, слава богам, тоже была немного не в себе, и мое празднование Нового года в конце марта, середине июля или конце августа воспринимала абсолютно всерьез. Бывало, я звонил ей на работу и говорил:

– Завтра тот самый день.

И она все понимала без лишних слов, на следующий день она брала отгул, мы ходили по магазинам, покупали друг другу подарки и продукты для праздничного стола.

Мы приходили домой, наряжали елку, много готовили, я включал какой-нибудь американский рождественский фильм, и мы усаживались за стол в ожидании боя воображаемых курантов. Потому что советские фильмы про Новый год навевали сплошную тоску.

А на улице стоял жаркий июль.

Я наклеивал на окна бумажные снежинки и украшал подоконник ватой.

Что за чудо чудное – праздновать Новый год когда вздумается.

Есть у меня и знакомый Дед Мороз по имени Леонид.

Вернее, Дедом Морозом он был только на время новогодних праздников, в остальное же время он предавался безудержным возлияниям и работал кладовщиком на складе строительных

материалов.

Бывало, я звонил ему и говорил:

– С Новым годом, приходи сегодня к нам в гости!

А он отвечал осиплым голосом:

– Так апрель же месяц на дворе.

А потом он привык и приходил по первому же моему звонку, потому что не столько любил праздновать Новый год, сколько застолья по поводу и без.

Так мы и сидели втроем.

Леонид ел, как животное, спешно пил рюмку за рюмкой, запивал злую шампанским или вином, будто боялся, что яства перед ним вмиг исчезнут.

Леночка поджигала бенгальские огни и взрывала хлопушки.

Мы танцевали и просматривали в записи поздравления президента нашей многострадальной черноземной.

И еще приятно было осознавать, что только мы этой ночью праздновали Новый год и это был наш праздник.

Больше ничей.

Пусть весь мир в ад провалится со своими законами и порядками, плевать, скатертью дорожка!

Обычно Леонид напивался до такой степени, что его искусственная, заляпанная угощениями борода сползала на грудь, а сам он, уютно устроившись на стуле, засыпал и громко храпел.

Тогда я снова брал на себя функции Деда Мороза.

Не знаю, иногда мы праздновали Новый год каждую неделю.

Может, с нами было что-то не так?

Может, мы просто сходили с ума и боялись признаться в этом друг другу?

Но если ты сейчас читаешь это, моя дорогая Леночка, то знай, что те внезапные, беспричинные празднования являются лучшим, что со мной случилось за все бессмысленно прожитое время.

Я так никогда не веселился.

И если это и было сумасшествие, то я желал быть сумасшедшим.

А знаешь, что еще я хотел тебе сказать, чтобы два раза не вставать?

Ты стала моей женщиной не тогда, когда мы признались друг другу в любви подле желтого корпуса Университета им. Шевченко, и не когда я внезапно обнаружил, что ты живешь со мной, и не когда я вместо всех чудес света хотел сфотографировать твои зеленые глаза зимой 2006 года. Нет, не тогда, когда ты перевезла ко мне все свои пышные цветы, и не тогда, когда мы начали случайно (или намеренно?) пользоваться одной зубной щеткой.

Нет, вовсе нет.

Ты стала моей женщиной, когда сама однажды позвонила мне в середине мая. Я стоял посреди зала и читал лекцию студентам второго курса.

Я вышел из зала и взял трубку.

А ты спросила:

– Ты не забыл?

Я спросил:

– Что не забыл?

Ты сказала:

– Сегодня же Новый год!

И повесила трубку.

Вот тогда ты и стала моей женщиной, а я твоим мужчиной.

Стоит ли говорить, как я готовился к празднованию официального Нового года?

Готовился я к нему начиная с первого января.

Обзванивал родственников и знакомых.

Интересовался их планами, но они, еще как следует не отойдя от грандиозных ночных гуляний, отвечали мне пьяными голосами:

– Что? Новый год? Ты в своем уме? Еще дожить надо!

А я их спрашивал:

– Зачем тогда жить, если не готовиться к празднованию Нового года?

Однажды Лена спросила меня:

– Если ты так любишь Новый год, то почему не подрабатываешь Дедом Морозом на утренниках или корпоративных вечеринках?

Я подумал: и правда, почему?

Я думал семь дней и семь ночей и наконец понял. Ответ оказался очевидным – еще ни разу я не встречал Деда Мороза, который бы верил в волшебство.

А человек, который в волшебство не верит, – мертвый.

Манекен на ярмарке лжи и лицемерия.

2

Вот что: все мои планы на Новый год рухнули.

А планы имелись такие: как-то осенью мне позвонил мой друг детства Мишка. Он сказал, что собирает компанию для поездки в Египет на Новый год, мужскую компанию. Мы должны были поехать вчетвером – я, Мишка, Леха и Олег.

Я сказал ему, что с удовольствием поеду, только вот сам поехать я уже никак не смогу. Он поворчал немного и согласился с моими доводами.

Мы купили путевки и на выходных ездили с Леной по магазинам: за пляжными тапочками, полотенцами, масками для подводного плавания, трубками, плавками, купальниками и прочим, прочим…

Лена спрашивала:

– Какой же Новый год без снега?

Я отвечал:

– Так даже лучше. Что-то новенькое, необычное. Понимаешь, Новый год наступает по всей Земле, просто не все люди об этом знают. Вот спит где-то в Африке племя в обнимку с копьями, спит и не знает – что такое это чудо.

Но в конце осени в Египте произошли тревожные события, и МИД не рекомендовал туристам посещать страну в данный период.

Мы сдали путевки, подумали-подумали и решили праздновать Новый год дома.

Однако и этому не суждено было случиться.

Мать Елены расхворалась. А жила она в Мелитополе. Отец же Елены работал дальнобойщиком и уехал в Данию. Вернуться же он должен был только через месяц. Вот мать и позвонила Лене и попросила, чтобы она приехала.

Я сказал, что как только приму экзамены у студентов, так сразу же и отправлюсь следом за ней в Мелитополь.

Но Лена огорчилась и лишь отрицательно покачала головой. Мы про это с ней давно не говорили, я имею в виду про конфликт, который приключился между мной и ее родителями летом.

Из-за этого конфликта они меня сильно не возлюбили.

Они посчитали меня не в себе, тю-тю, чокнутым!

Ведь, когда мы вместе впервые поехали к ее родителям в Мелитополь, у меня случился очередной приступ празднования Нового года.

А ее родители – консервативные люди – сказали, что Новый

год празднуется в конце декабря и немножко в январе, на что я рассмеялся им в лицо и назвал их глупцами.

Итак, Лена собрала вещи и оставила меня одного. Тогда я взял мобильный и позвонил своему другу Мишке, он сообщил, что они все же решили рискнуть и поехать в Египет, что бы там ни происходило. Я сказал, что тоже хочу, но было слишком поздно и путевок в наличии не оказалось.

Тогда я обзвонил своих приятелей и коллег по работе: у всех уже наметились какие-то свои планы, и в планы эти они не хотели меня посвящать.

Они, будто сговорившись, отвечали:

– Извини, дружище, мы в этом году будем праздновать узким семейным кругом.

Они нагло врали и нагло называли меня «дружище».

Ничего не оставалось, и я позвонил своим родителям, которые нехотя праздновали Новый год лишь потому, что так принято и все его праздновали.

Родители ложились спать, обычно не дожидаясь боя курантов.

Я всю жизнь говорил им:

– Да у вас ничего святого нет!

Но к моему величайшему удивлению, родители ответили: «Мы уезжаем к друзьям за город на три дня. Извини!»

В расстроенных чувствах я кинул трубку и поехал принимать экзамен у третьего курса.

Большинство третьекурсников были старше меня, так уж сложились обстоятельства, что свою преподавательскую карьеру в Институте филологии я начал в двадцать один год.

Иногда я очень жалел, что в институте запрещено применять розги. Конечно, третьекурсники пришли на экзамен неподготовленными, посчитав, что раз преподаватель молодой, то он расставит всем «отлично» и отпустит с богом.

Но я проставил одни трояки и под напряженными злыми взглядами студентов прошелся по коридору за кофе.

Потом я зашел на кафедру и спросил заведующую кафедрой (шестидесятипятилетнюю женщину с гоминидными чертами лица), где она собирается праздновать Новый год.

Заведующая кафедрой всю дорогу относилась ко мне с презрением. Она считала меня недоучкой, выскочкой и грубияном.

Я тоже считал ее недоучкой, выскочкой и грубияном, однако она забралась чуть выше по университетской лестнице, и лестницу эту мне из-под нее ужас как хотелось выбить!

Только вот в преддверии Нового года я подобных мыслей не

допускал! Нет и нет!

Вы уж поверьте! Я могу быть злобным, завистливым и подлым человеком, но только не в святой праздник!

Заведующая кафедрой удивленно уставилась на меня, как на прокаженного или больного редкой тропической болезнью.

Она сказала:

– Вы уже заполнили ведомости?

И, не найдясь с ответом, я присел за столик на кафедре и принялся заполнять проклятые ведомости.

Бесполезный труд! Выхолащивает ум и пожирает твое время. Университетская жизнь злила меня и пугала, но пока что я не мог найти более стабильного заработка.

Есть люди, которые играют в азартные игры и меняют девчонок, как носки, есть люди, которые дерутся каждый день и гоняют на дорогих машинах, есть люди, которые насилуют, воруют и убивают. А есть люди – трусливые тихони, исполнительные и аккуратные, так вот я один из них. И ничего не попишешь.

3

Придя домой, я набрался смелости и позвонил в дверь соседке.

Крупной, коротко стриженной женщине с татуировками на плечах.

Она только-только вышла из тюрьмы (попав под амнистию), где сидела за непреднамеренное убийство своего мужа – талантливого обвальщика мяса на базаре Нивки.

Я спросил ее:

– Ольга Васильевна, вы не хотели бы со мной встретить Новый год?

Она осмотрела меня с ног до головы, как-то странно хихикнула и захлопнула дверь.

Потом я долго вертел в руках записную книжку и много кому позвонил, обзвонил даже своих чертовых одноклассников, которых не видел давным-давно. Многие из них меня попросту не узнали, другие сделали вид, что не узнали, а третьи отвечали:

– Ну ты даешь, ну ты даешь!

За окном сыпал крупный снег, соседские мальчишки играли в снежки и взрывали петарды. Во дворе они соорудили нелепого снеговика-мутанта. Я открыл окно, чтоб впустить в комнату крупные хлопья снега, но вместе со снегом в комнату полетели снежки.

Оставался лишь один вариант. Я взял мобильный и осторожно сказал:

– Алло, Леонид?

Липовый Дед Мороз спросил меня севшим голосом:

– Чего тебе?

– Приходи со мною Новый год встречать!

Леонид ответил:

– Я, между прочим, пить бросил, уже как двое суток и три часа капли в рот не брал… думай, что говоришь!

– Ладно, это будет безалкогольный Новый год.

– Нет, Максим, я бросил пить и сошелся с женой, а ночью буду работать в пансионате МВД.

– Они тоже празднуют Новый год?! – удивился я.

– Поверь, это не только твой праздник, наглая ты морда!

И Леонид кинул трубку, по последней реплике я понял, что долго в сухом состоянии он не продержится. Запьет в ближайшие два-три часа. Ох, и запьет, пуще прежнего. И с женой он более недели не продержится, ведь она имела скверную привычку поколачивать его сковородой по спине и вырывать его скудные

волосы с макушки. Что за семейка, ей-богу!

Тепло одевшись, я пошел бродить по улицам и чувствовал себя чужим на празднике жизни. В переулке Черняховского я увидел молодого папашу с сынком лет десяти. Сынок тащил елку по снегу, папаша курил сигарету и рассказывал сынку про устройство карбюратора. Потом я увидел двух пьяных заводских работяг, они тоже тащили елки и беседовали про какого-то мифического сома, пожирающего коров и людей. Затем мне повстречалась старушка, которая стояла возле ларька и ругалась с продавщицей из-за высоких цен на апельсины, мандарины. Даже у этой старушки была елка. Всюду меня преследовали чертовы соседские мальчишки, они кидали в меня снежками и прятались за заборами. Я, конечно, не ругался, ведь когда-то я точно так же поступал с их дедулями и бабками.

Мальчишки, обидевшись, что я не отстреливаюсь, отстали.

В окне маленькой комнаты рядом с «Молочным» сидел грустный сапожник-еврей. На носу его размещались крохотные очки, он рассматривал женскую туфлю и примерял к ней каблук. Даже у еврея в мастерской стояла елка. Да у всех здесь были елки, кроме меня! Поймите, праздновать Новый год одному – это невероятное скотство. Это все равно как заниматься любовью с ножницами, бить по лицу мертвеца, или я не знаю – хотеть стать депутатом!

Зайдя домой, я порылся в поисках старых рваных ботинок и принес их еврею.

Еврей осмотрел их и назвал свою цену. Этот еврей чинил ботинки моему деду, отцу, а теперь и мне чинит.

Однажды отец сказал мне:

– Сейчас тебе двенадцать, если начнешь сам носить ему обувь, то через лет десять сможешь называть сапожника – Иосиф Михайлович.

Я впервые в жизни обратился к еврею:

– Иосиф Михайлович!

Он недовольно поморщился. И мне пришлось объяснять слова отца.

На что еврей ответил:

– Знаете, молодой человек, прошло только девять лет.

Я спросил его, не хотел бы он со мной встретить Новый год, он ничего не ответил, выпроводил меня из мастерской и повесил табличку «Закрыто».

Лена позвонила и сказала:

– Мама заболела гриппом. Все очень плохо. У нее сильный жар.

Я обрадовался и сказал:

– Отлично, наверняка нужна будет моя помощь! Я приеду!

Лена ответила:

– Ни в коем случае, если ты приедешь – ей будет только хуже! Она тебя просто на дух не переносит!

Ой, мало ли кому я не нравлюсь!

Вернувшись домой, я лег на кровать и принялся усердно плевать в потолок. Конечно, можно было бы пойти в гаражи и предложить местным джентльменам Борщаговки и их дамам с Саратовской аллеи встретить Новый год вместе, но последствия такого празднования могли оказаться крайне чреватыми – они бы обворовали меня, забрали бы все, вплоть до цепочки из ванной.

Это в лучшем случае.

В худшем – они бы устроили пьяную драку с поножовщиной или подсыпали бы мне в алкоголь смертельную дозу клофелина.

Внезапно с фотографии, что стояла за стеклом в книжном шкафу, на меня зыркнул мой покойный дядя родом из Приднестровья. Он прожил очень пьяную и очень веселую жизнь. Ходячая энциклопедия анекдотов, завсегдатай шашлычных и картежных домов, знатный любовник, замечательный собутыльник и лучший краснодеревщик в непризнанной республике.

Только вот цирроз неумолим.

Только вот цирроз и слышать не хотел о прекрасной жизни.

Только вот портвейна мой дядюшка пил слишком много.

Веселые и добрые люди намного ближе к смерти, чем подлецы и насильники.

Так уж устроен наш проклятый мир.

Давно я не ездил в Приднестровье. В край вина, мамалыги и козьей брынзы. А именно в Приднестровье я проводил все свои летние школьные каникулы. С дедом, бабкой, теткой и прочей родней.

Потом я поступил в университет и летом был занят практикой, а затем начал преподавательскую карьеру. Да еще и с Леночкой закрутил! Короче, отговорок много у меня, но от пристального взгляда покойного дядюшки прямо холодок по спине пошел.

Ледяные муравьи кусали меня за плечи.

Оживший дядюшка спросил меня:

– Ну, не скотина ты? Мы с тобой все детство нянчились, а ты не приезжаешь и не приезжаешь!

Я ответил дядюшке:

– Да уж, особенно ты нянчился. Водил меня по шашлычным и научил пить вино. Пропадал до утра не пойми где. Приходил пьяный и командовал: «Хочу котлеты из печали и пирожки из

тоски!»

Как-то раз я пошел с дядюшкой устанавливать шкаф в дом одного богатого предпринимателя. Спору нет – мой дядюшка мастер на все руки. Его резная винтажная мебель по сравнению с заводской продукцией – это просто произведение искусства.

Вот только дядюшка любил очень крепко выпить.

Портвейн он любил, понимать надо.

О, злейший из напитков. Он развязывал ему руки, язык и сковывал душу.

Так вот: устанавливали мы шкаф в доме предпринимателя, как тут пришло время обеда. И дядюшка дернул меня за руку. Он сказал:

– Пошли, быстрее! Быстрее!

Я сказал:

– Куда! Одну полку всунуть осталось!

Он сказал:

– Потом, потом! Время обеда!

И он пулей вылетел и помчал в местную шашлычную, где просидел до глубокой ночи с рыбаками.

Где угощал рыбаков портвейном и где являлся лучшим другом рыбаков, пока денежки на портвейн не иссякли.

Со стариками я своими по телефону давно не связывался. Они ненавидели телефонные разговоры, считали, что их прослушивают, а дед – тот и вовсе был глухим и наотрез отказывался от слухового аппарата.

Он обычно кричал в телефонную трубку:

– Алло! Алло! Михайло у аппарата! Алло, говорите громче! Ни черта не слышно! Какого черта молчите?!

А я кричал в трубку:

– Дедушка, как у тебя дела?! Дедушка, с днем рождения, с Новым годом! С двадцать третьим февраля тебя, дорогой!

А он орал еще громче:

– Я знаю, это ты с соседнего подъезда, бестолочь, звонишь, вот поймаю тебя – и рожу набью!

Покойный дядя Толя улыбнулся мне с фотографии и сказал:

– Эх, что ты думаешь, башка твоя пустая, езжай к нам, в Приднестровье! Принеси дядюшке любимому бутылочку портвейна на могилку, а он с неба на тебя посмотрит, молнией ударит и скажет: спасибо, племяша!

Итак, решение мной было принято за минуту.

Я схватил сумку и принялся закидывать в нее теплые вещи. Сунул сапоги, свитера и ноутбук. Затем поехал в торговый центр и купил подарки для стариков. Ехать я решил без звонка, без предупреждения, пусть сюрприз им будет!

4

Итак, я приехал на заснеженный Киевский вокзал. Там, как всегда, скверно пахло, бомжи сновали туда-сюда, милиционеры обшаривали пьяных, а таксисты с наглыми рожами тиранов навязывали свои услуги прохожим. Когда прохожие расходились, таксисты поднимали головы к декабрьскому небу, они вопрошали планеты:

– Юпитер, тебе куда? Марс, алло, совсем дешево! Стой, Луна, ставь сумку в багажник! Венера, ты в своем уме, ехать двадцать километров!

На вокзале в Киеве порядка никогда не было и не будет, потому что это не вокзал вовсе, а прикрытие для портала в параллельный ужасный мир, из которого в нашу реальность прорываются грязные безмозглые чудовища, лишь отдаленно напоминающие людей.

В зале касс работало всего одно окошко, выстояв длинную очередь, я наконец добрался до ветхозаветной старухи и сообщил ей, куда мне ехать. Старуха ответила, что до Тирасполя билетов нет.

Я сказал:

– Вы в своем уме? Новый год на носу.

Тогда старуха порылась в компьютере и предложила мне доехать до границы Приднестровья с Украиной и выйти на станции Раздельная. Согласившись, я схватил билет и помчал к поезду, который должен был отправиться через десять минут. Место мне досталось самое паскудное – плацкарт, последний вагон, боковая полка возле туалета.

Вагон был набит какими-то чумазыми пьяными работягами, расхаживали они босяком и без маек, они считали своим долгом поговорить со всеми пассажирами вагона и подошли ко мне, они спросили:

– Сигареты есть?

О боже, подумал я, какая пошлость, с этого начинают диалоги все вахлаки на планете Земля. Будь они из Бразилии, Австралии или Эстонии.

Позже им выписала нагоняй толстая проводница с золотыми зубами. Вахлаки сказали проводнице:

– Новый год, чего ты, давай с нами!

Проводница сказала:

– Действительно, чего это я!

И начала с ними.

Когда я уснул, меня разбудил небритый усатый мужик. Несло

от него, как от сотни винных погребов. Он ехал на верхней полке и, помимо сумки, вез с собой коробку, полную желтых цыплят. Мужик протянул мне бутылку вина и сказал:

– Вставай.

Я сделал вид, что не проснулся, тогда он затряс меня еще сильнее. И я подумал: какого черта, где моя молодость? Куда уходят дни моей скучной молодости, чего это я боюсь людей и постоянно прячусь за учебниками?! Так и стариком можно в двадцать пять лет стать!

Я слез с полки и подсел за столик к мужику. Он был деревенским, от него пахло коровьим навозом, выжженными беспощадным солнцем полями и тяжелым трудом.

Мужик вытащил из сумки вертуту, достал здоровенный нож и отрезал от вертуты добрый кусок.

Мужик сказал:

– Вертута, жена делала, с творогом.

Я выпил и закусил. Крепкое вино ухнуло в желудок, словно поток лавы.

Я сказал мужику:

– Красивые у вас цыплята.

Мужик достал из коробки одного цыпленка и сказал:

– Дарю!

Я отказался от подарка: куда же я его такого маленького возьму? Это же за ним уход нужен, а я и за собой толком еще ухаживать не научился.

Мы допили бутылку вина, и мужик достал вторую, мы распили с ним третью бутылку вина, и мужик достал четвертую. Он рассказывал мне про тяжелую судьбу каменщика в Киеве, про свою жену, которую бы он лучше оставил в Молдавии, и про своих детей, которые подались в Москву на заработки, но лучше бы они все вместе остались в крохотной деревне Малаешты на юге Приднестровья и вообще никуда не уезжали.

Мужик сказал:

– А теперь мы пожили в большом городе и уже никогда не сможем вернуться в деревню. Большой город – капкан, из которого нам уже не выбраться. Если в село вернуться – сердце волком завоет через неделю!

Потом мы еще пили с мужиком и доели его вертуту, я достал из сумки сладости, купленные мною для стариков, и мы съели все сладости. Мужик казался мне настоящим, честным и справедливым, себе же я представлялся картонным, лживым и слабым. Потому что я занимался интеллектуальным трудом и до сих пор не понимал, чего же хочу на самом деле. А мужик трудился как лошадь, он разбирался в камнях, оградах и прочих

тонкостях возведения зданий, без коих жизнь человека немыслима.

Потом мы каким-то образом оказались в тамбуре и пели вместе с пьяными в дым вахлаками песню на молдавском языке, меня хлопали по плечам и говорили со мною на молдавском, я же отвечал, выуживая из памяти молдавские слова, которые выучил еще в детстве, но давным-давно ими не пользовался.

Затем я помню крепкие толстые руки проводницы. Она сверкала золотыми зубами и какого-то черта выпихивала меня на мороз из уютного теплого вагона.

Она кричала:

– Твоя станция! Остановка две минуты!

Без обуви я стоял по колено в снегу на каком-то богом забытом перроне. Поезд быстренько тронулся. Я достал из сумки сапоги и надел их. В здании вокзала горел неверный свет. Я направился туда кривой крабьей походкой, адская жидкость бултыхалась в моем желудке, в голове шумело, а руки какого-то черта постоянно роняли сумку.

С горем пополам я зашел на станцию. Там под батареей в картонных коробках спал бомж. От бомжа воняло, как от миллиона мусоросжигательных заводов. Возле бомжа лежали три собаки и костыли.

Собаки залаяли на меня, и бомж проснулся.

Он сказал:

– Чайку бы!

Я спросил бомжа:

– Что это за станция?

Он ответил:

– А черт его знает!

Я спросил:

– Ты давно здесь?

Он ответил:

– Лет десять. Как-то раз я ехал на поезде и напился в поезде вина с молдаванами. А потом проводница с золотыми зубами выкинула меня из вагона на мороз… и вот я здесь!

Я сказал бомжу:

– Это очень грустная история.

И выбежал вон из здания вокзала, там стояло единственное такси – старые-престарые «Жигули». За рулем дремал крупный лысый человек без шеи и без бровей. Он был похож на вора, убийцу, растлителя малолетних, маньяка, средневекового палача.

Короче, он походил на кого угодно, но только не на водителя такси.

Я вспомнил грустную историю бомжа и постучал в окно

таксисту. А какой снег сыпал! Таких крупных хлопьев с ладонь я в жизни не видел.

Таксист проснулся и зевнул.

Он спросил:

– Куда ехать?

У таксиста оказался тоненький женский голос, вроде это не он говорил, а его кто озвучивал.

– А где мы? – спросил я.

Таксист ответил:

– Станция Раздельная.

– До границы ехать, до Кучурган, – сказал я.

И мы поехали.

Невероятно, но «Жигули» мужественно преодолевали сугробы, пару раз я выходил и толкал машину, рискуя оказаться в одиночестве на заснеженной трассе без багажа. Но, похоже, таксист был честным человеком.

По дороге к границе мы увидели высокого человека в длинном плаще, он был похож на тень от мертвого дерева.

Человек голосовал.

Таксист спросил меня:

– Возьмем?

И не дождавшись моего ответа, остановился.

Я подумал: ну, все. Они сговорились. Таксист везет мушку от вокзала по трассе, убийца садится сзади, накидывает мне удавку на шею. Они едут в очень страшный-престрашный гараж, где потрошат мою сумку, затем достают мое тело из машины и варят из него холодец к новогоднему столу.

Еще и на котлеты хватит!

5

Но опасения мои оказались напрасными. Благополучно добравшись до будки таможенника, я начал рыться в поисках паспорта. Во внутреннем кармане куртки его не было, паспорта не было и в джинсах, и сумку я перерыл вверх дном, а паспорта нет!

Может, его украл молдаванин? Или я обронил его в тамбуре? Таможенник покачал головой и показал мне в сторону трассы. Таксист уже уехал, где-то вдалеке курила тень от мертвого дерева.

Тень спросила меня:

– Что такое?

Я рассказал ей про паспорт.

Тень спросила:

– Новый год? Тоже мне праздник. Я могу тебе помочь за разумную плату.

Тень повела меня через село: унылые одноэтажные домики, покосившиеся крыши, фонари выключены, где-то воют то ли волки, то ли собаки. Всюду блестят величественные снежные барханы. Тень вела меня в глубь села, затем мы подошли к древнему дубу у бетонной стены.

Тень сказала:

– Видишь черную дыру под забором? Этим путем контрабандисты пользуются. Полезай туда и через двадцать минут будешь в Приднестровье.

Я замешкался.

Тень спросила:

– Что такое?

Я ответил:

– Ну, не знаю, похоже на начало какого-то жуткого фильма ужасов… или на его конец…

Тень спросила:

– Мэй, куда же подевался твой новогодний дух авантюризма? Не ты ли мне пять минут назад про волшебство толковал?

Я отдал тени деньги и полез в черную дыру. А ничего другого мне и не оставалось. Благо вино еще не выветрилось из головы, и я позволил благословенному нектару принимать решение за меня. Включив фонарик на мобильном, я медленно пробирался по земляному туннелю, из стен которого торчали корни и куски арматуры. Под ногами валялись дохлые крысы, битые бутылки и обертки от конфет.

В туннеле пахло человеческими испражнениями, смертью и

машинным маслом.

Внезапно сзади я услышал сатанинский топот ботинок и лай собак.

Мне кричали:

– Стоять! Стой! Стрелять будем! Спускаем собак!

И тогда я побежал.

Бежал я долго, пока не выдохся, и даже не заметил, как выронил по дороге сумку.

Зато я оказался на свежем воздухе и, упав в снег, прислушивался к биению собственного сердца и лаю собак, лай собак становился все тише и тише.

Вот так я – заурядный ассистент кафедры Института филологии – впервые в жизни нарушил стальную букву закона.

Через полчаса утомительной ходьбы по сугробам я выбрался к остановке. Светало. Мороз крепчал и крепчал. На остановке стояли молдавские селяне в ожидании маршрутки. Они смотрели на меня, как на диковинного иностранца. И это неудивительно: ведь они знали всех, кто в это время ездил из деревни в большой город. Они здоровались друг с другом, со мной же никто не здоровался.

Вскоре пришла маршрутка, и я без проблем добрался до, храни его боги, Тирасполя.

Тирасполь – южный провинциальный городок на тысяч сто населения. Здесь я провел свое детство, и здесь я знаю каждый закоулок, каждую трещинку в асфальте.

Во времена Советского Союза Тирасполь являлся очень популярным курортом. Летом гостиницы были забиты, а по городу сновали толпы туристов. Городок славился мягким климатом, радушными горожанами, рекой Днестр, просторными чистыми пляжами и, конечно же, вином.

Вино здесь лилось рекой, какое хотите: белое, красное, сухое, сладкое, фруктовое, домашнее, заводское. Помимо винного производства в Тирасполе находится коньячный завод «Квинт», и у завода этого фирменные магазины по всему городу. Цены просто копеечные, Тирасполь был настоящим алкогольным раем для любителей пьяного отдыха. Из больших шумных городов Советского Союза в Молдавию каждый год тянулись караваны жаждущих паломников.

Однако после приднестровско-молдавского конфликта Республика Приднестровье отделилась от Молдавии и провозгласила собственную независимость. Конечно, так до сих пор республику эту никто и не признал. И впоследствии Украина с Молдавией ввели полную железнодорожную блокаду Приднестровья. Продукты первой необходимости выдавались по

карточкам. Триста граммов хлеба и триста граммов молока на одного человека. Многие жители города разъехались кто куда – кто-то внезапно обнаружил у себя еврейские корни и эмигрировал в Германию и Израиль, кто-то подался на поиски счастья в Италию и Канаду, некоторым удалось сбежать в Штаты, другие пытались пристроиться в соседних государствах. Заводы и фабрики закрыли, затем разворовали и разрушили. Консервный завод им. Ткаченко пал. Он был похож на гигантского осьминога с отсеченной головой. Завод, который пережил Вторую мировую, не продержался и трех лет после развала Советского Союза. Директора мебельного завода застрелили, швейную фабрику подожги, остался только коньячный завод «Квинт», и «Квинт» процветал не только благодаря местным выпивохам, но и благодаря внешнему рынку. Каким-то образом они договорились с Украиной и Молдавией по поводу экспорта спиртного. Там, где крутятся крупные денежки, правды не ищи. Там, где крутятся крупные денежки, приспускают все флаги и тушат свет. Там, где крутятся крупные денежки, воруют и убивают. Бензин, сигареты и алкоголь. Вот три божества, которые покровительствовали Тирасполю в девяностых.

Республика превращалась в черную дыру на карте Европы, и черная дыра засасывала в себя контрабандистов и мафиози разных мастей. Из Европы в Молдавию контрабандой гнали спирт, топливо и сигареты, затем их переправляли в страны бывшего Советского Союза без всяких там пошлин и акцизных марок.

Когда я был маленьким и жил в Тирасполе, то часто слышал о перестрелках, о разборках местных бандитов, которые не поделили между собой зоны влияния. А потом пришла корпорация «Шериф» и всех подмяла под себя. Как они это сделали? Да очень просто. Они убили бандита, который заведовал спиртом, они убили бандита, который промышлял бензином, и они грохнули табачного короля. Прямо средь бела дня, безо всяких там притворств. Просто приезжали к людям и натурально расстреливали из автоматов. А кто выступал против или переходил дорогу – тот отправлялся на дно Днестра кормить рыб с зацементированными ногами.

Однако девяностые прошли. И про конфликт между Приднестровьем и Молдавией в Европе забыли, и корпорация «Шериф» стала вежливой, культурной корпорацией, потому что ее люди пришли к власти, ее воды текли в Днестре, и ее солнце светило над подсолнечными полями.

«Шериф» владел абсолютно всем: заправками, супермаркетами, больницами, банками, СМИ, они даже

футбольный клуб себе придумали и назвали его «Шериф». И стадион они в пригороде Тирасполя громадный отгрохали, да такой современный и великолепный, что многим европейцам и не снилось.

Что примечательно – в республике три официальных языка: русский, украинский и молдавский. В городе можно встретить людей, которые говорят на всех трех этих языках и прекрасно понимают друг друга.

Герб у республики красивый – там восходящего солнца ласковые лучи, бесконечные кукурузные поля и виноградные лозы оплетают руки молодой хтонической молдаванки, чью смуглую кожу хочется целовать до пришествия конца света.

Что сейчас происходило в республике, я плохо понимал, так как давно не интересовался ее судьбой.

6

Зато хмель из моей головы после ночной попойки в поезде выветрился, и я начал понимать кое-что другое: я потерял багаж и нелегально пребывал в чужом государстве без документов.

Куда делись храбрость и самоуверенность? Черт его знает.

Из маршрутки я вышел на улице Правды и пошел в сторону хрущевки, где жили дед с бабкой и тетка.

Чем дальше мы отъезжали от украинской границы – тем становилось теплей. А теперь мне и вовсе захотелось скинуть душный пуховик, было около десяти градусов. И ни одного намека на снег. Грунт сухой, вроде это и не конец декабря, а ранняя осень.

Мои старики жили в угловой квартире хрущевки на первом этаже. Когда же я подошел к дому, то увидел, что вместо окна большой комнаты (где я провел столько времени за чтением книг и играми) была дверь и крыльцо. А над дверью висели синие буквы – «Сантехника». Я поднялся на крыльцо и посмотрел через окно внутрь комнаты – ванны, краны, шланги, разные там сопутствующие товары. Сперва я подумал, что ошибся домом, и прошел чуть дальше, но потом понял – это не ошибка, просто квартиру стариков оборудовали под магазин.

Тревожные мысли терзали мое сердце: а что, если они все умерли и квартиру их продали дальние родственники, не поставив меня в известность. Возможно, они боялись дележки наследства и поэтому не позвонили нам в Киев? Затем я вспомнил бесчисленных сектантов, старьевщиков и аферистов, которые шастали по домам в поисках немощных наивных стариков… Да, именно сектанты. Они так и работали. Заходили в квартиру, дурили голову и уговаривали стариков переписывать на себя имущество, а если старики отказывались, то сектанты пытали их с помощью пылесоса или чего похуже!

Тогда я решил зайти в парадное и постучаться к кому-нибудь из соседей.

В парадном поменяли дверь, на двери был кодовый замок и домофон. Я жал кнопки, но никто не брал трубку. Наконец дверь открылась и на улицу вышла маленькая девочка с санками. Придерживая дверь, я спросил ее:

– А разве есть снег?

– Нет, – ответила девочка.

– Тогда зачем тебе санки?

– Не знаю, – призналась она. – Так веселей.

Зайдя в парадное, я позвонил в дверь нашей старой соседки

тети Шуры, вместо привычной деревянной двери темно-красного цвета теперь стояла железная тяжелая амбразура.

Мне открыл заспанный мужик в семейных трусах. Он зевнул, его небритое лицо выражало недовольство.

– Здравствуйте, – сказал я. – А тетя Шура дома?

Мужик спросил:

– Какая тетя Шура?

– Хозяйка этой квартиры.

– Нет здесь никакой тети Шуры, – сказал он и захлопнул дверь.

Тогда я позвонил в дверь древним, как Ветхий Завет, евреям. Дяде Мише и тете Вале. Дядю Мишу помнил хорошо: он родился до революции, расхаживал по улицам в помятом цилиндре и с тростью, также он носил монокль и представлял собой человека из давно ушедшей эпохи, будто его с помощью машины времени к нам переправили.

Баба Валя же всю жизнь занималась спекуляциями (продавала на дому чехословацкую обувь), за что отсидела десять лет в тюрьме, она мне как-то сказала:

– Я и там немножко имела.

Однако мне открыла совсем молоденькая дама с полотенцем на голове. Она вопросительно уставилась на меня.

– А тетя Валя дома? – спросил я.

– Тетя Валя умерла, – сказала она.

– А дядя Миша?

– И дядя Миша уже с ней.

И дама захлопнула дверь перед моим носом.

Оставался второй этаж, на третьем и четвертом этажах все, кого я знал, умерли еще в моем детстве.

Безо всякой надежды я поднялся на второй этаж и нажал на кнопку. Дверь квартиры вселяла надежду, потому что была старой, как этот дом.

Мне никто не открыл. И я еще раз нажал кнопку. Раздалась зубодробительная трель советского звонка.

Послышались шаги.

За дверью проорали:

– Идите прочь, нам ничего не надо!

– Скажите…

– Пошел вон, тебе говорят. Вор! Сектант! Хочешь, чтоб я милицию вызвала?! Да я сама милиция!

И тут я услышал знакомый сумасшедший хохот. Утробный и ужасный хохот из ночных кошмаров про чудовищ и маньяков. Так умел смеяться только один человек на Земле – моя тетушка.

– Тетя, открой, это я!

– Кто ты, рожа грязная?! – спросила она.

– Твой племянник – Максим, – сказал я.

Она открыла дверь и без лишних слов пустила меня внутрь. В коридоре приятно пахло вареной картошкой, жареным мясом и дедушкиным одеколоном.

Тетя спросила:

– Ты позвонить не мог, сукин сын? Знаешь, сколько сейчас бандитов ходит?!

Я попытался расцеловать тетю в щеки, однако она завертелась и убежала в комнату.

Стянув сапоги, я зашел в комнату, бабушка стояла у окна, положив руки на подоконник, и осматривала улицу.

– С наступающим, бабушка! – крикнул я.

Она обернулась, как-то странно посмотрела на меня и начала плакать. Желая высвободиться из ее крепких объятий, я успокаивал ее:

– Чего плакать? Чего плакать?

Прямо скажем, успокаивать людей у меня плохо получается.

Да и разные там проявления чувств я терпеть не могу.

Всегда не знаю, что делать, деть себя куда. Однако бабушка плакала в три ручья, терла глаза руками и приговаривала:

– Я думала, мы уже не увидимся… ты про меня забыл. Забыл… я уже помирать собралась!

Сколько я себя помню, бабушка постоянно жаловалась, что собирается помирать, вот-вот, еще чуть-чуть! И так из года в год.

На кухне сидел дед. Дед прильнул ухом к радио, которое работало на полную громкость. Бабушка его еле оторвала от радио и сказала, что внук приехал.

Дед мой – высокий военный человек, в свои девяносто он выглядел крепким и бодрым, на щеках его был здоровый румянец, единственная беда – он плохо видел и практически ни черта не слышал.

Рукопожатие его оказалось очень крепким.

Дед ходил по комнате и приговаривал:

– Так-так, так-так.

Тетя выбежала с тарелками и давай накрывать на стол.

Бабушка спросила:

– Ты сам приехал?

– Да, – ответил я.

Лену она недолюбливала, хотя ни разу и не видела. Бабушка считала, что Лена – страшненькая девочка маленького роста, не умеющая одеваться, а что самое страшное – готовить.

Мы уселись за стол, только тетка где-то пряталась. Она ненавидела сидеть за столом с кем-то. Она ходила по комнатам,

разговаривала сама с собой и пела песни.

За неспешным завтраком старики рассказали мне, что поменяли квартиру на первом этаже и переселились на второй. По планировке это была точно такая же квартира, и мебель с коврами они точно так же расставили, и вообще, кроме цвета обоев, жилище мало чем отличалось от прежнего. А переехали они потому, что под полом на первом этаже начали портиться трубы и в любую минуту их нужно было менять. А для того чтоб поменять трубы, необходимо, естественно, срывать пол. Короче, старики оказались очень довольны, что хозяин «Сантехники» предложил им такой выгодный размен.

Я осмотрелся в поисках елки, но, кроме жалкой хвойной ветки, скудно украшенной новогодними шариками, ничего не увидел.

Тогда я решил пойти на базар за елкой.

Старики отговаривали меня:

– Не надо, отдохни с дороги! Расскажи, как там дела в университете!

Тетка говорила:

– Ты – идиот. Что тебе елка даст, через неделю ее выкинешь. А денег сколько потратишь? Лучше бы ты на эти деньги мороженое купил!

У тетки изо рта торчали два кривых желтых зуба. У нее росла большая бородавка под носом, и она была похожа на ведьму из злой сказки, в конце которой детей непременно съедали.

Она все думала, что мне двенадцать лет.

В коридоре она сказала:

– Бросай ты эту бабу, мы тебе в Тирасполе лучше найдем. Зачем она тебе, такая страшненькая?

Почему-то все семейство было настроено против моей Елены, возможно, они ревновали меня к ней? А возможно, они знали того, чего я не знал? Некий секрет?

Я вышел из дома и пошел на Бородинскую. Воспоминания нахлынули на меня, я почувствовал, будто мне снова двенадцать лет и я иду за хлебом, или молоком, или бутылки сдавать. А в руке у меня бидончик, а в кармане у меня продуктовые талоны. Вот хлебный, вот молочный, вот будка приема стеклотары, вот автомат с газировкой и телефонная будка – чудом сохранившиеся реликты Советского Союза. И бюст Пушкина стоит в небольшом сквере за книжным магазином. Здесь совсем ничего не поменялось. Словно город застыл в базальте, а вокруг него безумное время сотворило с людьми и предметами ужасные вещи.

Был ли я прежним?

Сохранил ли я верность городу?

Конечно же, нет. Я изменил этому городу с женщиной.

Ведь давай, Елена, посмотрим правде в глаза: до тебя я был девственником, потому что Тирасполь являлся моей женщиной.

Ласковые кудри ивы над Днестром, шелковичные уста в переулке Федько, пышные виноградные груди целовал я каждый день в вишневые соски, и дикий лес за мостом манил меня.

На бородинском базаре торговля шла полным ходом. Однако елки нигде не продавались. Я походил по базару, поспрашивал торгашей, но они пожимали плечами и говорили, что мне нужно на центральный рынок, здесь же елок не бывает.

А еще в тот день распогодилось.

На безоблачном небе ярко светило солнце, и температура достигла пятнадцати градусов.

Торговцы ходили в свитерах и майках. Несколько мальчишек катались на велосипедах в одних шортах.

В конце базара я увидел бочку с вином. Вино продавала пышных форм женщина в белом фартуке.

Она как чувствовала.

– Молодой человек, мэй, не проходите мимо.

И я не прошел. Я купил пол-литра белого сухаря и по дороге к остановке шел, смакуя виноградное божество и раздумывая над жизнью.

Жизнь в маленьком провинциальном городке казалась мне прекрасной.

Жизнь в чреве шумного душного монстра казалась мне ужасной.

Может, махнуть на университет, забрать Лену и переехать жить в Тирасполь?

Здесь все прекрасно – добрые люди, река, вино, экологически чистые фрукты, овощи, свежий воздух… однако имелась одна проблема: в городе напрочь отсутствовала работа. А если и была – то работа за сущие гроши, за такие копейки, что даже на продукты и квартплату не хватит.

Я шел по Бородинской, пил вино и рассматривал дома. Я представлял, что мы откроем с Леной свой бизнес в Тирасполе и купим квартиру на третьем этаже вон того дома. Милый дом, уютный балкон, а летом мы будем ходить на реку с плетеной корзиной. И в корзине этой будет вот это вот самое белое сухое, фрукты и бутерброды с колбасой и сыром.

Какой бизнес можно открыть в Тирасполе?

Да поставить ларек и торговать шаурмой с фалафелем, например. Нужно придумать что-то такое, чего еще нет в маленьком городе, но в изобилии есть в большом. Ведь все у нас перед глазами, мы просто очень боимся и не хотим быть

счастливыми, потому что иногда в наших сердцах появляются черные дыры, и из дыр этих сквозит межзвездная пустошь.

7

В троллейбусе я сел напротив мужчины, лицо которого мне показалось до боли знакомым. Я всматривался в него, перебирал людей из прошлого, и до меня наконец дошло, кто он такой.

Это был паренек из двора по улице Правды, паренек, который все детство преследовал меня, колотил и вообще вместе со своими дружками проходу не давал. Я был рад увидеть, как он изменился.

Постарел, на вид ему теперь стукнуло лет сорок – седые виски, на макушке лысина, помятый, морщинистый, похожий на крысу. Он стал сутулым, ноги его худые, как спички, в нервном тике стучали по полу троллейбуса.

И тут он взглянул на меня и, кажется, узнал.

Я вспомнил, как он однажды подкараулил меня у «Молочного», избил и отнял деньги. А потом, когда я возвращался домой, они сидели с дружками на дереве, плевались в меня и хохотали.

– Ну, здравствуй, Пашка, – сказал я ему.

– Здравствуй, – ответил он. – Только я не Пашка.

– Пашка с Правды, двадцать три? – спросил я.

– Нет, – ответил мужчина и вышел.

Клянусь, это был он, и вышел он не на своей остановке.

На центральном рынке – продохнуть негде. Селяне и городские носятся по базару в предновогодней лихорадке, я увидел мамашу с сыночком. Они тащили пушистую елку. Мамаша сказала, что елки продаются за мясным отделом.

Как же изменился базар! Здесь возвели новые двухэтажные корпуса для молочных и мясных отделов, в корпусах этих имелись эскалаторы, таких базаров я даже в Киеве не видал.

Купив самую большую и самую пушистую елку за сущие гроши, я взял такси у базара и поехал домой.

Бабка с дедом собрались вокруг елки и причитали:

– У нас и так места нет. Развернуться негде. Неси ее обратно.

А тетя из комнат кричала:

– Лучше бы ты конфет купил, болван!

Но сдержав их натиск, я все же установил елку в углу большой комнаты и спросил, куда подевались елочные игрушки. Дед сказал, что елочные игрушки он отнес в подвал.

Подвал находился под хрущевкой – небольшой зловещий лабиринт с земляным полом и сырыми стенами. Мы спустились в подвал, у деда была самая мощная дверь. Он жаловался на грабителей, говорил, что многих обокрали. Когда он открыл все

замки и засовы, я увидел горы бесполезного ржавого железа, которое дед натаскал за всю жизнь. Дед – настоящий жук, тащил в дом что надо и что не надо. И с хламом своим ни за что не хотел расставаться. Конечно, можно много чего говорить о психологии советского человека, и старческих маразмах, и бесполезно прожитых годах, но на поверку все это окажется пустой праздной болтовней людей, вообще ничего не смыслящих в душе человеческой.

Ведь хлам этот даровал моему деду на старости лет самое главное – душевную гармонию.

Понимать надо.

Вот спит он ночью, просыпается и думает о своих железяках.

Или спускается в подвал, когда ему грустно, и гладит железяки свои, он думает – покуда у меня есть железяки, я и сам железный.

Мы нашли ящик с елочными игрушками и поднялись в квартиру.

Ящик был старательно упакован, перевязан тесемками, синей изолентой, а игрушки от битья предохраняла пожелтевшая вата.

Бабушка раскрыла ящик, и мы принялись наряжать елку.

Невидимая тетя из комнат говорила:

– Дураки, а потом все это снимать и упаковывать! Потом вы елку на мусорку выкинете! Лучше бы ты носки купил, идиот!

Однако по голосу я чувствовал, что тетя была несказанно рада старинным елочным игрушкам.

Вскоре она и сама вышла наряжать елку.

Она любовно гладила каждую игрушку и рассказывала ее историю.

– Игрушку в форме часов мне дед подарил, когда я только в садик пошла. А этот Дед Мороз вообще не пойми откуда взялся, еще до моего рождения! У него нос синий, как у алкаша… Максимка, болванчик, смотри, какие красивые птички! Эти шары я купила, когда тебя еще и в планах не было, сопляк! Вот, сюда вешай, куда ты вешаешь, сразу видно – левша! Левши все какие-то безрукие, мама, помоги ему, несчастному криворукому!

Мы с бабушкой переглядывались и посмеивались над тетей.

После войны в Приднестровье тетя стала немножко того. Не в себе. Она думала, что за ней следит разведка, думала, что она военная, думала, что она президент и директор склада, она верила, что придет грузин и снова вернет Советский Союз. Она думала, что снова станет молодой и пойдет на курсы английского языка, а потом уедет в Лондон и сфотографируется подле Биг-Бена. Такова была ее мечта, черт возьми.

Когда же мы нарядили елку, то отошли от нее, а тетя

включила в розетку гирлянды, и гирлянды в форме свечек перемигивались желтым и красным.

Елка выглядела прекрасно.

Бабушка улыбалась.

Дедушка тоже улыбался и приговаривал:

– Глупости это все!

Тетя старательно прятала улыбку, но не выдержала и засмеялась своим безумным хохотом.

Тетя сказала:

– Только не долго, а то пожару еще наделаете!

8

Когда старики улеглись отдыхать, а тетя пошла в город срывать объявления (она верила, что в объявлениях написана некая секретная информация, крайне вредная для жителей республики), я заперся с телефоном на кухне и позвонил отцу.

Я рассказал ему, в какой беде оказался.

Он, как серьезный деловой человек, опустив злость и раздражение, лишь сказал:

– Может, ты забыл паспорт дома.

– У тебя есть дубликат ключей, – напомнил я.

– Знаю, – ответил он. – Мы уже приехали за город на дачу. Я скажу, что возникли срочные дела по работе, и съезжу посмотрю.

– Спасибо, отец. С Новым годом, – сказал я.

Потом я решил навестить свою крестную и ее мужа Виктора Марковича. Детей у них нет, поэтому Виктор Маркович крепко брался за мое воспитание, когда я приезжал в Тирасполь. Говорил он обычно строчками из стихов и крылатыми фразами. Более же всего он обожал задавать несколько вопросов, которые меня постоянно вводили в ступор.

Он спрашивал:

– Ну, что ты себе думаешь?

Или рассказывал про какого-то выдающегося политика и известного человека, рассказывал про достижения некоего предпринимателя и спрашивал:

– А что ты?

А затем еще говорил:

– Ну, докладывай обстановку!

И я никогда не знал, что ответить. Вопросы были очень серьезными, я не мог и самому себе на них ответить. Да что там: даже сейчас я не придумал, как на эти проклятые вопросы отвечать.

Также Виктор Маркович научил меня крепкому рукопожатию. Однажды я пришел к нему в гости, и он протянул мне руку, потому что считал, что в десять лет пора бы уже становиться мужчиной.

И я пожал его руку с удовольствием.

У него прямо глаза на лоб вылезли.

– Фу, – сказал он. – Будто я сухие водоросли пожал. А жизнь прожить – не поле перейти! Кто тебя так научил руку пожимать? Запомни, человеку со слабым рукопожатием никто не доверяет, и всерьез его не воспринимают. Запомни, у мужчины должно быть крепкое мужское рукопожатие.

И я снова пожал его большую ладонь.

В детстве я был вредным ребенком, притворялся бунтарем, читал Ницше на пустынных пляжах осенью, слушал музыку, о которой никто не слышал, избегал девчонок и занимался прочими богонеугодными делами.

Сейчас же я очень благодарен Виктору Марковичу за то, что он научил меня водить машину, завязывать галстук, пожимать руку… и самое главное, благодаря ему я стал чуточку рассудительней, терпеливее и добрее.

Крестная жила в центре города в девятиэтажном доме на берегу Днестра. Мой прадедушка работал бакенщиком и жил в частном доме возле самого берега. Когда снесли частный сектор, чтобы на его месте возвести парк и набережную, власти раздали рыбакам и работникам рыбного завода квартиры в новеньком девятиэтажном доме.

Я брел по пустынной набережной, дул теплый ветер, на пристани стоял огромный прогнивший, изъеденный ржавчиной пароход «Вольф», который уже никуда никогда не поплывет. По набережной бегали кошки и собаки, ни одного человека – люди покидали город и уезжали на поиски лучшей жизни в государства, нарисованные на политической карте мира. Приднестровье же не значилось ни на одной карте. Вот так живут люди на земле, словно привидения в призрачной стране.

На главной площади стояла высокая пушистая елка, мужчины в оранжевых жилетах спешно собирали деревянную сцену, торговцы устанавливали палатки, там будут продавать пряный портвейн, мамалыгу, жареное мясо, брынзу, консервированные гогошары и домашнюю кровяную колбасу.

Скоро начнутся пляска и веселье, я надеялся попасть на новогоднюю ярмарку ближе к часу ночи.

Крестная вовсе не удивилась моему внезапному приезду, я услышал громкие веселые голоса и заглянул в зал. Стол был уже накрыт. За столом сидели моя тетя, которая вышла замуж за француза и переехала жить во Францию.

Она родилась в Тирасполе и всю жизнь мечтала уехать в Европу, и при Советском Союзе мечтала, и до начала вооруженного конфликта. Она шила ночные рубашки и продавала их на центральном рынке деревенщинам, я помню, как приходил на базар и видел, как тетя развешивает рубашки на железных воротах. Если у тети было хорошее настроение, то она шила рубашки, в которых люди видели только радостные сны, если у тети было скверное настроение, то людям в ее рубашках снились кошмары.

Она предприняла несколько неудачных попыток: мыла в

Италии посуду, работала в турецких гостиницах, пыталась завести себе любовника-иностранца, но постоянно что-то не клеилось, и она возвращалась. Грустная и уставшая.

Потом она заполнила анкету в бюро с пестрым названием «Орхидея любви», и на анкету ее откликнулся престарелый француз старше ее на двадцать лет.

Он служил на французском флоте, у него имелась квартира в двух километрах от Эйфелевой башни и виноградники недалеко от Парижа. Короче, тетя стала счастливой во всех отношениях женщиной.

Она немного поработала няней в Париже, затем устроилась в цветочный магазин. И, наконец, после долгих бюрократических проволочек ей выдали французский паспорт.

Я был искренне рад за тетю и всегда с интересом слушал сплетни про ее приключения в Париже.

Рядом с тетей сидел француз. А напротив них сидела Света.

Раньше моя крестная держала в Тирасполе самый популярный свадебный салон. Свадебные платья она привозила с Украины и в Тирасполе сдавала их либо же продавала. Бизнес шел бойко, и уже через два года работы салон «Юнона» переехал на первый этаж гостиницы «Аист». Кроме свадебных платьев, крестная занялась свадебными аксессуарами и организацией.

Так вот, Света работала в ее салоне продавцом-консультантом. Когда она только пришла к тете, ей исполнилось что-то около двадцати лет.

9

Я хорошо запомнил первую встречу со Светой. Тогда выдалось самое жаркое лето в истории города, я пришел в гостиницу навестить крестную. В салоне за швейной машинкой сидела Света, она встала и чмокнула меня в щеку.

Поцелуй мне тогда показался каким-то особенным, очень страстным. Поймите, я был четырнадцатилетним толстым прыщавым подростком, читающим Ницше. С девчонками у меня ничего не получалось. А у Светы были длинные волосы цвета крови сатаны, длинные стройные ноги и большие груди, которые грозились вот-вот выпрыгнуть из тесной майки.

Света мне сказала:

– Ой, а тетя Женя (так звали мою крестную) говорила, что ты еще совсем маленький. А ты вон уже какой взрослый.

Я очень смутился и сел в кресло, ожидая крестную.

Я наблюдал за Светой, за тем, как колышутся ее груди, когда она доставала из коробки ткани, за быстрым движением рук ее и прекрасным телом.

Я влюбился с первого же взгляда, и каждую проклятую душную ночь мечтал о Свете, лежал без сна в кровати, обливаясь потом, и представлял, как мы с ней гуляем по городу, а затем она приглашает меня к себе домой, мы садимся на кровать, она целует меня в губы, и рука ее с моего плеча спускается все ниже и ниже.

Однажды на тетином дне рождения Света пригласила меня на медленный танец и прильнула ко мне грудями. О, всемогущие боги, что это было за чудо – ощущать ее огромные упругие груди и обнимать за талию.

В справочнике я нашел Светин телефон и ежедневно звонил ей по вечерам.

Я вслушивался в ее голос, он казался мне до невозможности прекрасным. Я хотел пригласить ее на прогулку, я хотел спросить ее, любит ли она меня, я хотел быть с ней до следующего пришествия, и плевать на разницу в возрасте.

Конечно, я все время покашливал, отмалчивался, и она вешала трубку.

Борясь со смущением, я взял за привычку захаживать в свадебный салон по три раза на день. Света могла болтать без умолку обо всем на свете. А потом просила меня рассказать что-нибудь.

Я хотел казаться мужественней и старше, поэтому-то рассказывал ей про книги Ницше, про его болезнь и нелегкие

взаимоотношения с сестрой.

Я знал, что Света была далека от книг и они ей не нравились. Однако она внимательно слушала, и разглядывала меня, и говорила:

– Ты такой умный, какой же ты умный…

Стоит заметить, что Света пользовалась большой популярностью у местных парней. В салон к ней захаживали самые разные мужчины – от простых пареньков-бедняков до уже состоявшихся бизнесменов. Она выходила с ними на перекур, они много смеялись и о чем-то беседовали.

А я сидел в холле гостиницы и с ненавистью наблюдал за чертовыми мужиками, мне хотелось принести кухонный нож и перерезать их всех до одного.

Мне хотелось выбежать на улицу и проорать:

– Она моя!

Но я сидел в холле и играл с портье в шахматы, проигрывал одну фигуру за другой, потому что шахматы перестали меня интересовать, и Ницше меня интересовать перестал.

Светины отношения с мужчинами дальше пустых разговоров не заходили.

Света мне как-то пожаловалась:

– У меня с парнями не получается.

Я спросил:

– А почему?

Она ответила:

– Они все какие-то старые. Мне нравятся молоденькие… такие, как ты, например.

Помню, я выбежал из салона и бежал до самого дома по улице Правды.

Я заперся в спальне и неделю смаковал ее слова. Потом звонил ей на домашний номер и слушал ее прекрасный голос.

Как-то раз я зашел в салон якобы навестить тетю. Света очень обрадовалась и начала рассказывать про то, как тяжело в частном доме без мужика жить. Краны текут, крыша старая – чинить некому. Да и дело тут совсем не в кранах и не в крыше, добавила она.

А потом ушла в подсобку, где стоял холодильник, стол, стулья и хранились ткани в больших коробках.

Из подсобки она сказала:

– Помоги мне, пожалуйста.

Тетя в то время уехала на Украину в командировку.

Я зашел в подсобку, и Света закрыла за мной дверь. Она начала гладить меня по голове, поцеловала в щеку и сказала:

– Ты такой красивый сегодня.

Я жутко испугался, меня начало трясти.

– Что помочь? – спросил я дрожащим голосом.

Она гладила мои плечи.

– Да так, ничего особенного, – сказала она и опустилась на колени.

Я выбежал из подсобки, был конец августа, на следующий день я уехал в Киев. А когда вернулся в Тирасполь на зимние каникулы, то узнал, что Света уволилась из салона и уехала на заработки в Москву, где ухаживала за неполноценным ребенком каких-то богатеев и получала хорошие деньги.

Стоит ли говорить, что я проклинал себя всю жизнь за то, что выбежал тогда из подсобки?

Долгими холодными ночами я лежал в кровати и представлял, что бы случилось, если бы я не удрал тогда, не испугался? Каков дурак! Я буквально рвал на себе волосы, молотил кулаками по воздуху и лез на стены.

Груди ее воображал, понимаете?

Я думал, что через год это пройдет, я познакомлюсь с какой-нибудь девчонкой и перестану сожалеть о той упущенной возможности. Однако это не проходило и жить мне спокойно не давало. Часто, когда мы занимались любовью с Леной, я закрывал глаза и представлял Свету.

Да что там говорить, Свету я любил всю жизнь.

10

И вот она сидела за столом. Ничуть не изменилась, не постарела, такая же прекрасная, как и много лет назад.

Я поцеловал ее в щеку, поприветствовал Виктора Марковича крепким рукопожатием и уселся за стол. Мне мигом налили добрый стакан вина, и я осушил его добрым глотком. Затем пошли обычные застольные разговоры, о настоящем, прошлом и будущем. Все пребывали в отличном настроении, а престарелый француз включил музыку и, опираясь на трость, принялся вытанцовывать.

Чуть позже приехали на такси бабушка с дедом. Я поговорил с тетей, и она рассказала, что приехала в Приднестровье, дабы уладить дела с документами и квартирой, которая ей досталась от матери. Я говорил со всеми, кроме Светы. Рядом с ней я превратился в застенчивого пугливого паренька. Виктор Маркович постоянно спрашивал:

– И что ты себе думаешь? Что ты себе думаешь?

Я пожимал плечами и улыбался.

Скажу правду, Леночка, ты совсем вылетела у меня из головы, а если бы я про тебя вспомнил в тот новогодний вечер, то был бы вынужден признаться себе, что совсем тебя не люблю.

Я снова полюбил Свету, боковым зрением я следил за ней: как она ест, как пьет, как раскраснелись ее щечки.

Мой дед, хорошо дав вина, тоже принялся выплясывать рядом с французом.

Француз танцевал прекрасно, даже на своих немощных ногах. Периодически он отхлебывал коньяк из рюмки и что-то кричал на французском.

А тетя смеялась и говорила:

– Жан-Филипп сегодня как молодой! Ох, Жан-Филипп!

Из Киева позвонил отец, он сказал:

– Был у тебя дома. Паспорт лежит на столе. Дурья ты башка. Сейчас буду думать, как тебе его выслать. А даже если вышлю, то пограничники поймут, что ты пересек границу незаконно… и что делать?

Связь оборвалась.

Виктор Маркович предложил мне попробовать самогон с ореховой настойкой собственного производства. Естественно, я, как благодарный гость, не мог отказаться и выпил, пожалуй, слишком много.

Это я понял, когда обнаружил себя танцующим вокруг елки.

Я спросил сидящих за столом:

– Через сколько там Новый год начинается?

Мне ответили:

– Так Новый год уже как час идет!

Я взглянул на мобильный, время показывало час ночи. Ужас какой.

Каждый раз, как Света смотрела в мою сторону или пыталась со мною заговорить, я отворачивался и беседовал с крестной и Виктором Марковичем.

Выйдя на балкон, я закурил. С балкона была видна главная площадь. Площадь наводнили люди, громко играла музыка, на деревянной сцене ведущий кричал нечто нечленораздельное. И в толпе я увидел свою тетку, которая еще днем ушла срывать объявления. Она помахала мне рукой и пропала.

На балкон пришла Света, она попросила у меня сигарету. Я дал ей сигарету и хотел было подкурить, но вместо этого поцеловал ее в губы. Она ответила на мой поцелуй и прильнула ко мне грудью. Как и много лет назад, ее груди были упругими, желанными. Наши горячие языки переплелись.

После долгого поцелуя я спросил ее:

– У тебя кто-нибудь есть?

Она ответила:

– Да так, ничего серьезного. Год замужем провела. Не понравилось. Мы разбежались. Может, со мной что-то не так?

Я снова поцеловал ее.

Она спросила:

– А у тебя на личном фронте как дела?

– У меня никого нет, – соврал я.

– Почему? – спросила она.

– Потому что я всю жизнь только тебя любил.

– Это правда? – спросила она.

И вместо ответа я опять ее поцеловал.

Гости расходились, Виктор Маркович улегся спать, а тетя мыла посуду на кухне и поздравляла кого-то по телефону.

Света взяла меня за руку и повела в ванную.

Мы закрылись в ванной и долго смотрели друг на друга безо всяких там чертовых слов.

– Можно на них взглянуть? – спросил я Свету.

Она стянула свитер, сняла лифчик и показала мне самые прекрасные груди на земле.

В этот момент на мобильный позвонила Лена.

Она сказала:

– С Новым годом, любимый!

Я ответил:

– К черту Новый год. Вся жизнь моя – обман. Я тебя больше

не люблю и никогда не любил.

Ирина Муравьева
Напряжение счастья

Зима была снежная, вся в синем блеске, и пахла пронзительно хвоей. У елочных базаров стояли длинные очереди, и праздничность чувствовалась даже внутри того холода, которым дышали румяные люди. Они растирали ладонями щеки, стучали ногами. Младенцы в глубоких, тяжелых колясках сопели так сладко, что даже от мысли, что этим младенцам тепло на морозе, замерзшим родителям было отрадно.

Я была очень молода, очень доверчива и училась на первом курсе. Уже наступили каникулы, и восторг, переполнявший меня каждое божие утро, когда я раскрывала глаза и видела в ослепшей от света форточке кусок несказанно далекого неба, запомнился мне потому, что больше ни разу – за всю мою жизнь – он не повторился. Минуты текли, как по соснам смола, но *времени* не было, *время* стояло, а вот когда время *бежит* – тогда грустно.

Ничто не тревожило, все веселило. Новогоднее платье было куплено на Неглинке, в большой, очень темной уборной, куда нужно было спуститься по скользкой ото льда лесенке, и там, в полутьме, где обычно дремала, согнувшись на стуле, лохматая ведьма, а рядом, в ведре, кисли ржавые тряпки, – о, там жизнь кипела! Простому человеку было не понять, отчего, с диким шумом Ниагарского водопада покинув кабинку, где пахло прокисшей клубникой и хлоркой, распаренные женщины не торопятся обратно к свету, а бродят во тьме, словно души умерших, и красят свои вороватые губы, и курят, и медлят, а ведьма со щеткой, проснувшись, шипит, как змея, но не гонит… Прижавшись бедром к незастегнутым сумкам, они стерегли свою новую жертву, читали сердца без очков и биноклей.

Мое сердце прочитывалось легко, как строчка из букваря: «Мама мыла раму». Ко мне подходили немедленно, сразу. И так, как оса застывает в варенье, – так я застывала от сладких их взглядов. Никто никогда не грубил, не ругался. Никто не кричал так, как в универмаге: «Вы здесь не стояли! Руками не трогать!»

Ах нет, все иначе.

– Сапожками интересуетесь, дама?

Я («дама»!) хотела бы платье. Ведь завтра тридцатое, а послезавтра…

– Да, есть одно платьице… Но я не знаю… Жених подарил… – И – слеза на реснице. Сверкает, как елочный шар, даже ярче. –

Жених моряком был, служил на подводке… А платьице с другом своим передал… Ох, не знаю!

– А где же он сам?

– Где? Погиб он! Задание выполнил, сам не вернулся…

Не платье, а повесть, точнее, поэма. «Прости!» – со дна моря, «Прощай!» – со дна моря… Мне сразу становится стыдно и страшно.

– Ну, ладно! Была не была! Девчонка, смотрю, молодая, душевная. Пускай хоть она за меня погуляет! А парень-то есть?

– Парень? Нет.

– Ну, нет – так будет. От них, от мерзавцев, чем дальше, тем лучше! Пойдем-ка в кабинку, сама все увидишь.

Влезаем в кабинку, слипаясь щеками.

– Садись и гляди.

Сажусь. Достает из пакета. О чудо! Размер только маленький, но обойдется: уж как-нибудь влезу. (Погибший моряк, видно, спутал невесту с какой-нибудь хрупкой, прозрачной русалкой!)

– Ну, нравится?

– Очень. А можно примерить?

– Ты что, охренела? Какое «примерить»? Вчера вон облава была, не слыхала?

Мертвею.

– Облава?

– А то! Мент спустился: «А ну, все наружу! А ну, документы! „Березку“ тут мне развели, понимаешь!» Достал одну дамочку аж с унитаза! Сидела, белье на себя примеряла. Ворвался, мерзавец! Ни дна ни покрышки!

Начинаю лихорадочно пересчитывать смятые бумажки. Бабуля дала шестьдесят. Плюс стипендия. Вчера я к тому же купила колготки.

– Простите, пожалуйста… Вот девяносто…

– Ведь как угадала! Копейка в копейку! Просила одна: «Уступи за сто сорок!» А я говорю: «Это не для продажи!» А ты – молодая, пугливая… В общем, не всякий польстится… И парня вон нет…

Сую все, что есть, получаю пакет.

– Ты спрячь его, спрячь! Вот так, в сумочку. Глубже! Постой, дай я первая выйду. А ты посиди тут. Спусти потом воду.

Минут через пять поднимаюсь наверх. О господи: свет! Это – вечное чудо.

Тридцать первого у меня гости. Заморское платье скрипит

при ходьбе. Налезло с трудом, но налезло. (Не знаю, как вылезу, время покажет!) Готовлю по книжке салат «Оливье», читаю: «Нарежьте два крупных яблока». Бегу в овощной на углу.

Продавщица сизыми, как сливы, толстыми пальцами ныряет в бочку с огурцами.

– А что же кривые-то, дочка?

– Прямые все съели!

– Да ты не сердись! Дашь попробовать, дочка? А то я вчера рано утром взяла, куснула один, так горчит, окаянный!

– «Горчит» ей! На то огурец, чтоб горчить! Не нравится, так не берите! «Горчит» ей!

– Да как «не берите»? Сватов пригласили!

– Пакет у вас есть? Он дырявый небось?

– Зачем же дырявый? Он новый, пакетик…

– Рассолу налить?

– Ой, спасибочки, дочка!

На яблоках – темные ямки гнильцы. Мороз наполняет мой бег звонким скрипом.

Дома напряжение счастья достигает такой силы, что я подхожу к окну, отдергиваю штору и прижимаюсь к стеклу. Все небо дрожит мелкой бисерной дрожью. Одиннадцать. Первый звонок. Три сугроба в дверях: подруга Тамара («Тамар» по-грузински!), любовник Тамары Зураб Бокучава, а третий – чужой, и глаза как маслины, залитые скользким оливковым маслом.

– Зна-а-комтэс, Ирина. Вот это – Георгий. В Тбилыси живет.

– Ах, в Тбилиси! Тепло там, в Тбилиси?

– В Тбилыси вчера тоже снэг был, но теплый!

У Томки с Зурабом – совет да любовь. Аборт за абортом. Зураб презирает метро, ездит только в такси. Пришлют ему денег, так он, не считая, сейчас же на рынок. Накупит корзину чурчхелы, кинзы, телятины, творогу, меду, соленьев. Неделю едят, разрумянившись. Вволю. Гостей приглашают. Те тоже едят. Хозяин квартиры – второй год в Зимбабве, хозяйские книжные полки редеют: Ги де Мопассана, Майн Рида, Гюго снесли в магазин «Букинист» и проели. Зимбабве воюет, не до Мопассана.

Промерзшие свертки – на стол.

– Ах, коньяк? Спасибо! А это? Хурма? Мандарины! Вы что, только с рынка?

– Зачэм нам на рынок? Вот, Гия привез.

– Садитесь скорее, а то опоздаем! Пропустим, не дай бог!

Бокалы-то где?

Летаю, как ветер, не чувствую тела.

Звонит телефон. Беру трубку. Акцент. Но мягкий, чуть слышный.

– Ирина?

– Да, я.

– Я к ва-ам сейчас в гости иду. Где ваш корпус?

Зураб привстает:

– Это друг, Валэнтин. Хадили с ним в школу в Тбылиси. Нэ против?

– Ах нет!

– Пайду тагда встрэчу. Мы с Гией пайдем.

– Зачэм я пайду? А Ирине па-амочь?

– Ах, не беспокойтесь!

– А што там на кухнэ гарит? Што за дым?

– Какой еще дым?

– Нэ знаю, какой, но я нюхаю: дым. Хачу посмотрэть. Пайдем вмэстэ, па-асмотрим.

На кухне целует в плечо.

– Да вы что?

Вздыхает всей грудью, со стоном:

– А-а-ай!

Грудь (видно под белой рубашкой!) черна и вся меховая, до самого горла.

– Я как вас увыдэл, так сразу влюбился!

Минут через десять Зураб приводит в дом остекленевшего от мороза, с нежнейшей бородкою ангела. На ангеле – белые тапочки, шарф, пиджак, свитерок. Все засыпано снегом.

– А где же пальто?

– Я привык, мне тепло!

Зураб обнимает стеклянного друга:

– Какое тэпло? Ты савсэм идиёт! Тэбэ нада водки, а то ты па-а-дохнешь!

– Садитесь, садитесь!

Часы бьют двенадцать. Успели! Ура!

…Сейчас закрываю глаза и смотрю. Вот елка, вот люди. Гирлянды, огни. И все молодые, и мне восемнадцать. А снег за окном все плывет, как река, как пена молочная: с неба на землю.

Помню, что разговор с самого начала был очень горячим, потому что в комнате соединились трое молодых мужчин и две

женщины, которых накрыло волненьем, как морем. Помню, что Гия громко, через весь стол, спрашивал у Зураба, сверкая на меня глазами:

– Ты можэшь так здэлать, шьтобы ана уезжала са-а мной в Тбилиси? Ты друг или кто ты?

Зураб отвечал по-грузински, закусывая полную, капризную нижнюю губу, привыкшую с детства к липучей чурчхеле. Потом очень сильно тошнило Тамар, и ей наливали горячего чаю. Потом танцевали, дышали смолой бенгальских огней вперемешку с еловой.

А утром согревшийся ангел раскрыл рюкзачок и вытащил груды страниц и тетрадей. Синявский, Буковский, «Воронежский цикл», «Стихи из романа Живаго», Флоренский…

– Я выйду на площадь! И самосожгусь! – сказал грустный ангел. Мы все присмирели. – Для честных людей есть один только выход.

Я в ужасе представила себе, как он, в простых белых тапках, с куском «Оливье», застрявшим в его золотистой бородке, худой, одинокий, из нашего теплого дома пойдет сквозь снег и мороз прямо к Лобному месту, а там… Мы будем здесь есть мандарины, а он сверкнет, как бенгальский огонь, и погибнет.

Никто с ним не спорил, но стали кричать, что лучше уехать, что это умнее.

– Куда ты уэдеш? На чом ты уэдэш? – спрашивал Зураб, прихватив Гию за грудки.

А Гия, расстегнувший ворот нейлоновой рубашки, выкативший красные глаза и кашляющий от собственной шерсти, забившей широкое горло, кричал:

– Алэнэй любыл? Алэнатыну кушал?

– Зачэм мнэ алэни?

– Затем, – вдруг спокойно сказала Тамара, – что можно уйти вместе с северным стадом. Вода замерзает, оленеводы перегоняют стада в Америку. Или в Канаду. Я точно не знаю. Но многие так уходили. Под брюхом оленя. И их не поймали.

Я увидела над собой черное небо, увидела стадо голодных оленей с гордыми величавыми головами и покорными, как у всех голодных животных, влажными глазами в заиндевевших ресницах, увидела равнодушного эскимоса в его многослойных сверкающих шкурах (из тех же оленей, но только убитых),

почуяла дикий неистовый холод, сковавший всю жизнь и внутри, и снаружи. И там – под оленьим, скрипящим от снега, худым животом – я увидела ангела. Вернее сказать: новогоднего гостя, но с мертвыми и восковыми ушами…

Тогда, в первые минуты этого робкого раннего утра, я не знала и догадаться не могла, что через несколько лет полного, избалованного Зураба посадят в тюрьму за скупку вынесенного со склада дерматина, которым он обивал двери соседских квартир (чтоб в доме всегда были фрукты, чурчхела, телятина с рынка!), Тамара, родившая девочку Эку с глазами Зураба и носом Зураба, сейчас же оформит развод и уедет, а Гия, вернувшись в свой теплый Тбилиси, исчезнет совсем, навсегда, *безвозвратно*, как могут исчезнуть одни только люди…

В восемь часов мои гости ушли, а весь самиздат почему-то остался. И отец, вернувшись с празднования Нового года, увидел все эти листочки: Синявский, Буковский, стихи из романа…

– Кто здесь был? – тихо спросил он, белея всем лицом и пугая меня этой бледностью гораздо больше, чем если бы он закричал. – Что тут было?

Я забормотала, что люди – хорошие, очень хорошие…

– Что ты собираешься делать с *этим*? – И он побелел еще больше.

– Не знаю…

Я правда не знала.

– Ты *этого* – слышишь? – не видела! *Этого* не было.

– Но мне это дали на время, мне нужно вернуть…

– Ты *этого* видеть не видела, я повторяю!

И бабуля, только что приехавшая от подруги, с которой до двух часов ночи смотрела по телевизору новогодний «Огонек» и очень смеялась на шутки Аркадия Райкина, стояла в дверях и беззвучно шептала:

– Не смей спорить с папой!

Тогда я, рыдая, ушла в свою комнату, легла на кровать и заснула. Проснувшись, увидела солнце, сосульки, детей в пестрых шубках, ворон, горьких пьяниц, бредущих к ларьку с независимым видом… Увидела всю эту дорогую моему сердцу московскую зимнюю жизнь, частью которой была сама, обрадовалась ее ослепительной белизне, своим – еще долгим – веселым каникулам, своей все тогда освещающей юности…

А в самом конце той же самой зимы в Большом зале

консерватории состоялся концерт Давида Ойстраха и Святослава Рихтера. Два гения вместе и одновременно. Не знаю, каким же я все-таки чудом достала билеты. А может быть, меня пригласил тот молодой человек, лица которого я почти не помню, но помню, что он был в костюме и галстуке. Концерта я тоже не помню, поскольку мне было и не до концертов, а только до личной и собственной жизни, которая настолько переполняла и радовала меня, что, даже случись тогда Ойстраху с Рихтером вдруг слабым дуэтом запеть под гармошку, я не удивилась бы этому тоже. Но в антракте, когда цепко осмотревшая друг друга московская публика выплыла в фойе, усыпала бархатные красные диванчики и зашмыгала заложенными зимними носами, я вдруг увидела, как по лестнице стрелой промчался тот самый Валентин Никитин, который не ушел, стало быть, под брюхом оленя, не сжег себя рядом с кремлевской стеною, но – весь молодой и горячий, в своих потемневших и стоптанных тапочках, в своем пиджачке, в своем узеньком шарфе – промчался, влетел прямо в двери партера, а дальше была суета, чьи-то визги…

Во втором отделении нарядные ряды партера начали испытывать сдержанное волнение, оглядываться друг на друга, поправлять прически, покашливать, как будто бы где-то над их головами летают особенно жадные пчелы. Мой молодой человек, с его незапомнившимся лицом, но в чистом костюме и галстуке, сидел очень прямо, ловил звуки скрипки и, кажется, тоже чего-то боялся.

Объяснилось довольно просто: на этом концерте был сам Солженицын с женою и тещей. И многие знали об этом событии. В антракте же вышел нелепейший казус: студент из Тбилиси, без верхней одежды, ворвался, как вихрь, и, всех опрокинув, упал на колени, зажал Солженицыну снизу все ноги и стал целовать ему правую руку. Великий писатель стоял неподвижно, руки не отдернул и сам был в волненьи. Пока не сбежались туда контролерши, пока не позвали двух-трех участковых и не сообщили куда-то повыше, никто и не знал, что положено делать. Конечно же, в зале был кто-то из «ихних»: какой-нибудь, скажем, француз или турок, какой-нибудь из Би-би-си и «Свободы», и все сразу выплыло из-под контроля, наполнило шумом все станции мира, наполнило все провода диким свистом, и тут уж, хоть бей о кремлевскую стену крутым своим лбом, – ничего не исправишь!

Потом рассказали мне, что Никитина вывели под руки двое милиционеров и он хохотал, издевался над ними, а милиционеры, мальчишки безусые из Подмосковья, не позволили себе ни одного слова, пока волоком тащили его к машине, и он загребал двумя тапками снег (и было почти как под брюхом

оленя!), но, уже открыв дверцу и заталкивая хулигана в кабинку, один из милиционеров, не выдержав, врезал ему прямо в ухо, и сильно шла кровь, и он так и уехал, вернее сказать: увезли по морозцу.

2010

Валерий Бочков
Новый год с музой

Только мы накрыли в номере столик, чтобы встретить Новый год, заверещал ее ноутбук.

– Петя по скайпу! – закричала она – В ванную, быстро!

И запихнула меня туда.

– Блокнот хоть с ручкой дай! На тумбочке лежат! – прохрипел я. Кинула! Ну, не ожидал! Еще и защелкнула снаружи меня. Странно – зачем на ванных задвижки снаружи ставят? Но нет времени думать об этом. Глянул на циферблат – две минуты до боя курантов! Успел наполнить из крана стакан, зубные щетки предварительно вынув, холодной водой – не горячей же! – и чокнуться со своим отражением в зеркале.

– Ну, за прошедший!

Был он неплохой, если честно. Но долго вспоминать некогда – стрелки сошлись! Еле успел наполнить второй стакан, чокнулся со своим отражением в зеркале:

– Ну, с Новым годом!

…Надеюсь, то, что ты встретил его, мягко говоря, в ванной, на годе не отразится… А если и отразится – то хорошо. И так оно, кстати, и вышло. Третий стакан – случайно горячей наполнил – но это не важно! – выпил за новые успехи. И что-то забрезжило! Вдруг сообразил: а ведь я не только в этом замкнутом помещении нахожусь – я еще в Будапеште, где почти полвека назад был сильно счастлив. Ура! До этого – три дня из восьми – нашу молодежную делегацию промурыжили во Львове (лихорадочно… а точнее, довольно лениво «накачивали» напоследок, водили на какие-то лекции). Но, ей-богу, не помню. Мне и во Львове уже сильно нравилось – в городе властвовал безусловный западный колорит, но главное – и зимой тут пригревало солнце! Помню, как мы с вновь обретенным другом Лешей, кстати, руководителем нашей делегации, утром, еще до завтрака, выскочили из гостиницы на соседний угол – «залить зенки», как он говорил. Явно западный, по нашим понятиям, сервис, большое стеклянное окно – шириной метров пять – и острое утреннее счастье… никогда прежде не пил с утра! Вот она – свобода!

И тут на солнечном углу появились наши девушки… И одна, на которую я запал еще в Питере, была среди них. И вдруг ее взгляд прямо в душу! Умирать буду – вспомню тот миг!

Следующий кадр – мы заходим с ней в бар, уже в Будапеште, и я вынимаю заначку. Строжайше запрещалось, но все знали, что

рубли в Венгрии меняют. За давностью лет – скажу: я засунул рулончик сторублевок в пасту. И, как бы по причине крайней своей чистоплотности, постоянно носил пасту с собой вместо кошелька.

И вот, изумив Галю (имя можно уже называть), раскупорил пасту с тупого конца и вытащил рулон денег. О, как она смеялась, прислонив руку к стене и как бы обессиленно уткнувшись в нее головой… после выпрямилась, глаза счастливо блестели. Потом мы шли с ней по Будапешту. Будапешт сиял! Особенно после тусклого в те года Ленинграда. И вдруг мы столкнулись с мрачным Лехой.

– Я встречался сейчас с местными комсомольцами… – проговорил он.

– Ну? – уныло спросил я.

– Они мне сказали… где здесь стриптиз!

– Так пойдем же! – вскричал я. – Плачу!

Стриптиз меня восхитил! Хотя главная моя страсть была направлена в другую сторону.

– Что вы делаете? – шептал Леха. – Вас же исключат!

– Ты думаешь? – глянув на него, хрипло проговорила она. И мы опять обнялись!

…Когда мы приехали в Ленинград и вышли на платформу, она посмотрела, как только она умела, и, сделав решительное движение рукой, слева направо, сказала: «Сгинь!» Потом я очень страдал… Но зато написал первый в своей жизни крепкий рассказ. А потом – пошло. Сорок с лишним лет – сорок с лишним книг. Где-то она теперь – первая моя муза?

И вот теперь – последняя. Видимо. А еще ведь осенью мы катили с ней на велосипедах хохоча. О, как она танцевала – дурашливо закатив глаза, приоткрыв рот. Делала два очаровательно неуклюжих движения кистями – и прекращала эту глупость. И вот – прекратила! Появился вдруг Петя. Конец? Путевку мы в Будапешт еще до него взяли… к счастью! Или – к несчастью? Стал писать про нее… Договорились же – едем прощаться! Но чтоб так сурово? Другой бы повесился – и был бы, кстати, абсолютно прав, вызвал бы всеобщее восхищение: хотя бы закончил свою жизнь достойно… Кстати, может, мой герой так и поступит. Но моя задача другая! Хлопнул четвертый стакан – опять, по ошибке, горячей. И продолжил писать. Не помню, сколько писал – отвлекла защелка.

– Ты выходить, вообще, собираешься – или нет?

– А? Что? Да, да!

Выйти, конечно бы, надо… Но такой пишется финал!

– Сейчас… полчасика! – пробормотал я.

– Ну ладно! Пиши! – грозно проговорила она и хлопнула дверью.

Евгения Перова
Кукла, шарик и птичка

Новый год – самый добрый, волшебный, нарядный и вкусный праздник! И самый детский, потому что в новогоднюю ночь каждый взрослый становится немножко ребенком и ждет чудес, которые иной раз и впрямь происходят. Вдруг ты слышишь цокот копыт по асфальту и, выглядывая в окно, видишь, как посередине проезжей части медленно едет девушка верхом на белом коне. В четыре часа утра. Или долго прислушиваешься к раздающимся с улицы звукам – не выдержав, выходишь на балкон, а у тебя под окнами двое молодых людей сражаются на рапирах: легкий морозец, снег, юноши в белых рубашках, пар от дыхания, звон рапир и искры из-под клинков. А однажды у меня в руках сама по себе начала светиться свечка, которую я еще не успела зажечь. Пламя не вспыхнуло, но «туловище» свечи стало переливаться разными цветами, словно возникло маленькое северное сияние. Обычно такой эффект возникал только под воздействием горящего огня…

Запах снега и хвои, ожидание подарков и фейерверков, прощание с прошлым и надежды на будущее. Но мое будущее – словно тонкая пенка на поверхности прожитого, которого набралась уже довольно глубокая чаша. Поэтому под Новый год я чаще оглядываюсь назад, чтобы сквозь золотую дымку ностальгии вновь увидеть любимый елочный шарик моего детства – матово-голубой и серебряный от инея, вновь почувствовать ароматы мандаринов и булочек с корицей. Впрочем, шарик жив до сих пор, только иней слегка осыпался. И в нашем праздничном доме на самом деле пахнет корицей и мандаринами.

Конечно, в детстве Новый год приходил, пока я спала. Но зато имелись каникулы, когда можно было вволю гулять, кататься на санках, прыгать на лыжах с трамплина на укатанной до звона горке, валяться в снегу и даже прыгать в сугробы с крыши сарайчика! Никаких комбинезонов тогда и в помине не было – суконное пальтишко с цигейковым воротником – синее, с вышитой елочкой на кармане, такая же шапка с завязками, валенки и длинные штаны с начесом, которые к концу гулянья обрастали снежными колтунами.

Помню: зимний вечер, я бегу на лыжах по заснеженному лугу, снег хрустит и блестит, я направляюсь прямо в закат – круглое красное солнце закатывается за дальний лесок, черные силуэты сосен прорезают багровое небо. Мороз. Потом, вернувшись домой

в темную теплоту кухни (я почему-то не зажгла свет), стою и ем горячий еще пирожок с повидлом, только что испеченный бабушкой. Так это все и соединилось: красное круглое солнце, круглый горячий пирожок, тепло дома, морозный закат…

А Новый год мы встречали на школьных елках, где я представала в виде снежинки в марлевой крахмальной юбочке, надо сказать, весьма упитанной снежинки. Потом, когда стали постарше, устраивали КВН или просто праздничные вечера. Я наряжалась в костюмчик цвета брусники со сливками: пиджачок, узкая юбочка, красные туфельки и простые черные чулки – капроновые были не по карману. И две косички с бантами. Это седьмой класс, кажется. Довершали мою несказанную красоту духи – целый флакончик, который я неосторожно на себя пролила. Уж и не знаю, как выжили окружающие.

Пару раз довелось мне побывать и на московских елках. Больше всего понравилось новогоднее представление в «Лужниках» – все герои на коньках, яркие костюмы, волшебный свет и сказочные подарочные наборы: среди шоколадных конфет и вафелек я обнаружила голубой сахарный самолетик и большого мармеладного зайца! А подарок, полученный в Колонном зале, совсем не впечатлил – наверно, от ужаса, потому что на елку пришлось идти совершенно одной: мама попросила присмотреть за маленькой дочкой какого-то чужого мальчика, а сама осталась ждать на улице. Само представление я не запомнила, зато меня просто поразила большая деревянная горка, стоявшая посреди зала: ничего подобного я до сих пор не видела, привыкнув кататься на санках и лыжах с настоящей снежной горки.

Новый год, конечно, праздник семейный. Мне хватит пальцев одной руки, чтобы пересчитать те редкие случаи, когда я в новогоднюю ночь не находилась дома. Одна такая история особенно памятна: мама вдруг решила, что мы должны поехать в деревню к ее тете Поле. Деревня Бараново находится в Уваровском районе, недалеко от Можайска. Добираться туда долго, на одной электричке от Москвы часа два с лишним, а мы ведь ехали из пригорода! Погода не особенно радовала – мороз и метель. Что маме вдруг стукнуло в голову, даже не знаю. Мне не особенно хотелось, но делать было нечего. Однако мамин порыв угас на полдороге – мы доехали только до московской тети Клавы и от нее послали телеграмму в деревню, что не приедем. Телеграмму! В деревню! Конечно, они ее не получили, а бедный дядя Сеня добыл лошадь и сани, чтобы нас встретить на станции, гонял туда в метель. Так что родные долго поминали нам с мамой эту несбывшуюся поездку, а мы больше подобных эскапад не устраивали.

Конечно, повзрослев, я и в гости ездила, и на свидания ходила – однажды мы с другом 31 декабря отправились в музей, в ГМИИ имени А. С. Пушкина. Посетителей практически не было – еще человека три от силы, кроме нас. Смотрительницы тяжко вздыхали, ожидая конца рабочего дня, а мы бродили, взявшись за руки, по пустынным залам, разглядывали живопись и тайком целовались, прислушиваясь к шагам бдительных смотрительниц. А потом мы с ним разъехались в разные стороны – он к своей семье, а я к маме, чтобы провести новогоднюю ночь дома.

Наверно, я кажусь чересчур примерной дочерью. Да, мы очень тесно связаны с ней, к тому же я рано почувствовала себя взрослой и ответственной за маму. Она так и осталась ребенком, навсегда травмированным войной: мамина родная деревня сгорела во время боев за Москву. Это было страшное время, и мама не любит о нем вспоминать: и продукты реквизировали, и последнее теплое одеяло забрали у детей, и партизан вешали, и бой шел над головами людей, зарывшихся в землянки, – все было. Но 25 декабря простые немецкие солдаты, жившие в избе у соседей, праздновали Рождество: пили водку, вспоминали близких, пели свои песни, говорили, что не хотят этой войны… И дали детям шоколадку – первый раз тогда шоколад попробовали. А назавтра повар налил ребятишкам по два половника чечевичной похлебки – тоже никогда такого не едали.

Сколько лет прошло, а мама эту шоколадку до сих пор помнит, тем более что за всю жизнь ей не так часто доводилось лакомиться шоколадом – бедно жили, пряники да конфеты-подушечки, вот и все радости. Целый год откладывали денежки, чтобы к Новому году купить килограмм шоколадных конфет, самых дорогих: грильяж, трюфели, «Мишки на Севере», «Ну-ка, отними!», «Южная ночь»… Такое удовольствие было набирать понемножку разноцветные конфеты и предвкушать праздник! Конфеты потом вешали на елку как украшение и потихоньку подъедали, а фантики собирали в коллекцию. Кроме конфет, мандаринов и грецких орехов, обернутых в фольгу, на елке висели стеклянные шарики и гирлянды, а еще картонные плоские звери, блестящий «дождь» и канитель. Елка у нас всегда стояла искусственная: сначала с бумажной хвоей, потом с пластмассовой. Подарков никаких не запомнилось, а наверняка дарили…

Но один подарок я помню, как мама – ту военную шоколадку! Это кукла. Ее подарил под Новый год дядя Миша, мамин брат. Он был военным и редко приезжал к нам в гости. Я его почему-то боялась – высокий дяденька в форме, почти незнакомый. Это потом мы с ним подружились, когда я выросла. Именно дядя

Миша и привез мне набор елочных игрушек с волшебным голубым шариком в инее. Если на него долго смотреть, начинает казаться, что там внутри идет снег и совершаются разные чудеса, как в сказках Андерсена! Еще в наборе, кроме непременных Деда Мороза со Снегурочкой, имелась птичка-снегирь на прищепке – тоже жива до сих пор, как и шарик, хотя слегка облезла. Красная птица детского счастья! Почему-то снегири у нас не водились, и впервые я увидела красногрудую птичку уже взрослой: прилетели к нам в кормушку, висящую на окне. А еще как-то зимой я шла по улице, вдоль которой росли деревья вроде вязов с множеством семян-самолетиков. И на эти деревья прилетела стая снегирей! Я шла среди осыпающихся «самолетиков» под нежный пересвист птиц… Маленькое чудо.

Подаренная кукла тоже дожила до нынешнего дня – вон она сидит в книжном шкафу и смотрит, как я пишу этот текст. В детстве кукол у меня почти не имелось – кубики, резиновое зверье и лошадки. Маленькая, я была просто помешана на лошадях – это последствия прочтения книжки Софьи Перовской «Ребята и зверята». Книжку до дыр зачитала. Как я завидовала этим детям! Кто у них только не жил, даже тигренок! Но самые впечатляющие истории про лошадей – как девочки выхаживали коня, а потом чуть сами не погубили.

У меня были две пластмассовые лошадки – белая и коричневая, и еще жеребенок из бабушкиной коллекции фигурок зверей, но жеребенок мне доставался редко – бабушка берегла и не давала. Но все эти лошадки статичные – маленькие скульптурки, весьма достоверно сделанные. Ноги у них не двигались, хвост и грива не развевались. А мне даже сны снились про лошадей – один затейливый, составной, как матрешка: снится мне, что я скачу верхом, во сне просыпаюсь – и снова я верхом, уже вроде бы наяву. Такое счастье было. Живую лошадь я редко видела – иногда проезжал татарин на телеге: «Старррье берррем!» Бежали дети, несли ему – сейчас уж и не помню, что именно. В обмен давал мячик на резинке или обезьянку. А потом все прошло, вся эта страсть к лошадям. Наверное, после того, как меня укусил пони в зоопарке – я ему протянула пустую ладошку, он понюхал… и укусил! Не больно, но неожиданно.

А из кукол помню большого пластмассового пупса-девочку по имени Оля – есть фотография, где позирую с этой Олей в обнимку, так она почти с меня ростом. Но мне больше нравились китайчата – маленькие, в синих и красных брючных костюмчиках, с волосами из тонкого черного шелка. В то время СССР активно дружил с Китаем, и у нас даже сохранились открытки, присланные маме из КНДР, – она любила переписываться с

незнакомыми людьми, тогда это было в обычае. Даже объявления помещали в газетах, предлагая переписку, вот мама и отвечала. Эдакий аналог нынешнего Интернета. Последствия переписки бывали разные: то с одного конца страны приходила посылка с кедровыми шишками и клюквой, то просили купить и прислать на другой конец страны мужской спортивный костюм шестьдесят второго размера, а то кто-нибудь из корреспондентов вдруг приезжал живьем. Это было самое ужасное, потому что мы жили в двухкомнатной коммуналке, а когда у тебя на полу спят пять человек гостей, как-то, мягко говоря, некомфортно.

В детский сад я не ходила, обычно оставалась дома одна и играла под неумолкающее радио – до сих пор стоит в ушах страстное бормотание футбольных комментаторов Вадима Синявского и Николая Озерова: «Голубев ведет мяч… передает Месхи… добегает до ворот соперников… отдает пас Иванову… удар по воротам… Яшин отбивает мяч… Метревели ведет мяч… пас… Понедельник бьет по воротам… гоооооооооол!»

Наслушавшись новостей, я назвала одну из кукол Бюджет – мама убеждала меня, что, наверно, Бриджит? Но нет, я твердо стояла на своем: Бюджет мне нравилось больше. А лет в тринадцать, будучи вполне взрослой девицей, я страстно захотела пластиковую куклу-блондинку, одетую в наряд Красной Шапочки. Все-таки выклянчила – подарили на день рождения! Назвала Мартой и долго ее любила. Волосы были как настоящие, она так славно пахла резиной… И куда подевалась…

Вот и все мои куклы! Так что фарфоровый пупс, подаренный дядей, стал настоящим сокровищем: ручки-ножки поворачиваются в суставах, голубые глаза с ресничками моргают! К кукле прилагалось богатое приданое: коричневый комбинезон, башмачки, бутылочка с соской, погремушки, еще что-то и… кружевное платьице! Похоже, что этот пупс задумывался как девочка, но меня так потрясло рождение братика у подружки Нади, что я, не задумываясь, назвала куклу в честь него Димкой. Сначала мне не давали в него играть – кукла дорогая, красивая. Но как можно удержаться! Так что за долгое время жизни в нашей семье Димка заметно поистрепался – еще бы, ему более полувека. Даже моргать разучился: однажды моя маленькая племянница Катя ткнула пальчиком, и глазки провалились внутрь головы. Столько было слез у бедной малышки! Мой рукодельный приятель починил куклу – достал глазки и вставил их обратно, так что теперь Димка просто таращится на окружающий мир. Со временем и все кукольное приданое растерялось – я сшила Димке новое платьице из синего цветастого крепдешина. Это кусок от маминого парадного платья – на всех молодых фотографиях она в

этом наряде…

Давно нет в живых дяди Миши, маме моей уже почти девяносто, у подружки Нади свои дети и, возможно, внуки, а с ее братом Димкой я не виделась лет сорок, а то и больше. Но все так же сидит в книжном шкафу кукла Димка в мамином крепдешине – смотрит голубыми немигающими глазами на мою нынешнюю жизнь. И елку на Новый год я все равно ставлю – пусть маленькую, символическую. И непременно висит на ней матовый голубой шарик в вечном инее, и красная птица счастья сидит на ветке, и волшебная свечка сияет, освещая мои воспоминания переливами приручённого северного сияния… И кажется, что возможно любое чудо – стоит только пожелать!

Александр Староверов
Крылатая Сибирь

Мой самый лучший Новый год на Новый год похож не был. Также я не вполне уверен, что он был лучшим, но самым веселым, суматошным, невероятным и поучительным он был точно. А что еще нужно для того, чтобы Новый год удался? Пожалуй, много алкоголя, приятная компания и снег, крупными хлопьями валящий с небес под бой курантов. Из всего вышеперечисленного в том месте, где я находился ночью 31 декабря 2002 года, присутствовал только алкоголь. И тем не менее праздник удался на славу. Впрочем, я забыл еще об одном ингредиенте удачного Нового года – чуде. Куда же без него? В ту новогоднюю ночь чудо случилось. Но обо всем по порядку.

Второй раз в жизни я проводил новогодние каникулы не в России. До тридцати лет как-то не решался уезжать далеко от дома. Слишком свежи еще были детские воспоминания о предчувствии чего-то невероятного, волшебного и непременно доброго. Когда пойманной бабочкой трепещет в груди сердечко, заходится сладко душа и веришь, веришь не столько даже в Деда Мороза, а в то, что все изменится с переменой календарной даты. В лучшую, конечно, и самую желательную сторону. Со временем это ощущение почти проходит. Не чуда ждут люди, а просто длинных выходных. К тридцати я оброс семьей, бытом, обязательствами и понял, что ждать вообще ничего не стоит. Жить нужно здесь и сейчас, а значит, какая разница, где я встречу еще одну цифру в календаре? Лучше ее, пожалуй, встретить в каком-нибудь теплом, комфортном месте, а не в заиндевевшей, бухающей по-черному от холода и безделья Москве. И мы полетели с женой в Королевство Таиланд.

Когда после длинного перелета спускаешься по трапу и тебя вместо собачьего холода, мокрого снега и пара от идущих рядом людей обдает горячим влажным ветром, впадаешь в состояние культурного, физиологического и даже в чем-то нравственного шока. Организм теряет ориентацию, с удивлением пялишься на теплый пуховик у себя в руках и не понимаешь, где находишься. Неужели такое бывает? И вообще, где подлинная реальность? Здесь, в стране вечного лета, или там, в России, в стране лета далеко не вечного. Да чего там, в осенне-зимней стране, в привычном демисезонном пространстве, где оставил друзей и родственников. Стыдно вдруг становится, что ты здесь, а они там. А если на выходе из аэропорта видишь ряд высоченных пальм,

украшенных елочными игрушками, ум вообще заходит за разум. Не меня одного пришибло, на лицах всех пассажиров нашего «Ил-96» было написано одно и то же. Общее мнение выразил в дупель пьяный, еле стоящий на ногах мужик в середине нашей колонны.

– Ну ни хера ж себе… – выдохнул он протяжно скопившиеся за время полета алкогольные пары. И все мысленно с ним согласились. Впоследствии глубокомысленное изречение мужика превратилось в слоган нашей с женой поездки. И если кто-то хочет заранее узнать мораль этой сумасшедшей истории, то, пожалуйста, никаких секретов нет. Мораль проста, понятна и всеобъемлюща. И звучит она так (да, вы не ошиблись и поняли правильно): «Ну ни хера ж себе…»

Начать, однако же, стоит с того, почему мы выбрали для новогодних каникул именно Таиланд. Помимо волнующей азиатской экзотики, теплого моря и привкуса немыслимых в скованной морозами России удовольствий, немаловажную роль сыграло следующее соображение – там мало русских. Напомню, дело происходило в самом начале двухтысячных, и русских в Таиланде тогда было действительно немного. Позднее, уже объехав полмира, я задумался: «А почему русские (и я в том числе) так не любят русских?» То есть не то чтобы в принципе не любят, а именно за пределами Российской Федерации. Ведь нелогично же. Немцы за границей ищут немцев, англичане передвигаются по курортам шумными группами, японцы, нежно взявшись за ручки, ходят толпами, о сплоченности и взаимовыручке евреев распространяются легенды, гуси летают стаями, лосось плывет косяком, мошкара вьется тучей, все родственные твари стремятся быть ближе друг к другу во враждебном мире. Особенно во враждебном и незнакомом мире. И только русские…

При этом о доброте и бескорыстии русского народа слагаются былины. И они не лишены оснований. Снять с себя последнюю рубаху, отдать такой нелишний, тяжко заработанный рупь на опохмел совершенно незнакомому человеку, принять смерть, наконец, за други своя. Как говорится в народе, «на миру и смерть красна». Все так… но только если эта смерть будет происходить в границах России. Ну, или бывшего Советского Союза. Во всяком случае, не в отпуске. На отдыхе наличие рядом соплеменников является для нас, безусловно, отягчающим обстоятельством. Как окна гостиничного номера, выходящие на шумную стройку, усугубленную помойкой и нефтеперерабатывающим заводом поблизости. Самый популярный вопрос при заказе тура: «А русских в гостинице

много?» И успокаивающий ответ агента: «Что вы, что вы, там только немцы и французы, это вообще немецкий отель, они русских не любят». – «А, ну тогда ладно…»

Умом, конечно, Россию не понять. Я, если честно сказать, даже не пытался. Хватило мне примеров нескольких друзей, которые пробовали. В лучшем случае заканчивалось депрессией, а в худшем алкоголизмом со смертельным исходом. Но однажды под влиянием смеси трех великих белых напитков (водки, текилы и рома), тоже на отдыхе, кстати, я вдруг провалился в свое собственное и, похоже, наше общее коллективное бессознательное и отыскал там разгадку. Отпуск за границей для постсоветского русского человека – это всегда маленькая измена огромной Родине. Так же как с любовником или любовницей за границей люди творят странные, невозможные с надоевшим мужем и опостылевшей женой вещи. Они катаются на верблюдах, летают на парашютах, едят моллюсков и перченых кузнечиков, швыряются деньгами, не боятся полиции и даже (о господи!) отвечают на бессмысленные улыбки беззаботных европейцев такой же бессмысленной и беззаботной улыбкой.

Ситуация прояснилась. Измена на глазах у супруга или супруги – это уж совсем непристойное извращение. Прочные духовные скрепы не дают нам скатиться в бездну окончательного и бесповоротного разврата. Мы шифруемся, таимся, отъезжаем подальше от дома и царапающих совесть взглядов соотечественников. А отъехав, гуляем по полной… Но и это не вся правда. Выпив около литра смеси трех великих белых напитков, я погрузился на самое дно коллективного бессознательного, и вся правда открылась мне в своем подлинном величии и блеске. Нам стыдно. Нам очень стыдно глядеть в глаза друг другу. Жизнь на Родине тяжела. Для того чтобы поехать за границу и кутнуть там как следует, приходится многое выносить. Кто пашет как вол, кто унижается, кто унижает, многие обманывают и почти все терпят, бесконечно терпят и идут на компромиссы с самими собой. То есть сначала сами с собой, а потом вообще неизвестно с кем, потому что себя в результате этих компромиссов зачастую и не остается… И главное, все знают эту постыдную тайну друг про друга. Легко менеджеру среднего звена пускать пыль в глаза красоткам, заказывая устрицы и шампанское на с трудом скопленные к отпуску деньги, легко утверждать, что он не менеджер, а топ-менеджер, и не в компании, торгующей унитазами, а, скажем, в «Газпроме». Легко притворяться не тем, кто ты есть… Когда ты такой один. А если все кругом такие? Коллеги по работе, соседи, родственники… Тогда нелегко. И пусть провалятся тогда к черту эти родственники и соседи. Уж

лучше англичане, американцы и тайцы, бормочущие что-то на своей тарабарщине… Все это я понял значительно позже с помощью волшебной смеси из трех великих белых напитков. А в то счастливое и незамутненное лишним знанием время, получив заверения от работника туркомпании, что ни-ни, ни одного русского и даже украинца в нашей гостинице не будет, мы с женой купили путевку и отправились в Таиланд.

* * *

В автобусе, развозившем прилетевших туристов по гостиницам, конечно, находились одни соотечественники, конечно, они были пьяные и вели себя, конечно, мягко говоря, неадекватно. Перескок из зимы в лето, сдобренный изрядным количеством алкоголя, превратил людей и так не сильно воспитанных в натуральных бабуинов. С огромным облегчением, когда объявили наш отель, мы вышли на улицу и, осознав, что вышли одни, счастливо вздохнули. Не обманули в туркомпании, слава богу, отдыхать будем в обществе цивилизованных европейцев. Счастливые, мы вошли в отель и…

Просторный мраморный зал был полон русскими. Немногочисленные англичане, немцы, французы и прочие итальяшки испуганно и сиротливо жались по стеночкам. Обслуживающий персонал, состоящий из тайцев, перемещался по лобби короткими перебежками. Покинутый с таким удовольствием автобус показался нам раем. Там еще попадались умеренно вменяемые москвичи, которых издалека можно было принять за цивилизованных европейцев. Здесь же москвичами и не пахло. Русский человек высочайшей степени очистки, 999-й пробы русский человек. Скорее всего, откуда-то из необъятных сибирских просторов, из провинциального лукоморья и мифического Китеж-града. Из анекдотов. Мощные, с солидными пузцами мужики лениво фланировали в поисках открытых ранним утром баров. Из одежды на них имелись толстые золотые цепи с монументальными крестами, безумных расцветок плавки по колено и легендарные сумки-напузники, в которых угадывались пухлые котлеты зеленых американских денег. По древней русской традиции мужики не доверяли сейфам в номерах и все свое носили с собой. Особо продвинутые поверх стандартной униформы небрежно накидывали махровые гостиничные халаты, что, впрочем, не отменяло ни сумок-напузников, ни золотых крестов, ни плавок. Женщины, напротив, выглядели катастрофически нарядно. С обильного завтрака они

возвращались в боевом вечернем макияже, в ультракоротких платьях преимущественно леопардовой расцветки и на двадцатисантиметровых, остро заточенных каблуках. Роста дамы были гренадерского, отличались пышностью форм и необъятными бюстами. Несмотря на грозившиеся лопнуть по шву платья, кустодиевские красавицы умудрялись одной рукой волочить пару упитанных детишек, а другой тащить добычу со шведского стола. Оставшимся свободным ртом они одновременно хвастались добычей (мол, до ужина хватит упертых салатиков, ананасиков и колбаски) и пытались усовестить рыщущих в поиске алкоголя мужей, чтобы те не нажирались с самого утра. Мужья нецензурно посылали дам в номер. Женщины, хоть и без особой радости, шли, куда их посылали, одновременно продолжая хвастаться перед подругами добычей и проклиная судьбу, которая их свела с их разжиревшими, охамевшими и охреневшими вконец вторыми половинами.

– Может, поедем отсюда? – робко спросила меня жена в шоке от развернувшегося перед нами натюрморта. – Снимем квартиру, хоть самую маленькую, хоть далеко от моря, пожалуйста…

Я почти был готов с ней согласиться, но тут во мне взыграл типичный постсоветский интеллигент. «А может, в этом и есть сермяжная правда?» – подумал я, дословно повторяя мысль праотца всех типичных постсоветских интеллигентов Васисуалия Лоханкина. Но по заведенной у постсоветских интеллигентов традиции вслух сказал совершенно другое:

– Нет, дорогая, это карма. От кармы не уйдешь. Мы много грешили, мы ели йогурты, пользовались освежителями воздуха, лосьоном после бритья и одноразовыми пакетами для мусора. Мы купили посудомоечную машину! И самое чудовищное, мы пытались покинуть Родину. Мы пытались это сделать даже в Москве, живя там, как будто мы в Милане или Париже. Мы с тобой предатели, дорогая. А Родина предательства не прощает. У нее длинные руки, холодная голова и пламенеющее сердце. От Родины невозможно скрыться. Примем же покорно заслуженное наказание, выпьем свою чашу до дна. Вперед на ресепшен!

Сказав эти слова, я быстро, чтобы не передумать, рванул к стойке регистрации, а жена, сделав крошечную паузу и тяжко вздохнув, обреченно поплелась за мной.

* * *

На ресепшен доброжелательный, но сильно запуганный русскими людьми портье шепотом сообщил мне черную весть.

Отель почти полностью был забронирован менеджментом авиакомпании «Крылатая Сибирь» для празднования новогоднего корпоратива. Мне стало нехорошо. В те дремучие, на границе с лихими девяностыми времена новогодний корпоратив любой крупной компании, даже авиакомпании, мало чем отличался от сходки организованной преступной группировки. А тут еще и Сибирь… Пацаны только недавно малиновые пиджаки сняли, на их руках еще были следы пороха, с помощью которого они предпочитали решать вопросы корпоративного управления, на некоторых голых мужских торсах проступала древняя, завещанная прадедами духовность в виде синих куполов с крестами и красивых звезд на мощных плечах. Видимо, мое лицо вдруг так сильно поменяло цвет, что жена не на шутку всполошилась:

– С бронью что-то не так, паспорта потерял, деньги, документы?

– Сибирь… – обессиленно вымолвил я.

– Что – Сибирь, они полицию вызвали, нас посадят, арестуют? За что? Говорила, надо было уезжать. Ты только не волнуйся, я звоню маме…

При всех критических ситуациях моя жена рефлекторно звонит маме, а ее мама перезванивает мне… Осознание тупиковости этого пути немного привело меня в чувство, и я, собрав волю в кулак, пояснил суть обрушившейся на нас трагедии:

– Сибирь… Мы попали в Сибирь… в крылатую… В авиакомпанию…

– Уф-ф-ф, ты скажешь тоже, а я уж думала… В смысле все эти люди из авиакомпании «Сибирь»? Ну и что, это даже хорошо, приличные люди, летчики…

– Ты не понимаешь… уж лучше б мы в настоящую Сибирь попали. Нет здесь летчиков, сама посмотри. Здесь только… только… Руководство.

Жена оглянулась, присмотрелась, и наши лица стали одинакового цвета.

– Поедем, – прошептала она, – надо ехать, точно надо ехать, поедем, дорогой, потом поздно будет…

В моей жене нет ни капли еврейской крови, но фраза прозвучала очень по-еврейски. За фразой маячили погромы, трубы Освенцима и вырванные изо рта золотые коронки. Скорее не из упрямства, а просто для того, чтобы отогнать страшные видения, я замотал головой:

– Нет… Нет… От нее не уедешь. Это карма… Это судьба…

– От кого, от нее?

– От Родины, – сказал я и принялся заполнять бланки на вселение в отель.

Спокойно заполнить бумаги мне не удалось. На середине этого скучного, но успокаивающего нервы процесса мне на плечо опустилась огромная, похожая на медвежью лапа. Я обернулся, и мой взгляд уперся в могучую обнаженную грудь хозяина лапы. Там было на что посмотреть: чуть выше сосков, чем-то напоминая фашистские «Мессершмитты», парили хищные ангелы, а в центре был почему-то наколот ромбовидный Знак качества СССР. Как будто ангелы разбомбить его хотели… Лицо детины (иначе его было невозможно назвать) парадоксально отличалось от страшной картины на грудной клетке и выглядело до странности добрым.

– Братан, – хрипло сказало доброе лицо, – а как по-русски будет бумага?

В этой безумной гостинице я уже ничему не удивлялся и честно ответил:

– Бумага.

– Спасибо, братан, – с чувством поблагодарило меня лицо и обратилось к портье: – Эй, чурка, бумаги дай, у меня в номере бумаги нет, а мне речь для братанов на Новый год писать надо. Я тебе чистым английским языком говорю: «Бу-ма-га!» Да что ж такое, чурка тупая по-русски не понимает, по-английски тоже. Что ты с ним будешь делать!

«Все не так страшно», – понял я. Человек просто оговорился, перегрелся на тайском солнышке человек, надо ему помочь.

– Вы, видимо, имели в виду как по-английски будет «бумага», вот он вас и не понимает. По-английски бумага будет – paper.

– О как… – напрягся было детина, пытаясь разглядеть в моих словах скрытый подвох, наезд или издевку, но не разглядел, просиял добрым лицом и опять обратился к портье: – Слышь, чурка нерусская, пэпер давай, пэпер, теперь точно пэпер! А не дашь, я так в пэпер твой дам, не только глаза, сам весь узким станешь. Пэпер, я сказал, гони! – Слава богу, портье догадался, о чем идет речь, и протянул ему несколько листов.

– Ух ты юхты, – обомлел детина, – работает! Слышь, работает, понял! – Он радовался так, как будто овладел языком Шекспира и Байрона в совершенстве. От полноты чувств он даже обнял меня своими медвежьими лапами. – Спасибо, братан, выручил, а то я уж не знаю, как с ними. Пэпер, это же надо, пэпер… Меня Евлампий зовут, для своих Аладдин, для совсем своих Лампа. Для тебя Лампа, братан.

– Очень приятно, – сказал я. – Александр. А почему Лампа?

– Ну как это… Евлампий, лампа, Аладдин… сказка есть такая

чуркистанская, со школы еще повелось, мол, потри лампу, и все исполнится. Но это только для друзей, понял? Я тебе платиновую карточку сделаю, в два раза дешевле летать будешь. Я ведь этот… как его… – Детина набрал в огромную грудь побольше воздуха и на одном дыхании выпалил: – Начальник департамента качества «Сибири»!

– Всей «Сибири»? – попробовал пошутить я.

– А то! Всей, конечно, – не уловив юмора, гордо ответил Лампа. – Ну, ладно, братан, спасибо еще раз, бывай, увидимся. На новом году точно увидимся.

Он медленно развернул свое утесоподобное тело и пошел к лифту, весело размахивая добытыми листами.

– Вот, а ты боялась, – успокаивающе сказал я жене. – Они ж как дети, очень страшные только с виду.

– А что, Новый год мы тоже с ними будем встречать? С детишками этими? В программу тура новогодняя ночь в тайском стиле входит. Весело, чувствую, будет…

Я помрачнел. До такого дна в нашей чаше с ядом мне добираться не хотелось. Хотя с другой стороны… «А может, в этом и есть сермяжная правда?»

– Ладно, – буркнул я угрюмо, – давай решать проблемы в порядке их поступления.

* * *

Проблемы не замедлили поступить. На следующий день мы ушли с завтрака голодными. К нашему приходу шведский стол оказался полностью разграбленным. Выросшие во времена тотального дефицита российские граждане попросту вынесли его в дамских сумочках. Дождаться яичницы, которую жарили три тайских поваренка, было невозможно. Один из сибиряков занимал очередь, и пока вся авиакомпания не насытится, об омлете даже не стоило мечтать. Ладно, это проблема хоть как-то решалась. Встанешь часиков в шесть, почистишь зубы и бодро идешь в ресторан. А там одни быстро работающие челюстями европейцы, торопятся, бедняги, пока не началось. Но вот лежаки… Трясущийся англичанин в баре, приехавший на неделю раньше нас, рассказал, что случилось с лежаками… Сначала было все нормально и на всех вроде хватало, но вот приперлись Russians from Siberia, и случилась великая шезлонговая революция. Лежаки стали занимать с вечера, причем в количестве, явно превышающем количество русских. Так, на всякий случай, на всех друзей-товарищей и чтобы сумки было

куда положить. Администрация отеля перестала вечером выдавать полотенца, тогда на лежаках появились бумажки со следующим примерно текстом: «Это мое. Вася, комната 101». Один глупый немец, вся вина которого состояла в том, что он не извлек уроков истории и не догадался вовремя выучить русский язык, выкинул бумажку с непонятными письменами, постелил полотенце и улегся на свободное, по его мнению, место. Опрометчивый фриц был выброшен разъяренным Васей в бассейн. Причем вместе с лежаком. Менеджмент отеля не сдавался и ответил вечерним сбором шезлонгов и опутыванием их толстой цепью с огромным амбарным замком. Ха! Разве это могло остановить настоящих сибиряков. На следующий день обалдевшие тайцы вместе с трепещущими от непостижимой и загадочной русской души европейцами наблюдали, как в ресторан на завтрак спускались несгибаемые сибиряки. Каждый со своим шезлонгом. Даже дети! Лежаки они перли из номеров, в связи с чем образовалась огромная пробка у лифтов. Администрация отеля сдалась и заключила позорное перемирие. Теперь самые козырные места у бассейна по умолчанию принадлежали русским. Немцам, англичанам, французам и прочей европейской швали отвели маленький загончик на самом дальнем краю обширной территории отеля. Естественно, без зонтиков, под беспощадно палившим тропическим солнышком. Несмотря на большое количество свободных мест у воды, мало кто из граждан ЕС решался их занимать. Память о чуть не утопшем в бассейне фрице была еще слишком свежа…

Хорошо, нас это, допустим, не касалось, сибиряки условно признавали нас с женой русскими и, хоть и морщась, позволяли прилечь где-нибудь с краешку. Но моральный дискомфорт мы испытывали настолько сильный, что вскоре перестали купаться в бассейне. Также мы практически перестали спать. О, эти знаменитые русские пьянки на балконах номеров с видом на море и привезенной из заснеженной Родины водкой. Управляющие «Крылатой Сибирью» затарились по полной. Еще бы, ведь у них имелся собственный самолет, и, судя по количеству бутылок, разбросанных на территории отеля, не один самолет, а много. Что сказать… на балконах вокруг нас не хватало лишь медведей, потому что цыгане там каким-то образом присутствовали. И до утра продолжалось веселье… Замечания делать было бесполезно и даже опасно. Пьяный русский человек на замечания всегда отвечает решительными действиями. И в основном физического характера.

Лишь однажды мне удалось одержать победу над сибирскими чудо-богатырями. Да и то сатисфакция оказалась далеко не

полной и в конце концов обернулась позорным проигрышем. А было это так. Начальник департамента качества всей Сибири Евлампий-Лампа-Аладдин почувствовал во мне родственную душу, доброго самаритянина и своего кореша одновременно. Каждое утро за завтраком он делился со мной добытой в боях пищей, занимал очередь за яичницей (спасибо ему большое, благодаря его заботе мы могли позволить себе поспать до девяти) и считал своим долгом отчитаться о прошедшем на чужбине дне. В его рассказах было много смешного, ужасного и даже великого. Они достойны отдельной повести, а может, и романа. Когда-нибудь соберусь с духом и напишу. Марк Твен точно бы смог, но на один эпизод и меня, пожалуй, хватит.

Как-то раз за завтраком я увидел Лампу в сопровождении миниатюрной тайской девушки. В буквальном смысле слова «в сопровождении», ее будто к нему привязали, не отходила от него ни на шаг, когда он ел, скромно потупившись, стояла рядом. Иногда Лампа раздраженно кидал ей через плечо куски из своей тарелки. Девушка раболепно кланялась и быстро поглощала еду, зажав ее в своих маленьких ладошках. Заметив меня, Лампа со страдальческим лицом бросился в мою сторону. Девушка последовала за ним.

– Чего она за мной ходит?! – с разбега, не поздоровавшись, закричал он. – Нет, ну чего? Я говорю ей, ступай ты, мать, от греха подальше, а она все ходит и ходит… Что делать-то, братан?

Выяснилось, что вчера в полдень, разомлев от тропического климата и буйства природы, сибиряк Евлампий возжелал женщину. Ну, в Таиланде с этим проблем вообще никаких – Лампа зашел за угол и взял первую приглянувшуюся красотку. Вначале все было волшебно, девица вытворяла в постели такое… Но вот потом… Тайская куколка намертво прилепилась к могучему русскому богатырю и категорически отказывалась от него отлепляться. Уж как он ее ни упрашивал и жестами, и пинками, даже денег предлагал. Деньги узкоглазая змеюка взяла, но все равно с места не сдвинулась. Только кланяться начала истовее и ниже.

– А сколько ты ей дал? – начиная догадываться, в чем дело, спросил я. – Двадцать долларов, пятьдесят, сто?

– Ну, ты вообще, москвич, я чего, цен московских не знаю, думаешь? Триста дал, а потом еще двести, чтобы ушла, это ж даже не Москва, заграница – Таиланд. Вон как все здесь красиво…

– Да, брат, попал ты, – усмехнулся я ехидно. – Теперь она за тобой до весны ходить будет – это дело тут двадцатку максимум стоит, и то с переплатой.

– Ох ты елки зеленые! – стукнул себя по лбу медвежьей лапищей Лампа. – Как же я так лоханулся?! Ладно, пусть порадуется, на баб не жалко, пусть запомнит русского мужика. Ты вот что, друг, скажи ей по-английски, чтобы уматывала, пока я добрый.

– Бесполезно, – стараясь сохранить максимально серьезное выражение лица, ответил я. – Понимаешь, буддистская этика и все такое… Здесь не то что у нас, здесь без кидалова. Взяла бабки – теперь отрабатывать будет. Хоть весь мир в тартарары провалится, все равно не уйдет…

– Уважаю узкоглазых телок… – задумчиво произнес Лампа. – Правильно местные бабцы живут, по понятиям, не то что наши шалавы. Но только как мне-то быть? На фига она мне здесь сдалась? Слушай, а что, если деньги назад попросить? Сумма уменьшится, и она по понятиям с чистой совестью нах хаус, а?

Мне, конечно, до сих пор стыдно, но уж больно достали меня тогда сибирские соотечественники. Я совершил расчетливую подлость по отношению к хорошему парню с добрым лицом, который занимал мне очередь за яичницей.

– С бабы деньги назад требовать… – сказал я с легкой ноткой презрения в голосе, – это как-то…

– Да… – сразу сник Лампа, – это как-то… Не по понятиям. Но что же мне делать? – в отчаянии крикнул он, и Знак качества СССР потускнел на его груди.

Конфликт русских и буддистских понятий отразился на лице бедного парня гримасой боли. Лампа дрожал, его буквально разрывало пополам. Несколько секунд ни одно из понятий не могло победить, а потом, обреченно махнув рукой, он встал из-за стола и убитым голосом произнес:

– Ладно, попал так попал. Пойдем, чувырла нерусская, носки стирать будешь, должна же быть от тебя хоть какая-то польза…

Шатаясь, он пошел к выходу из ресторана, а тайская девушка радостно засеменила за ним. Конфликт понятий, как я подло и предполагал, закончился боевой ничьей и полным проигрышем русского Ильи Муромца. Ага… как бы не так. Все победы над Ильей Муромцем в результате оказываются пирровыми. В этой истине имело случай убедиться куча народу, от хана Батыя до Наполеона и Гитлера. И только я глупо продолжал надеяться на чудо.

Через несколько дней Лампа выглядел снова довольным и счастливым. Рядом с ним на завтраке сидела тоже явно довольная и счастливая тайская девушка, и он ласково гладил ее волосы.

– Слышь, друг, – окликнул он меня, – подь сюды! Ну, спасибо тебе, братан, в очередной раз должник я твой до гроба. Хорошо,

что ты тогда отговорил меня ее выгонять. Лю… Любка то есть по-нашему, замечательной бабой оказалась. Я и не встречал таких никогда. И в постели мастерица, и послушная, и хозяйственная. В номере идеальная чистота всегда, и вещи все выстираны-выглажены. Тапочки мне буквально в зубах носит. За пивом в бар бегает, только мигни. А главное, молчаливая, не то что наши балаболки. Молчит все время, улыбается и кланяется. Спасибо тебе, братан, большое, буддистские понятия для бабы – это что-то! Это то, что я всю жизнь искал. С собой Любку увезу, в Сибирь, пускай у меня поживет пока.

Я ошеломленно пожал его протянутую руку и окончательно понял, что бороться с могучим русским духом бесполезно. Даже пытаться не стоит бороться.

* * *

История с Лампой уже ничего не решала. Я и до нее понял, что противиться нарастающему хаосу – пустая трата времени и сил. Оставалось только сдаться на милость провидения и по возможности минимизировать отрицательные последствия. Мы с женой решили как можно меньше времени проводить в отеле и окунуться с головой в бурлящую азиатскую экзотику. Экскурсии, экскурсии и еще раз экскурсии! Пасти крокодилов и ушастые морды слонов намного милее, чем набившие оскомину родные рожи соотечественников. А когда не было экскурсий, мы просто гуляли по Патайе и глазели по сторонам. Но, как пел в моем детстве Высоцкий, «в общественном парижском туалете есть надписи на русском языке».

Соотечественники были везде, от них невозможно было скрыться. Произошла катастрофа, россияне по неведомой мне причине договорились в тот год всем скопом собраться в Таиланде на новогодние праздники. Не ездили, не ездили, и вот тебе, пожалуйста, на остренькое их потянуло… По старинной традиции, заведенной у типичных постсоветских интеллигентов, я винил во всем только себя. «Это тебе за снобизм твой, Саша, русских, видите ли, он хотел поменьше. Получай, фашист, гранату», и тут же бальзамом на мои кровоточащие раны проливалась другая мысль: «А может, в этом и есть сермяжная правда?»

Они заполонили все. На крокодиловой ферме упившийся в хлам дядюган на спор оттолкнул тайца, осторожно устраивающего свою крошечную голову в пасти аллигатора, и засунул туда вместо него свою огромную лысую репу. Крокодил

реально подавился! Я сидел близко и видел его бешеные, непонимающие глаза, из которых, я клянусь, текли самые настоящие крокодильи слезы. Бедное животное в истерике задергалось и попыталось сомкнуть челюсти, но дядюган не дал ему этого сделать. Он глухо выкрикнул в звериную утробу страшное матерное проклятие и с боевым кличем «Пасть порву, моргалы, сука, выколю» таки порвал несчастному крокодилу пасть. Просто вывернул ее наизнанку своими огромными ручищами. Из уст присутствующих на представлении иностранцев вырвался сдавленный стон. Им было жалко животное. И они имели в виду явно не дядюгана… Зато со стороны русских раздались аплодисменты, быстро перешедшие в скандирование имени их непобедимой и легендарной страны: «Рос-си-я! Рос-си-я! Рос-си-я!» Россия победила крокодила. Истосковавшиеся в начале двухтысячных по громким победам русские люди были почти что счастливы…

На шоу слонов, куда мы с женой, несмотря на ужасное крокодилье знамение, имели глупость пойти, вообще чуть не случилась трагедия. Группа веселых и пьяных по обыкновению молодых россиян споила слона. В буквальном смысле слова споила: дали взятку дрессировщику, приперли на арену ящик водки и запузырили в слегка упирающееся животное двадцать бутылок. То ли потому, что слон не закусывал, то ли еще почему, но алкоголь подействовал на него не лучшим образом. Нет, сначала все было достаточно весело, слоник повалился на бок и стал трубить хоботом что-то, по мнению его собутыльников, напоминающее известную народную песню «Ой, мороз, мороз». Молодые люди даже начали слону подпевать, но через некоторое время идиллия закончилась. События стали развиваться по канонам классической русской пьянки: любовь, братание, совместное распевание песен, поцелуи взасос (в данном случае в хобот), вопрос «ты меня уважаешь?», а дальше слово за слово, бивнем по столу, и понеслось… Точнее, понесся слон, не выдержав хамского обращения своих собутыльников. Согласитесь, идея проколоть слону уши и вставить в каждое по российскому флагу – перебор не только по человеческим понятиям, но и по понятиям представителей фауны. Как слон никого не передавил, не понимаю до сих пор, но панику он создал изрядную, разрушил одну из трибун на арене и вызвал немыслимую давку. Мы с женой еле выбрались, а нескольким бедолагам переломали руки-ноги.

С этого момента мы вычеркнули из своего списка все экскурсии с малейшим налетом экстремальности, а также с участием флоры, фауны, рыб и насекомых. Мы даже в сад бабочек не поехали, мало ли что могут придумать наши творчески

одаренные соплеменники. Особенно по пьяни или с похмелюги… Мы решили сосредоточиться на культуре и отправились в храм изумрудного Будды. Храм, казалось бы… Что там может произойти страшного? Может! Все предыдущее по сравнению с храмом выглядело забавной шуткой. Ну да, нажрались, расслабились, вот и учудили. Не пострадал же почти никто… Но простота, как известно, хуже воровства, а русские люди очень простые и простотой своей очень гордятся. Именно эта черта национального характера чуть не привела нас в тайскую тюрьму.

Мы мирно осматривали достопримечательности, центральной из которых являлась десятиметровая статуя изумрудного Будды. Статуя поражала. Будда был толстый, добрый, загадочный и зеленый. Вокруг ходили монахи в желто-бордовых одеяниях и тихо били в маленькие барабаны. Рядом со статуей стоял длинный стол, накрытый крахмальной белой скатертью. На столе в простых железных подставках дымились палочки благовоний. Бедненько, но опрятно одетые тайцы, кланяясь, приближались к столу и скромно оставляли на нем свои нехитрые подарки Будде: яблочко, банан, помидор, яичко. Одна бабушка даже аккуратно поставила глиняную кружку с молоком и вытерла ее для верности платочком. При всей экзотике очень похоже на православную сельскую церквушку. Не я один это заметил. Проходящая мимо русская туристическая группа почти в полном составе истово осеняла себя крестным знамением и била земные поклоны в сторону зеленого истукана. Монахи с буддистским спокойствием взирали на это странное зрелище и продолжали флегматично бить в барабаны. Буддистам, если я их правильно понимаю, практически все на свете по барабану. Но, как показала практика, и их безграничное терпение имело свои границы.

– О, Мань, смотри, шведский стол! – сказал один из набожных русских и решительно направился к белой скатерти с благовониями и яичками.

Он ничего плохого не имел в виду, он не хотел оскорблять чувства местных верующих. Судя по его виду, он просто хотел жрать. Остальные туристы, повинуясь инстинкту знаменитого советского коллективизма, последовали за ним. Людьми овладело радостное волнение. Послышались возбужденные возгласы.

– О, картошечка!

– И молочко есть, парное по ходу…

– Яйца, помидорчики, какие молодцы, а я и не знала, что шведский стол в цену билета входит!

Монахи перестали бить в барабаны, и их узкие глаза стали

широкими. К хрумкающей группе в ужасе подбежал гид-таец.

– Неульзя, поуложите неумедленно, ето дары Будде, неульзя!!!

– Да иди ты в жопу, – беззлобно послал его один из мужиков, запихивая в себя очередное яичко.

– Ишь какой жадный! – поддержала его баба, давящаяся манго. – В цену билета входит, а «неульзя», ишь ты…

– Да-да, – не унимался гид, – неульзя! Будда сердиться! Неульзя, полиция сердиться, неульзя…

– Знаешь чего, – уже более агрессивно прервал гида мужик, любитель яиц, – я тебе сказал, идти в задницу – иди. А то мы сейчас сердиться начнем. Два часа везли нас из гостиницы, дрянью всякой обкуриваете, а пожрать спокойно не даете.

Посчитав свои объяснения исчерпывающими, мужик взял третье уже по счету яичко и понес его к своему жующему рту. Но донести не успел, на его руке повис отчаянно дрыгающий ногами маленький гид-таец. Мужик только слегка повел плечиками, и гид отлетел метра на два. И тогда ближайший к мужику монах, подпрыгнув, надел на его башку барабан.

– Да что же это делается, люди русские?! – искренне возмутился мужик. – Дрянью обкуривают, жрать не дают, так еще и херню свою на голову надевают!

Ударом сверху вниз мощного кулака он впечатал несчастного монаха в землю, и началось… Наших насчитывалось человек двадцать, тайцев раз в двадцать больше. Но сами они были раза в два меньше и раз в десять слабее. В общем, силы были примерно равны. Однако прославленный русский дух не оставлял тайцам шансов. Содрогаясь одновременно от стыда и гордости, словно завороженный я наблюдал за побоищем. Дрались все, даже женщины. Русская женщина коня на скаку остановит, а уж десяток тайцев… Легко. Если бы через несколько минут не приехала полиция, изумрудный Будда стал бы наш! А так… русская тургруппа и мы с женой заодно, как тоже русские, стали их.

В полицейском участке гордость за беспрецедентную стойкость россиян у меня испарилась и остался только стыд. Наконец, разобравшиеся, в чем дело, соотечественники никак не помогали мне его преодолеть. Наоборот, они ни в чем не раскаивались. Мол, тайцы сами виноваты, привезли, не накормили, не объяснили ничего толком, надо было табличку поставить, что это алтарь, святое место, и желательно на русском языке. И потом, что они, собственно, сделали? Ну, попробовали по незнанию сакрального яичка, но это же не повод барабаны на головы надевать… О, эта знаменитая русская простота и не менее

знаменитая искренняя обида на весь мир за то, что никто этой простоты не понимает. Сколько бед принесло это качество России-матушке и сколько еще принесет… Русские люди скандалили, требовали консула и угрожали Таиланду атомным оружием. А мне было стыдно, о чем я и поведал на хорошем английском языке офицеру полиции. Я попросил у него прощения за поведение моих соотечественников, не забыв, впрочем, указать на смягчающие обстоятельства в виде абсолютного незнания ими иностранных языков, местных обычаев, а также их абсолютной искренности, незлонамеренности и дикости. Меня с женой отпустили сразу. Что произошло с остальными, я даже боялся узнавать.

* * *

Экскурсии отпадали, Патайю исходили вдоль и поперек. В гостинице невозможно было находиться. Посещение многочисленных магазинов и торговых центров проблемы не решало. Уж где-где, а там русских более чем достаточно. В основном, правда, женщин. Несколько раз мы встречали гренадерских сибирских жен, они бросались на все блестящее и радовались, как хлопотливые вороны. Особенно их привлекали почему-то магазины для трансвеститов. Всяких блестящих штук, перьев, стразов и боа там валялись целые горы, а то, что все это пиршество для трансов, хотя и было написано крупными английскими буквами на вывеске, но сибирячки голов так высоко не поднимали. Узрев манящий блеск растлевающей мишуры, они словно зачарованные шли на свет и пускали из своих приоткрывшихся мясистых губ длинные тягучие слюни. Смотреть на это было и стыдно, и смешно. Скорее стыдно. Поэтому шопинг, как альтернативное времяпрепровождение, тоже быстро отпал. После завтрака мы уходили на пляж соседнего трехзвездочного отеля и наслаждались обществом нищих и мирных европейцев. Больше там наслаждаться было нечем: пляж галечный, дно каменистое, нечищеное, грязное море, не то что у нас… Но спокойствие – самая дорогая вещь в жизни, и мы наслаждались спокойствием.

Близился Новый год, настроения не было никакого, единственным чудом, которого мы ждали, являлось окончание нашего отпуска. И мечта выйти из него живыми, здоровыми и желательно с не совсем поломанной психикой. Мы даже почти решили не ходить на новогоднюю вечеринку в отеле. Забаррикадироваться в номере, выпить, накрывшись одеялом,

бутылочку шампанского и тихо лечь спать. На всякий случай в ванной… Но капля человеческого достоинства в нас все же оставалась, да и подтверждение поговорки «от судьбы не уйдешь» было продемонстрировано нам в Таиланде неоднократно. И мы пошли…

* * *

Вечеринка начиналась в девять вечера. Забегая вперед, скажу, что это был самый длинный Новый год в моей жизни. Сибиряки категорически отказывались пропускать бой курантов на Красной площади, а он по тайскому времени начинался в шесть утра. Выйдя во двор гостиницы, я увидел приветливо машущего нам рукой Лампу, рядом с ним сидела уже слегка обрусевшая тайская девушка Лю, перекрещенная Лампой в более привычную ему Любку. Интернациональная пара заняла нам места за столиком. Я сначала засомневался, идти ли, но, оглядевшись, увидел, что у бассейна двухместные столики отсутствовали, а Лампа с Любкой сидели за четырехместным. «Мириться лучше со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться», – одновременно вспомнили мы с женой Шекспира и пошли к нашим новым друзьям.

Все оказалось не так страшно, как мы предполагали. Поначалу атмосфера праздника напоминала провинциальный кабак, где собирается местная элита. Элита была, конечно, так себе и состояла в основном из бандитов, похожих на них ментов и вобравших в себя все «лучшее» из предыдущих категорий чиновников, но ее поведение держалось в рамках приличий. Слушали песни Алены Апиной и Маши Распутиной, поднимали тосты за то, чтобы все стояло, цвело и распускалось и еще при этом были деньги, а им за это ничего не было. На сцене выступали факиры, заклинатели змей и шпагоглотатели. В общем, гуляли по-бохатому… Не видевший нас пару дней Лампа с упоением травил байки о своих с товарищами приключениях на таиландской стороне. Приключения в основном заключались в посещениях группой сибирских товарищей многочисленных гоу-гоу в Патайе. Гоу-гоу – это такой тайский стриптиз-клуб, только намного жестче и радикальнее, чем обычно. Где-то на грани акционизма и современного искусства. Я, конечно, и до гоу-гоу осознавал важность женского первичного полового признака в мире. В конце концов, весь мир из этого признака как раз и вышел… Но я даже подумать не мог, что им можно творить такое… Тайские девушки рисовали признаком портреты, пуляли

шарики для пинг-понга, удили рыбу из аквариума, ели и даже разговаривали. Да чего там разговаривали… они песни признаком пели!

– Вот видишь, – выйдя из клуба, ошеломленно сказал я жене, – а у тебя через день голова болит…

– Да… – только и смогла пробормотать не отошедшая от шока жена, – это, конечно… Да…

Ну, если на нас, искушенных москвичей, гоу-гоу произвело такое впечатление, понятно, что простой сибирский парень Лампа находился в полном ауте.

– Даже Любка так не умеет, – говорил он, захлебываясь, – она обещала научиться, но не умеет пока…

Смакуя мельчайшие подробности, он описывал детали выступления тайских мастериц. Как ни странно, пошло его рассказ не выглядел. Он был на самом деле чистым, хорошим парнем, этот Лампа. Просто восхищался возможностями азиатского женского организма и ювелирным владением девушками своим ремеслом. Я думаю, Моной Лизой в Лувре он восхищался бы с тем же посылом. Жена, кстати, моих взглядов на Лампу не разделяла, морщила от его рассказов лоб и затыкала уши. После одной из его историй мы чуть не поссорились. Я заржал как подорванный, а ее замутило, и она убежала в туалет. Вернувшись, отозвала меня в сторонку и заявила, что я точно такое же быдло, как и окружающие меня сибиряки. Я ответил, что за всех не скажу, но Лампа отличный, чистый в своей основе парень и иметь такую же основу, как у него, я совсем не против. На следующий день жизнь нас рассудила. Как всегда, странным и парадоксальным образом…

* * *

С каждым рассказом Лампы и очередной порцией выпитого алкоголя настроение мое ползло вверх. Уже и Алена Апина с Машей Распутиной не казались мне такими вульгарными. А чего, нормальные тетки, родные, свои в доску, русские, заводные такие… И сибиряки эти тоже ничего на самом деле ребята, вон как смешно рассказывают… Только из злого шепота жены я узнал, что стремительно деградирую и превращаюсь в животное. Но я с ней не согласился.

– Не нужно быть снобом, – сказал я ей, икая. – Все беды русской интеллигенции от присущего ей врожденного снобизма. А нужно быть ближе к народу. Вот я, например, уже ближе. Сейчас еще выпью и совсем сольюсь.

– Че? – не врубился услышавший мою речь Лампа.

– Через плечо! – ответил я простонародно. – Давай выпьем лучше. Как вы там говорите? За то, чтоб было и стояло!

Я почти слился и с шутками-прибаутками встретил Новый год по московскому времени. Потом по новосибирскому, потом еще по какому-то… К наступлению тайского Нового года я был сильно пьян, поэтому признаки надвигавшейся трагедии заметил не сразу. А они имелись… Даже крепкие сибиряки подустали праздновать пятый час подряд. Лица их расплылись, а с уст все чаще срывались бессмысленные вопросы типа «ты меня уважаешь?» и «в чем сила, брат?». Потом куда-то подевались их гренадерские жены (как выяснилось впоследствии пошли переодеваться), и между пальмами зашелестел легкий матерок. Лампа и его тайская подруга Любка оживленно беседовали, причем естественный между ними языковой барьер куда-то подевался. Смутно помню, что общались они на какую-то возвышенную тему вроде родства русской и тайской душ, используя исключительно матерные выражения. Жена тянула меня за рукав и умоляла уйти в номер. В резервации у уличного туалета пустые столы заполняли оплатившие новогодний ужин европейцы. Они озадаченно слушали странную тайскую, скорее всего, фольклорную музыку в исполнении Апиной и Распутиной, с опаской взирали на расплывшиеся от пятичасового пьянства рожи русских и, видимо, хотели сбежать, но свойственная европейцам рациональность вкупе с бережливостью не давали им этого сделать. А когда минут за сорок до Нового года началось выступление щупленьких мастеров тайского бокса, в воздухе ощутимо запахло агрессией. Ох, не надо было перед носом пьяных сибиряков махать кулаками. Как быка красной тряпкой дразнить… Несколько мужиков встали из-за стола и попытались прорваться на хлипкий ринг, чтобы показать узкоглазым недомеркам, что значит настоящая русская драка. Охрана отеля хоть и с трудом, но пока еще с ними справлялась…

Признаков имелось много, и только такой вконец спившийся и слившийся с народом типичный постсоветский интеллигент, как я, мог их не заметить. Меня не удивил даже внезапно потухший свет и тайский джаз-банд, лихо урезавший разбитной марш. Вход в гостиницу осветили прожектора, и из него…

Прежде чем написать, кто из него вышел, мне бы хотелось прояснить свои взгляды на природу смешного. Без такого комментария все дальнейшее может выглядеть бессмысленным, тупым ржачем. Наверное, нужно было сделать это раньше, но лучше поздно, чем никогда. Смех, по моему мнению, это оборотная сторона ужаса. Когда наблюдаемые события не

поддаются осознанию, когда они чудовищны, нелогичны и противоестественны, организм наблюдателя на некоторое время зависает, начинает мелко вибрировать, и возникает смех. Смех – это способ избавиться от перегрева, путь перезагрузки логики и законов природы. Компьютер при перезагрузке гудит и шумит вентиляторами. Человек смеется.

Ну, вот теперь, когда все необходимые пояснения даны, я могу продолжать. Освещенные прожекторами, под лихой марш тайского джаз-банда из отеля вышли жены и подруги менеджеров авиакомпании «Крылатая Сибирь». Они хотели сделать сюрприз своим мужчинам, и это им более чем удалось. Дородные сибирские королевы вышагивали в воистину королевских нарядах. Только вот куплены они были по незнанию и широте русской наивной души в магазинах для трансвеститов… Блистающие стразами в лучах прожекторов платья огромными декольте обнажали мощные сибирские груди. Страусиные хвосты и кокошники из павлиньих перьев гордо реяли на ветру. Кокетливые фиолетовые, желтые и зеленые боа обвивали крепкие шеи. Латексные леопардовые, золотые и серебристые сапоги-чулки до середины бедра делали длинные ноги еще длиннее, а немыслимой глубины разрезы ниже талии являли ошеломленному миру монументальные крупы. Сочетание невероятных одежд, гренадерских форм сибирских женщин, лихого марша и света прожекторов буквально взорвало зрителям мозг. Я тоже почувствовал, как сквозь мой треснувший череп улетают во вселенную последние, разорванные в клочья мозги. Оркестр закончил играть туш, женщины в лучах прожекторов живописной группой застыли недалеко от сцены, и наступила тишина. В этой абсолютной, прерываемой лишь шелестением перьев и позвякиванием стразов тишине в мою пустую, без мозгов голову проникла первая после шока рациональная мысль: «Они, наверно, опустошили все отделы для трансвеститов. Как же теперь трансы будут выступать в своем шоу?» Я испуганно огляделся по сторонам. По всей видимости, у большинства присутствующих мысль была одна и та же. Лишь менеджеры авиакомпании «Крылатая Сибирь», замерев в немом восторге, восхищенно глядели на своих жен и подруг. А потом в тишине раздался одинокий смешок, к нему присоединился еще один, потом еще… Через секунду ржали все, кроме менеджеров. Щуплые тайские боксеры сложились пополам и упали на ринг, официанты, уронив подносы, сползали по стволам гладких в Таиланде пальм, европейцы в своей резервации у уличного туалета тыкали в бедных русских женщин пальцами и ожесточенно гоготали, дрыгая руками и ногами. В их смехе

чувствовались ненависть и месть за все нанесенные сибиряками обиды. Хихикала даже покорная тайская раба Лампы Любка, за что мгновенно и получила нехилую затрещину от своего Аладдина. Мне тоже очень захотелось смеяться, защекотало горло, завибрировали внутренние органы, глаза полезли на лоб, и на них навернулись слезы. Но я был русским, и это многое объясняло. Я знал, что нельзя. Во имя продолжения моей жизни и моего рода на земле нельзя. Русский мужчина может как угодно унижать, обижать и даже бить свою рабу, но если на его святое право делать все это посягнет кто-нибудь другой… Знаменитое Ледовое побоище Александра Невского – самая слабая аналогия, приходящая на ум в этом случае. Я посмотрел на сидящую рядом жену, она, чтобы не засмеяться, грызла кисти рук и, похоже, испытывала те же эмоции. Она тоже все понимала… Евлампий-Лампа-Аладдин медленно поднялся со стула, молодецки повел плечами и, уже уходя, тихо бросил в нашу с женой сторону:

– Бегите, вам не нужно этого видеть.

По всему двору пятизвездочной гостиницы вздыбливались из-за столов шкафообразные фигуры сибирских мужчин и тоненькими ручейками стекались к сцене, где расположился ринг с тайскими боксерами. Ну, правильно, с тактикой у нашего народа всегда был полный порядок. Сначала следовало вырубить профессионалов…

Я вышел из оцепенения, схватил за руку жену и потащил ее к выходу. Убегать следовало как можно быстрее. Я догадывался, что сейчас произойдет, в таких случаях чем дальше находишься от эпицентра событий, тем лучше. Может ведь и случайно прилететь. Как говориться, лес рубят – щепки летят… Мы выбрались из гостиницы и несколько минут, не оглядываясь, бежали, взбираясь на небольшой пригорок. Почувствовав себя в безопасности, тяжело дыша, остановились и все-таки обернулись. Поле боя лежало перед нами как на ладони. Далековато, конечно, зато видна вся диспозиция сразу. К этому моменту самое интересное было уже кончено. Русские, как всегда, победили и стаскивали тела, а возможно, и трупы врагов в бассейн посередине двора. Подсвеченная фонарями голубая вода бассейна медленно становилась красной. Слава богу, брошенные в бассейн тела не тонули. Значит, живы, и обошлось без смертоубийства… Стоя на холме, не в силах пошевелиться, мы смотрели на сюрреалистическое зрелище. Победители тем временем, перебросав всех врагов, сгрудились в кучу и устроили минутное совещание, по окончании которого произошло странное перестроение. Русские люди изобразили нечто вроде цепочки, опоясывающей бассейн. Замкнув цепь, они взялись за руки и на

секунду замерли. Мизансцена очень напоминала какой-то древнерусский обряд празднования победы над ворогом. Я занервничал: как так, почему не знаю, я же сам из России? В следующее мгновение все прояснилось. Я был не так уж далек от истины. Обряд. Причем древнерусский. Взявшиеся за руки люди начали водить хоровод. Ветер сквозь треск цикад донес до нас слова песни: «…в лесу родилась елочка, в лесу она росла, зимой и летом стройная, зеленая была. Вот такой ширины, вот такой высоты, зеленая была…» Песня вдруг прервалась, но быстро началась по новой, только к голосам русских людей присоединился хор загнанных в бассейн иностранцев: «…вот такой ширины, вот такой вышины, зеленая была…» Не веря своим ушам, осененные отблесками от сибирских королев, наряженных в платья трансвеститов, мы смотрели с холма вниз. Победители бесчеловечными методами заставляли басурман учить русский язык. Мне показалось, что я заметил, как несколько мужиков разомкнули круг и справляют в бассейн малую нужду. Мне даже показалось, что парочка женщин присела на край бассейна и… А может, мне только это показалось. «…вот такой ширины, зеленая была…» Я взглянул на часы, Новый год наступал. Вот именно в эту самую секунду и наступал новый, 2003 год.

– С Новым годом… – потрясенно сказал я жене.

– С новым счастьем, – ответила мне она.

* * *

До утра мы мотались по шумно отмечающей праздник Патайе, и нигде нам не было покоя. Мы заходили в бары, выпивали пару местных дрянных коктейлей и шли в следующее заведение. Какая-то неведомая сила гнала нас вперед. Жена много плакала и многого не понимала. Я не понимал вообще ничего. «За что?» – постоянно задавали мы себе, друг другу и равнодушной вселенной недоуменный вопрос. За что нам все это, мы всего лишь хотели тепла и солнца посреди бесконечной зимы. Мы мечтали урвать крошечный кусочек иной, непохожей на нашу и, видимо, не предназначенной нам жизни. Но мы же не навсегда, мы бы вернулись, обязательно вернулись, и стерли бы улыбки с наших загорелых лиц еще на паспортном контроле, и месили бы привычную грязь сапогами на толстом меху, и были бы собранными, готовыми к труду, обороне, дефолтам, ограблениям, инфляции, дефляции, плевкам в рожу, ссанью в глаза, божьей росе, борьбе с Западом, дружбе с Востоком, единению с севером, ссоре с югом, к взлетам и падениям, к зависанию в воздухе на

ребре, мы были бы готовы. И не удивлялись бы ничему, и привыкли снова к великой простоте русского народа, и к своей собственной простоте. И даже к тому, к чему привыкнуть нельзя, мы бы привыкли. Это вовсе не побег, просто маленький отпуск, всего лишь короткие каникулы… Мы что, слишком многого хотели? Проклятые пальмы… и море проклятое… и солнце… На их фоне привычная мерзость выглядела особенно контрастно. И не отпуск у нас вышел, а еще более глубокое погружение в концентрированную и уже почти не замечаемую в обыденной жизни грязь. Господь указал нам наше неприглядное место, буквально ткнул в него носом и дал понять, что выхода нет. Нигде. Никогда. Живите, если сможете…

Мы посетили пару десятков баров, мы видели людей всех рас и национальностей, некоторые из них были пьяны, многие вели себя неподобающим образом, буянили, блевали, ссали на улице и дрались. Но в поведении ни одного из них не имелось и следа того инфернального ужаса, который буквально бил фонтаном из родных нам соотечественников. В поведении иностранцев был просто алкоголь, химический процесс, ослабляющий тормозные и контролирующие центры в мозге. Животные, конечно, но милые такие, резвящиеся от сытости и благоприятного климата зверушки. В отличие от них жизнь русского человека до краев наполнена неразгаданной тайной, там еще что-то копошится внутри этой загадки, что-то настолько великое и ужасное, что и разгадывать это не хочется, а наоборот, хочется немедленно убежать подальше, напиться, забыться и, возможно, даже умереть. Лишь бы не разгадывать…

Убежать нам не удалось, алкоголь не облегчал, а усугублял наши страдания. Жена много плакала, под утро не выдержал и расплакался я. Это было уже на городском пляже, где мы прилегли отдохнуть на жесткие без матрасов шезлонги. Так и заснули, обливаясь горячими пьяными слезами. Несмотря на крайнюю степень опьянения, ласковый ветерок с моря и сладкие тропические запахи от расположенного неподалеку парка орхидей, никогда раньше я не чувствовал столь явственно экзистенциальный ужас бытия. Честно говоря, никогда позже я этот ужас не чувствовал сильнее тоже…

Похмелье было жутким, но слегка сглаженным необычным пейзажем вокруг. Продрал глаза, ощутил взрыв в раскалывающейся на мелкие кусочки голове, и тут же вместе со взрывом ворвались в мою бедную голову южное солнышко в безбрежном голубом небе, шум зеленых морских волн и белый, невесомый, похожий на кокаин песочек пляжа. «Хорошо», – неожиданно подумал я, но сразу вспомнил вчерашний день и

передумал: «Плохо». Посмотрел на жену. Она походила на симпатичную бомжиху, по старой памяти еще пытающуюся сохранять человеческий облик. На кого походил я, представить было страшно. Пошатываясь, доползли до кромки моря, умылись теплой соленой водичкой. Легче не стало. После того, что произошло вчера, в гостиницу идти было боязно. В лучшем случае там сейчас полиция и разборки. А в худшем… В угаре сибиряки могли ее и полностью захватить. А чего, взяли бы в заложники сотню-другую европейцев и обслуживающего персонала, подняли бы на крыше триколор и объявили Тайско-Сибирскую Народную Республику. С них станется… Тогда тем более не нужно. Беда в том, что в отеле находились документы, деньги и одежда. С собой была только случайно завалявшаяся в кармане джинсов карточка. Но осталось ли на ней после вчерашнего похода по барам хоть что-нибудь, далеко не факт. «Вот так реально и становятся бомжами», – подумал я, и вчерашний экзистенциальный ужас бытия вернулся ко мне снова. Зато похмелье от ужаса мгновенно прошло, и я попытался мыслить рационально. Не на многое меня хватило. Ужас, усиленный традиционной похмельной пугливостью, мешал сосредоточиться. «Заховаться где-то надо, зашухариться, лечь на дно, спрятаться, отсидеться, а там видно будет», – пульсируя, ходила по кругу одна и та же казавшаяся разумной мысль. Я огляделся, увидел густую пальмовую рощу невдалеке и всерьез обдумывал идею залезть на высокие деревья, укрыться пальмовыми листьями и затаиться. Слава богу, вслух не высказал. Жена, видимо, тоже обдумывающая наше незавидное положение, меня опередила.

– А помнишь, нас в порту зазывали на однодневный круиз по необитаемым островам? – спросила она неожиданно. – На яхте белой, я еще не хотела, а ты сказал, что зря, стоит сущие копейки и красиво, как в рекламе «Баунти». Поедем, а? Там душ, наверное, есть и покормят…

Я вспомнил. В покинутом номере валялся рекламный буклет. Правда красиво и правда, кормили. Каждый день ровно в одиннадцать утра корабль отходил от пристани, а возвращался в одиннадцать вечера. Я посмотрел на часы, было без двадцати одиннадцать…

– Бежим! – крикнул я жене, и мы побежали.

* * *

Всю дорогу я мысленно молился, чтобы первого января

матросы не взяли выходной, и чтобы мы успели, и чтобы денег на карточке хватило. Все срослось: корабль отправлялся в плавание как обычно, мы успели, а денег на карточке оказалось тютелька в тютельку. Уже убирали трап, когда мы, счастливые и запыхавшиеся, ворвались на палубу. Держась за поручни с несказанным удовольствием, мы наблюдали удаляющийся берег. Все… кончились безумие и инфернальный русский ужас, не бомжи мы больше, а цивилизованные белые люди, почти европейцы, и ждет нас теплый душ, сытная еда, холодное пиво. И все это, заметьте, в обществе таких же цивилизованных белых людей. С ними можно расслабиться, от них не стоит ожидать сюрпризов, они не захватят корабль и не станут пиратствовать в Южно-Китайском море, не объявят на яхте народную республику имени ЕС, не загонят меня избитого в бассейн… От полноты чувств я поцеловал жену, похвалил ее за блестяще поданную мысль насчет круиза и попытался внушить ей веру в будущее.

– Ничего, дорогая, когда мы вернемся, все уже успокоится, заберем вещи и переселимся в другую гостиницу. Надо было сразу уехать, ты, как всегда, оказалась права…

В ответ жена благодарно пожала мне руку. Мы еще немного понаслаждались зрелищем удаляющегося берега, а потом решили пойти подкрепиться в бар.

Первый, кого мы увидели, обернувшись, был Лампа. Я даже не поверил сначала, протер для верности глаза, думал, с похмелья почудилось, возлагал большие надежды на возможную белую горячку… Но это был действительно он, а за ним я с ужасом разглядел еще несколько десятков знакомых, опухших с похмелья рож. По какому-то чудовищному недоразумению пассажиры корабля более чем на три четверти состояли из менеджеров авиакомпании «Крылатая Сибирь». Жена рефлекторно сделала движение в сторону моря, я так же рефлекторно ее удержал. До берега уже было несколько километров… Поздно.

– Санька, живой, выбрался?! – искренне удивился Лампа и на радостях бросился ко мне обниматься. От него перла такая позитивная, простая и чистая энергия, что я невольно ощутил по отношению к нему нечто похожее на братство. Как будто мы однополчане, товарищи по оружию и раскидало нас снарядами в жестоком бою, и не чаяли мы уже увидеть друг друга живыми, однако же увиделись, и скупые мужские слезы падают на наши мужественные скулы… Я устыдился собственного нелепого ощущения и, чтобы взять себя в руки, сухо спросил:

– Да мы здесь так… случайно, а вы какими судьбами?

– Ой, че было… – мечтательно закрыл глаза Лампа, но с

видимым усилием очнулся и резко крикнул в глубь корабля: – Любк, подь сюды! – Через секунду из ниоткуда нарисовалась его тайская подруга. – Вот видишь… – несколько смущаясь, сказал он, – с собой взял… Она, конечно, местная, и ей ничего не будет, но все же… Прикипел я к ней, к сучке узкоглазой… – Лампа покраснел, запнулся и вдруг неожиданно, как строгий, но гордящийся умениями своего питомца хозяин, рявкнул команду: – Любка – пиво! – Тайка исчезла и невероятным образом почти мгновенно появилась вновь с тремя банками холодного «Карлсберга» в маленьких ручках. – Все понимает, – гордо похвастался Лампа. – Только сказать не может, как собака, ей-богу. Умнее даже.

– Спасибо, – ошеломленно хором произнесли мы с женой.

– Позалуста, – опровергая утверждение Лампы о своей немоте, ответила Любка, с достоинством поклонилась и отошла в сторонку. Ее Аладдин влюбленными глазами проводил свою подругу, откупорил «Карлсберг», с наслаждением отхлебнул, крякнул и начал свой короткий рассказ.

– …Значит, загнали мы этих ушлепков юмористических в бассейн и стали водить хороводы. Весело так было – обхохочешься. Эти «В лесу родилась елочка» поют, слова коверкая, а мы уссываемся. Некоторые в прямом смысле слова, прямо в бассейн. Я, конечно, этого не одобряю, но и мужиков понять можно – душу отводили, стресс снимали после драки. А не фига над бабами нашими глумиться. Они старались, наряжались, сюрприз мужикам сделать хотели. И красивые такие были на самом деле, а эти… педерасты… ничего они не понимают в женской красоте, гомики опущенные. Ну вот… короче, водим хороводы, никого не трогаем. Чинно все так, благородно, как на утреннике в детском саду, и вдруг… Трах, бах, тарарах, взрывы, слезоточивый газ, сирены, в общем, Содом и Гоморра, светопреставление, и ОМОНа местного батальон ветром надуло. Мужики по пьяни не сообразили даже, в чем дело, сразу, попытались отпор дать. Куда там… у них стволы, двоих наших, суки, ранили… Легко, правда. И тогда старший наш, ну, мажоритарный акционер то есть, крикнул, чтобы мы бежали в порт, отсиделись там и поплавали денек на кораблике, а он все, мол, решит. Ну, мы и побежали. Да не ссы, Санька, старший у нас голова, он непременно с узкоглазыми договорится. С чеченами и то договорился, а тут какие-то шпындрики желтокожие… Дорого, конечно, встанет, это не нас с парторгом из участка выкупать, тут парой штук не обойдешься. Ну, отдаст им в крайнем случае кукурузник какой-нибудь в качестве компенсации. А зато весело, никогда я так весело Новый год не гулял. За такое веселье и

кукурузника не жалко. Скажи же, Сань, весело?

Я посмотрел на счастливого, с фингалом под глазом и порванной рубашкой Лампу, увидел позади него таких же счастливых, с синяками и ссадинами мужиков, заметил рядом с ними сибирских королев в платьях для тайских трансвеститов. С их нарядов осыпались стразы, мишура облетела, страусиные и павлиньи перья были выщипаны, косметика на их лицах поплыла, но королевы тоже излучали счастье и неимоверную гордость за своих мужиков. Я еще раз внимательно оглядел соотечественников. Они не помещались в моей голове. Не вязались с белой яхтой, синим морем и благообразными европейцами в майках Polo. Они были больше всего этого. Больше моей бедной, переставшей понимать что-либо головы. Больше и страшнее… Я посмотрел на них с трепетом и тихо ответил своему сибирскому другу Лампе:

– Это было весело. Очень.

* * *

Второй серии не случилось, самые худшие наши предположения не сбылись. Нет, конечно, русские оккупировали все лучшие места на яхте, но вели при этом себя, можно сказать, даже скромно. Устали, видать, за бурно проведенную минувшую ночь. Да и европейцы особо права не качали. Во-первых, их было меньше, а во-вторых, сложные похмельные рожи восточных дикарей не вдохновляли на дискуссии о правах человека. Возможно также, что слухи о новогоднем крещении западных туристов в бассейне нашей гостиницы уже распространились по Патайе. Даже нелепые наряды сибирских королев не вызвали никакой реакции. Иностранцы просто старательно отводили глаза и сосредоточенно смотрели в море. Счастливые люди сами не понимали, от чего их спасла знаменитая европейская толерантность. Когда солнышко стало припекать, сибиряки не выдержали и обнажились. Купальных костюмов ни у кого не оказалось, поэтому зрелище получилось не для слабонервных. Могучие мужики с округлыми пузцами, вываливающимися из семейных трусов, и не менее могучие сибирские королевы в кружевном нарядном белье. Из рюшечек и бантиков дам периодически вываливались фантастических размеров груди и попы. Многие были в стрингах. Даже я не выдержал и стал все чаще поглядывать в море. А иностранцы, наоборот, совсем перестали смущаться. Не знаю, в чем тут дело, возможно, они приняли такое поведение за особый род привычного им нудизма.

В России, по сложившемуся стереотипу, холодно, снять шубу уже подвиг, вот и загорают дикие русские в белье. А может, прав оказался все-таки Лампа, и педерастов среди них оказалось большинство. Как бы там ни было, круиз проходил мирно, и ничего не предвещало грядущей катастрофы.

В принципе это было самое приятное похмелье в моей жизни. Корабль каждый час останавливался в райских песчаных лагунах и бухточках. Дрессированная Любка таскала из бара «Карлсберг» и вареных крабов. А мелькающие перед глазами туда-сюда роскошные тела сибирских купальщиц в мокром, облипающем их формы кружевном белье создавали в чем-то даже эротическую атмосферу. Я не выдержал и тоже разделся. Только жена моя еще сопротивлялась установившимся на яхте моральным нормам и загорала в джинсах. Что ж, за нравственную стойкость я ее когда-то и полюбил. «Жизнь, несмотря на весь экзистенциальный ужас, прекрасна». Лениво думал я, потягивая пивко. «Вот оно море, вот оно солнце, вот они удивительной, глянцевой, рекламной почти что красоты островки и лагуны. Вот женские тела в кружевном мокром белье, буквально вопящие о торжестве жизни и ее непременном продолжении. Вот разомлевшие от солнышка и пива мужики, выпустившие всю накопившуюся в них агрессию и ставшие снова похожими на глупых и озорных десятилетних мальчишек. Все имеет две стороны. За днем непременно наступает ночь, после тепла становится холоднее, за жизнью следует смерть. Когда-нибудь и мы, русские, успокоимся, научимся себя вести, перестанем ссать в бассейн и начнем отличать моду трансвеститов от скромной, сдержанной, но на самом деле более качественной и дорогой европейской одежды».

В этих успокаивающих душу и совесть мыслях прошла большая часть дня. Только иногда какой-то, видимо, сидящий во мне черт толкал меня под ребра и издевательски шептал:

– Ага, научатся и успокоятся… Конечно, научатся, если только по простоте своей великой мир раньше не грохнут. Ведь могут же грохнуть мир по простоте, сам знаешь, что могут. Могут? Могут? Могут?

Я переворачивался на другой бок, черт затихал, и снова в голове возникали баюкающие мысли о двух сторонах и цикличности всего сущего. Так прошел день, а около пяти вечера капитан по громкой связи объявил, что последняя наша стоянка завершена, он поднимает якорь и идет домой в Патайю. Послышался лязг цепи, но через несколько секунд на носу яхты что-то задымилось, почти поднятая цепь с грохотом рухнула вниз, и кораблик несильно, но ощутимо тряхануло. Русские вообще не обратили внимания на происшествие, расслабленно нежились на

нежарком уже солнышке, флегматично попивая коктейли. Реакция же иностранцев, на мой взгляд, была чрезмерна. Они дружно взвизгнули, и со всех сторон послышались слегка театральные Jesus и God.

«Слишком хорошо живут, – неодобрительно подумал я. – Вот и боятся всякой ерунды. То ли дело мы, и жить невыносимо, и умирать не страшно». Спустя немного времени капитан попросил прощения за маленькое техническое недоразумение и заверил, что проблема будет решена в течение часа. На носу корабля закипела работа. Европейцы подуспокоились, но, когда еще через полчаса работа прекратилась, напряжение вновь стало нарастать. В конце концов группа здоровенных англичан в наколках пришла в бар и уперла из него несколько ящиков бутилированной воды. Русские ответили тем, что конфисковали весь имеющийся на борту алкоголь и оставшуюся воду. Капитан молчал, напряжение нарастало. Европейцы опустошили полку с гамбургерами и, боясь, что еду у них отнимут, принялись поглощать ее ускоренными темпами. Капитан молчал. Я понял, что до греха остались миллиметры, и закрыл лицо руками. «Опять, – подумал обреченно, – опять начинается, за теплом пришел холод, вслед за днем наступила ночь, вот тебе и цикличность, вот тебе и философия…» Я уже готовился к очередному побоищу, прикидывая место, куда лучше спрятаться, но ситуация вдруг разрешилась парадоксальным и самым неожиданным образом. Жизнь в очередной раз доказала, что она лучший сочинитель и ни один писатель не способен потягаться с ней фантазией… Европейцы давились своими гамбургерами, сибиряки недобрыми взглядами провожали их хлеб насущный в их же желудки. Вот-вот должно было грянуть… но тут один из мужиков весело, по-гагарински улыбнулся, махнул рукой и, хитро прищурившись, сказал.

– Да ладно, пускай едят! Им же хуже, а нам лучше.

– Это почему же нам лучше? – угрюмо спросил его сосед, уже настроившийся на драку.

– Так ведь вкуснее будут, – совершенно серьезно ответил мужик. – Припрет – сожрем, свиней вон, говорят, одним холестерином для вкуса кормят. Вот и они гамбургеры лопают. А не припрет, опять им плохо, сдохнут раньше времени от холестерина.

Несколько секунд мрачные мужики переваривали шутку, а потом взорвались смехом. Подобрели сразу, снова повалились на шезлонги, а один из них все тыкал пальцем в испуганную пышную европейку и, брызгая слюнями, визжал, заходясь от гогота: «Точно сожрем… лопайте, лопайте, дураки… я лично вон

с той начну… с аппетитненькой… с доек ее сладких…»

Женщина, на которую он показывал пальцем, вдруг побледнела и прошептала что-то своей подруге, та, изменившись в лице, склонилась к уху стоявшего рядом супруга, и пошел по рядам европейцев гулять испуганный шепоток. Я расслышал два слова: Russians и еще одно похожее на коммунизм, но не коммунизм точно. Вперед вышла группа здоровенных татуированных англичан. «Сейчас начнется», – подумал я, но из-за спин англичан неожиданно вылетела женщина с огромным бюстом и, бухнувшись перед любителем сладких доек на колени, запричитала на почти чистом русском языке.

– Мильенький, нье ешь меня. Я своя, я есть славянка фром Поланд, у меня деток трое в Гданьск, и мама старый! Нье ешь, мильенький, ради матки боски и сына ее Джезуса, нье ешь, мы жье славяне. Ты лучшье их ешь сначала, англишьей этих. Они враги, я ньет. Ради матки боски сначьала их…

– Cannibalism, cannibalism… – возмущенно запричитали, к их счастью, не знавшие русского языка англичане, и мне стало понятно, какое слово я перепутал с коммунизмом. Полька билась в истерике, обцеловывая ноги ошеломленному шутнику и любителю больших бюстов. Он покраснел, стоял, не зная куда себя девать, оглядывался беспомощно по сторонам и все время бормотал одну фразу:

– Да вы чего, ты чего, мать, совсем охренела? Я же пошутил, пошутил просто…

– Нье правда, – не унималась полька, – я слышьал. Ви русский злой, и ви русский добрый. Ви танки к нам присылать, ви бить нас, но ви спасать нас от дойч. Матка боска, я свой, мы славян нье ешь, англишь ешь, умоляю!!!

– Да пошутил, пошутил я… – в отчаянии повторял мужик, но слова его на польку не действовали. И когда ситуация совсем зашла в тупик, на сцену вышла одна из сибирских королев. Решительно выпятив грудь в кружевной сбруе, она нагнулась над полькой, подняла ее и прижала к своему тоже немаленькому бюсту. Их груди встретились, дух у присутствующих мужчин всех национальностей перехватило. Даже у воинственно настроенных татуированных англичан отвисла челюсть.

– Да козлы они все! – громовым басом успокоила польку бойкая сибирячка. – Что ты, дурочка, мужиков не знаешь? Козлы и дебилы. Но чтобы баб жрать… Это перебор. Это ты не бойся… Я им сожру, я им так сожру, без яиц, козлы, останутся, а с рогами только. Не плачь, глупая! Все будет хорошо…

Полька с надеждой посмотрела на сибирскую королеву, обмякла и залилась обильными, но легкими слезами человека,

смертельная опасность для которого миновала. И началось братание. А точнее, сестрение. Нерусские женщины бросились к русским и принялись рыдать на сестринских грудях. Русские сестры гладили их по головам и шептали успокаивающие слова. Мол, ничего, прорвемся, жрать никого не будем, баба бабу всегда поймет. А мужики, конечно, козлы, причем все и во всем мире. Мне кажется, женщины, несмотря на языковой барьер, прекрасно понимали друг друга. По крайней мере, насколько я мог судить, европейки по-английски тоже говорили, что мужики козлы. Кстати, некоторые особо шустрые из их мужчин под сурдинку попытались утолить печали на русских грудях. Но сибиряки были на страже и точечными тычками быстро вразумили перешедших границы хитрецов.

Я глядел на вторую уже за сутки сюрреалистическую картину и поражался разнообразию жизни. Первая картина была ночью в бассейне гостиницы, где дрожали униженные иностранцы, загнанные туда моими озверевшими соотечественниками. А вторая разворачивалась прямо сейчас. Мир, дружба, любовь, жвачка… Хотя могло обернуться и по-другому. Причем оба раза. А что будет в третий раз, если он будет, даже представить себе сложно.

Третий раз не замедлил последовать. Переполох среди пассажиров наконец разбудил капитана-тайца. Он незаметно вышел на палубу и, дождавшись успешного разрешения конфликта, решил сказать речь.

– Дамы и господа, – произнес он лучезарно по-американски, улыбаясь и чудовищно коверкая на тайский манер английские слова. – Я рад, что вы успокоились, но ваши волнения совершенно напрасны. Да, поломка оказалась более серьезной, чем мы предполагали. Сгорел двигатель якорной цепи. Своими силами мы починить не можем, а значит, и не можем вернуться домой. Но помощь нами уже запрошена, и максимум к утру придет ремонтный корабль. Воды и провизии у нас хватит на несколько дней. В качестве компенсации за неудобства наша компания предлагает вам скидку на следующий круиз в размере пятидесяти процентов.

Русская часть пассажиров встретила речь капитана бурным ликованием, а европейцы возмущенно загалдели. Еще бы, после вчерашнего побоища лишнюю ночь отсидеться подальше от Патайи для сибиряков было совсем не лишним. А для привыкших к комфорту европейцев ночь в стиле Жюля Верна являлась почти что катастрофой. С их стороны посыпались вопросы. А нельзя ли отпилить этот факинг якорь? А может быть, врубить двигатели на полную катушку и вырвать его? Или вытащить его вручную

силами команды? Прежде чем ответить на каждый вопрос, капитан долго совещался со своими помощниками. Нет, отпилить нельзя, потому что на судне есть любые инструменты, кроме напильника. Он вообще сомневается, что такой напильник или ножовка существует в природе. Двигатели врубить можно, но есть риск, что в результате оторвется не якорь, а нос корабля. И, наконец, вручную вытащить шестидесятиметровую железную цепь совершенно невозможно, потому что она весит несколько тонн и это не в человеческих силах.

Не то чтобы ответы капитана всех удовлетворили, но делать нечего, и пассажиры начали постепенно расходиться. Русские – радостно, европейцы – тихо про себя шепча молитвы и проклятия. И тут пришла беда, откуда не ждали. На весь корабль завизжала благим матом обрусевшая тайская подруга Лампы Любка. Она реально вставляла в свой смешной тайский язык русские матерные слова. Английские ругательства, впрочем, она вставляла тоже. Смотреть на это было страшно. Не сама языковая смесь поражала, а то, что тихая, забитая Любка посмела возвысить голос. Да еще до такой немыслимой высоты. Значит, случилось действительно что-то ужасное… А когда Лампа стал орать на свою покорную рабу, используя столь же причудливый языковой коктейль, испугались все, даже многое повидавшие сибиряки. О, если бы я мог привести здесь этот лингвистический шедевр дословно… Нобелевская премия по литературе – это самое малое, чем бы могло вознаградить меня благодарное человечество… Но разговор Лампы и Любки покоился на мощном фундаменте русской нецензурной лексики, а человечество не так благодарно, как мне хотелось бы… В общем, в кратком переводе того же Лампы суть разговора заключалась в следующем:

Любка, как единственная на корабле пассажирка-тайка, сумела случайно подслушать разговор капитана со своими помощниками. И ужаснулась. Тайский капитан оказался вруном, негодяем и подлецом. Никакой помощи он не запросил, потому что рация на корабле сломалась еще неделю назад, а на новую денег не нашлось. Яхта находилась в ста двадцати километрах от ближайшего обитаемого берега, и маршрут ее никому не был известен. Потому что вокруг Патайи находились тысячи островов, а капитан развлекался тем, что каждый раз заходил на новые, никого о маршруте не уведомляя. На данный конкретный остров, где мы стояли, капитан не заплывал уже несколько лет. И вообще, вряд ли кто-нибудь когда-то заплывал. Провизия и вода на корабле почти закончились. Негодяй капитан и его трусливая команда всерьез опасались диких русских, разумно предполагая, что если они кого и начнут жрать, когда все выяснится, то не

пассажиров, а их. Поэтому, посовещавшись с командой, подлый капитан принял решение: усыпив бдительность пассажиров сладкими речами, под покровом темноты погрузиться на единственную шлюпку и отдаться на волю волн. Потому что их, волн, воля гораздо милосерднее воли этих диких русских.

Лампа еще не закончил говорить, а капитана и команду уже били. Вот на этот раз я не возражал. Били их, безусловно, за дело. Чуть сам не поучаствовал в наказании. Жена в последний момент буквально повисла на мне и помешала осуществить возмездие. Некоторые горячие головы из сибиряков, вспомнив пиратские романы, даже предлагали повесить капитана на рее. И я думаю, что не повесили только потому, что реи на корабле не нашли. К счастью для капитана, у него была моторная яхта. Ограничились тем, что связали избитую команду и бросили ее в трюм.

Конечно, в избиении тайских младенцев принимали участие одни лишь русские. Европейцы, которым потрясенная полька перевела суть случившейся катастрофы, ударились в окончательную и бесповоротную истерику. Многие пали на колени и молились, некоторые хаотично бегали по палубам и орали нечто нечленораздельное. Несколько человек, убоявшись разбушевавшихся русских, решили спрятаться, а один старичок, ветеран холодной войны, с криком «Русские идут!» даже бросился с палубы в море.

Когда дым от битвы рассеялся, стало очевидно, что тяжкое бремя спасения утопающих и терпящих бедствие легло исключительно на русские плечи. Европейцы кое-как держались на плаву лишь благодаря добросердечным сибирским королевам. Они прижимали их к своим теплым сибирским грудям и, как могли, утешали. Говорили, что подлые тайцы получили свое по заслугам, а гнев русских людей цивилизованных и ни в чем не виноватых народов никак не касается. Говорили, что все пустое, потому что мужики их обязательно что-нибудь придумают. Они, даже когда на «Крылатую Сибирь» ФСБ наехало, решили вопрос, а якорь… да тьфу, растереть и плюнуть… Неважно, что они говорили. Сам тон их, сама мелодика их речи действовали на находящихся в шоке людей благотворно. Даже татуированные красные, обгоревшие англичане подползали к ним ближе и слушали, не понимая ни слова, их успокоительные тирады.

Однако и русские мощные плечи к вечеру порядком устали. Ночное побоище в гостинице, бегство от тайской полиции, суточное непрекращающееся пьянство и, наконец, катастрофа и подлое предательство команды яхты сделали свое дело. Мужики сидели на лежаках, бухали из горла разнообразный алкоголь и мрачно курили. Что делать, было неясно. Некоторые, решив, что

утро вечера мудренее, прилегли на шезлонги и решили вздремнуть. Лишь Лампа пытался успокоить противно ноющую на одной ноте и повисшую на нем Любку. В конце концов он понял бесполезность этого занятия, отшвырнул тайскую подругу на лежак и пошел на нос корабля проветриться. Там неподалеку от якорного отсека он увидел забытую матросами кувалду. Постоял, покурил немного, а потом взял кувалду в руки и начал крушить корабль. Некоторое время к нему никто не подходил. Он разбил палубу, добрался до якорной цепи, ухватился за нее руками и стал, постанывая, тянуть ее на себя. Один из мужиков не выдержал и все-таки к нему подошел.

– Ты чего делаешь, братан? – спросил осторожно.

– Любка плачет, – сквозь зубы и сквозь стоны ответил Лампа, продолжая бесполезно тянуть цепь на себя. – Сматываться отсюда надо.

– А-а-а… – сказал мужик и вернулся к своим товарищам.

Через минуту все сибирские мужики тянули цепь. Даже я встал в общую колонну и, стирая в кровь руки, по команде Лампы тащил ее на себя.

– Эх, раз, еще раз, давай, поднажали, давай, давай, еще немного, сама пошла, давай, родимая… – подбадривал и заклинал Лампа. Мы старались изо всех сил. Ведь Любка плачет. Это была самая важная и главная причина, почему мы так старались. И цепь поддалась…

По сантиметру, по чуть-чуть, по совсем незаметному расстоянию она начала вылезать из воды. Оранжевое солнце медленно тонуло в море. Вокруг был потрясающий, выворачивающий душу наизнанку тайский закат. Но мы этого не замечали. Обдирая до кровавых мозолей ладони, мы тащили цепь. Потому что Любка плачет…

Кто-то запел «Дубинушку», и остальные, сами удивляясь, откуда берутся давно забытые, казалось, слова, подхватили песню:

Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Подернем, подернем
Да ухнем!

Посреди потрясающего заката. Недалеко от райской лагуны, в ста двадцати километрах от не нашего берега, в не нашем Южно-Китайском море раздавалась наша песня. Никогда я не чувствовал себя более русским. Ни до, ни после. Никогда я настолько не хотел им быть и не испытывал такого счастья

оттого, что им являюсь. Я слился, окончательно слился с этим быдлом. С этим великим и непостижимым быдлом, и нисколько не жалел об этом. Я слился с ним по одной простой и очень ясной причине. Потому что плакала Любка…

Европейцы с ужасом и трепетом смотрели на нас, но никто, даже татуированные бугаи англичане, не попытался нам помочь. Это же невероятно, невозможно, цепь весит много тонн, и человеку вытащить ее не под силу. У них было много аргументов, и все они были рациональные и правильные. Но у них не было того, что было у нас. Они не чувствовали, как плачет Любка. Они не ощущали боли брата нашего Лампы оттого, что она плачет. А мы чувствовали и ощущали. И поэтому цепь по сантиметру, по маленькому звену, царапая свои металлические бока, выползала наружу.

– Ну, мы же говорили! – ликовали сибирские королевы, поглаживая головы европейских сестер. – Мы же говорили, что мужики что-нибудь придумают. Вот, вот, вот такие у нас мужики!

В хоре их голосов я различал голос своей жены, она тоже гладила какую-то бельгийку и тоже говорила: «Вот, вот, вот такие у нас мужики!»

От голосов наших королев цепь тянулась легче. Как будто действительно сама шла. Как в песне, которую мы пели посреди не нашего Южно-Китайского моря:

Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пошла!
Подернем, подернем
Да ухнем!

…Мы ее почти вытащили. Оставались последние несколько метров. Но тут цепь натянулась и перестала поддаваться. Видимо, якорь зацепился за корягу. Мы сделали все правильно и красиво, мы сделали все, что могли. Больше, чем могли… Но силы человеческие имеют предел, а силы природы беспредельны. Мы перестали петь «Дубинушку» и призвали на помощь темную энергию русского мата. Но и темная энергия не смогла одолеть силы природы. Цепь не поддавалась. Ни в какую… И тогда мы, еще держа ее в руках, рухнули на палубу и глухо застонали. Это неправильно, несправедливо, вселенная должна вознаграждать подвиги. Ведь Любка же плачет… В стоне валяющихся рядом мужиков мне даже послышался какой-то позорный, недостойный звания настоящего сибиряка всхлип… Не мне одному он послышался, сибирские королевы перестали утешать своих подруг, оборвали хвалебные оды русскому мужчине, и на корабле

установилась тишина. Лишь стоны и кряхтение отчаявшихся мужиков слышались в ней. И еще позорный тоненький всхлип…

И тогда бойкая королева, спасшая польскую сестру от поедания, подскочила к нам, уперла руки в бока и неожиданно тихим голосом сказала:

– Эх вы, а еще мужики… – Она смолкла, и нам стало стыдно, но королева не успокоилась, голос ее окреп, усилился и громом загрохотал над нашими опущенными головами. – Какие же вы, на хрен, мужики? Бабы вы, как эти… – Она кивнула в сторону татуированных англичан. – Сдались, разнюнились, плачете. Ну, если вы бабы, то я сама. Отойди, пусти, сама я! – Она вырвала у ближайшего мужика цепь и стала тянуть ее на себя. И запела красивым звонким бабьим голосом: «Эх, дубинушка, ухнем, эх, зеленая, сама пошла…» Побросав обалдевших европейцев, к ней присоединились другие сибирские королевы. К ней присоединилась даже моя жена, и все они вместе пели: «… подернем, подернем да ухнем!» И тянули проклятую цепь. Мужики медленно, по одному начали вставать с палубы и из последних не оставшихся уже сил тащили неподдающиеся железные звенья на себя. И чтобы не сойти с ума от боли в ободранных ладонях, они тоже хрипло выдыхали тягучую и страшную бурлацкую песню: «… подернем, подернем да ухнем!» Женские и мужские голоса слились в невероятно мощном, бросающем вызов вселенной созвучии и… И цепь поддалась.

Мы вытащили этот проклятый якорь. Мужики развязали избитого капитана и под конвоем проводили его в рубку. Он завел двигатели, и яхта отправилась в Патайю. Буйный тропический закат почти умер, лишь на линии горизонта потемневшее небо освещали оранжевые и фиолетовые всполохи. Обессиленные, мы сидели на носу корабля и любовались красивым зрелищем. Молчали. Мой самый длинный в жизни Новый год заканчивался. Он был веселым, суматошным, позорным, парадоксальным и грустным. Как и вся наша жизнь. Но и он заканчивался. Как и вся наша жизнь…

Мужчины в семейных трусах, с вываливающимися пивными животиками, женщины в обтрепавшемся кружевном белье смотрели на умирающий закат и думали, казалось, об одном и том же. «Как и вся наша жизнь…» – думали они. И вдруг среди плеска волн в наступившей уже темноте послышался тихий, но очень наполненный понятной и известной всем русским печалью голос. На самом носу яхты, обнимая одной рукой успокоившуюся Любку и глядя на погибший закат, пел Лампа:

По диким степям Забайкалья,

Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.

Другие тихие голоса подхватили песню, и общий слившийся голос стал совсем не тихим. Он легко перекрыл и шум волны, и гул работающих двигателей яхты. Он заполнил собой все. И звучал сильный, грустный, широкий, как море…

Бежал из тюрьмы темной ночью,
В тюрьме он за правду страдал,
Идти уже дальше нет мочи,
Пред ним расстилался Байкал.

Я не пел. Я смотрел на поющих русских людей, и из моих глаз текли слезы. «Дураки мои любимые, – думал я. – Дебилы мои родные, быдло мое ненаглядное, какие же вы все хорошие. Да, невоспитанные, да, агрессивные и иногда злые, но свои в доску, родные, любимые…» А люди под шум волн продолжали петь:

Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбацкую лодку берет
И грустную песню заводит,
О Родине что-то поет.

«Да, Сибирь, – думал я. – Суровый край, где тайга закон, а медведь прокурор. Но крылатая, черт возьми… крылатая Сибирь. И воспарит она еще на радость всему человечеству. И таких высот достигнет, которых даже вообразить себе трудно. Ведь уже парила. Написала великие романы Толстого и Достоевского, создала Пушкина и Чайковского, Гагарина к звездам запустила. Вот из таких же точно русских мужиков и баб они вышли. Потому что хоть и дикие мы люди, но великие, наверное… Может, самые великие на свете. И воспарит, обязательно еще воспарит наша „Крылатая Сибирь“. Не может не воспарить, ведь если есть крылья, не летать нельзя…» Тут проснулся дремавший во мне черт и язвительно заметил:

– Ага, воспарит, конечно, воспарит, парили уже однажды, а потом рухнули. Чуть весь мир своим коммунизмом не придавили. И сейчас рухнут, ты что, не видишь, сколько тяжелого, грязного и мерзкого в твоих великих людях. Давят их к земле, и они всю землю давят. Задавить они хотят землю простотой своей и

величием. Ты чего, не видишь?

Я хотел ответить ему, что вижу, но это ерунда, потому что хорошего, доброго и сердечного в них больше. Я многое хотел ему ответить… Но не успел. Песня грянула с новой силой, и черт заткнулся сам по себе.

Бродяга Байкал переехал,
Навстречу родимая мать.
«Ах здравствуй, ах здравствуй, родная,
Здоров ли отец мой и брат?»

«Отец твой давно уж в могиле,
Землею засыпан лежит,
А брат твой давно уж в Сибири,
Давно кандалами гремит».

Песня закончилась. Все снова замолчали. На душе стало тоскливо и хорошо. Так бывает, поверьте, когда тоскливо и хорошо.

– Смотрите, звезда! – вдруг сказал Лампа, и все подняли головы вверх. На небе действительно зажглась крупная первая звезда. Что-то в ней было необычное, слишком крупная, что ли, слишком ласковые и греющие душу у нее были лучи. Я встал и посмотрел на любующихся звездой сибиряков. Они улыбались. Их головы были подняты в небеса, лица их просветлели, успокоились и стали похожи на детские. Я тоже перевел взгляд на звезду, и, хотя точно знал, что до Рождества еще несколько дней, да и верующим назвать себя не мог, но все равно, улыбаясь и радуясь непонятно чему, я произнес древнее красивое слово.

– Вифлеемская, – сказал я, и тоска из моей души куда-то ушла.

Антон Чиж
Будет что вспомнить

Больше терпеть нельзя. Новый год – не каторга для послушных сыновей. Они, в конце концов, превратились в самостоятельных мужчин. Ну, почти самостоятельных. Проживание у родителей с маминым супами не считается. Проживание – временное. А какая разница, где есть суп? Это личное дело каждого мужчины. Главное – мы уже не мальчики, которым под бой курантов позволяют бокал шампанского. Один за новогодний вечер! Требуем два как минимум. Да и вообще…

Нечто такое или близко к тому крутилось в неокрепших мозгах двух молодых людей накануне праздника. Людьми этими являлись я и Макс.

Удачно пройдя сквозь перестройку до половины 90-х в диком расцветете сил, мы с Максом страдали от глубоко вросших в нас шкур «хороших мальчиков». Я был просто хороший мальчик, который уже, вы только подумайте, работает на телевидении. Макс представлял собой хорошего мальчика без вариантов. Других в интеллигентной еврейской семье не водилось. Макс честно делал все, чтобы не быть им: пошел служить во флот, начал курить, стал мастером соблазнений (по его словам, которым все верили). Он лез из кожи вон. Кожа не отпускала. Я тоже налегал, как мог, но мамины супы были сильнее.

Между тем, не подумайте, у нас двоих за плечами имелся один брак, закончившийся разводом, и одно проживание в гражданском браке, закончившееся разъездом. С какого конца бутылку открывать, мы знали не понаслышке. Но все это не то. Скучно, пресно, нафталинно. Короче говоря, жить так дальше было нельзя. А еще стыдно было перед телеколлегами, которые не вылезали из случайных связей и порой засыпали лицом в гранитную набережную. Нам с Максом не получалось испачкать чистые костюмчики чем-нибудь по-настоящему взрослым. На душах у нас скребло: пора-пора окунуться в грязную действительность.

Новый год являлся рубежом, за которым светила настоящая жизнь, полная приключений и прочих гадостей. Его надо было перешагнуть любой ценой. Для этого мы составили план: что делать после боя курантов в первую ночь 95-го года. В план наш входило, во-первых… Ну, пока не время об этом.

– Надо отметить так, чтобы было что вспомнить, – сказал Макс.

Я не спорил. Планку одолеть, а если не сдастся – взять силой. И вообще надо прожить так, чтобы остались яркие воспоминания. Особенно про новогоднюю ночь.

В наших планах особая надежда возлагалась на приобретение Макса: красную машину. Ну, красной она выглядела в тех местах, где не ржавая. А машиной называлась по техпаспорту. Проезженные лета и разный люд довели ее до околелого состояния. «Фольксваген», одним словом. Макс потратил на это ведро все скопленные деньги плюс то, что добавил папа. Ну, какая разница, сколько папа добавил. Добавил немного, почти все. Зато у Макса появилась первая взрослая машина. На ней мы дадим жару в новогоднюю ночь. Друг так рвался за руль, что не помнил, где находились его права. Если они вообще были. Ничего, в Новый год и так сойдет. Гаишники добрые, потому что пьяные. Как и весь народ.

Так вот, ближе к нашему плану счастья.

Сигануть в настоящую жизнь, то есть просто смыться еще до полуночи, нам было трудновато. То есть стыдно перед родителями. Мы сговорились, что встретим со стариками, как полагается, глотнем шипучего и отчалим в ночь свершений. Макс заедет за мной около половины первого, и тут уж никаких отговорок быть не может: мальчики рванут во взрослую жизнь без прав и тормозов.

Все началось складно. Отгремев бокалом и пригубив застольное изобилие, я объявил родителям, что «мне пора». Под изумленным маминым взглядом заставил себя встать из-за стола. Папа сделал вид, будто ничего не случилось, ребенок взрослый, пусть поступает, как считает нужным, если ему наплевать на традиции семьи. Отгоняя от себя совесть, я позорно бежал в морозную ночь. Как ни хорохорился, вместо чувства свободы я ощущал себя последним негодяем, который испортил родителям любимый праздник. Я бежал, как картежник, сжигая мосты и оставляя за собой пепелища. Нет, Максу за нашим столом, конечно, нашлось бы место, и нам даже разрешили бы напиться. Но я бы упал ниже ватерлинии в своих глазах. Нет, бежать, бежать…

Металлолом Макса заехал на тротуар, как буксир, застрявший на мели. Сам приятель, сияя победной физиономией, курил в окно. Ветер возвращал сигаретный дым обратно в салон.

– Ну, как прошло? – спросил он, отмахиваясь.

Я сказал, что легко и без проблем.

– Вот-вот, и я чудом сбежал, – согласился он. – Поехали?

Вырвав из сердца корни сыновней любви, как полагается мужчине, я сказал, что теперь нам одна дорога: только вперед.

Надо же что-то вспоминать в унылую старость.

Мы ехали по пустынным заледеневшим улицам, закиданным грязным снегом. В новогоднюю ночь, Макс был в этом уверен, на частном извозе можно сшибить бешеные деньги. Это и значилось первым пунктом плана. Идея казалась блестящей. Вот только очередей голосующих не наблюдалось. Куда-то они попрятались. Макс крутил баранку, источая уверенность, что на нас рухнет водопад денег, багажника не хватит, чтобы складывать купюры. Его вера материализовалась: на темном перекрестке нам отчаянно махал дядечка.

Макс вжарил по тормозам. Я успел выставить ладони, чтобы не проверить лбом трещину лобового стекла. Ремней в машине не имелось. Зато дядечка находился в приподнятом настроении. Ему надо было в конец Петроградской стороны. Макс подмигнул мне и задрал тройную цену. Дядечка согласился сразу. И плюхнулся на заднее сиденье. Начало оказалось положено.

Ехали мы своеобразно. Только ночь скрывала Макса от правосудия. Пассажиру было все равно. Он цвел в той стадии праздника, когда все представляется милым и смешным. Разговор между нами «на всякий случай» об оружии, из которого мы любим палить, дядечка пропустил мимо ушей.

На финише гонки я обманул тормоза. Я был готов. И уперся в бардачок. Макс отжал ручной тормоз и оглядел темный дом с пятнами окон.

– На месте… – с интонацией прожженного водилы сказал он.

– Ребята, а у меня денег нет! – обрадовал дядечка.

Сказал так честно и просто, с такой светлой и беззлобной улыбкой, что мне захотелось пожелать ему счастливого Нового года и отпустить с миром. Пусть человек празднует. Макс имел другое мнение:

– Надо платить, – заявил он. Будто прятал пистолет.

– Денег нет… – повторил дядечка. – Все спустил. Есть три бутылки шампанского. Две – ваши. Ладно?

Мой локоть проверил ребро Макса.

– Ладно уж, Новый год, прощаю… – сказал друг, сохраняя лицо и принимая бутылки. – Ух ты, французское…

И правда: шампанское было из Шампани. Не советское. Тогда еще редкое. Не спирт «Рояль», которого было хоть залейся.

Дядечка пожелал нам счастья, хлопнул дверью, отчего в моторе что-то упало, и исчез в закоулках своей жизни. Где-то он теперь…

– Поездку уже отбили, – сказал Макс, засовывая бутылки за кресло. – И это только начало.

Наш боевой конь отправился утюжить ночь. Выехав на

Большой проспект, Макс заметил поднятую руку.

– О, клиент! – обрадовался он.

Вид пассажира был сомнительный. Особенно в темноте. Особенно его рост. И спортивное сложение.

– Ты уверен? – спросил я.

– Чего бояться: нас же двое?

Вопрос имел много ответов. Ни одним из них воспользоваться не пришлось. Макс притормозил раньше. Ночной пассажир распахнул дверцу. Вблизи он казался куда неприятней, чем издалека. Вид однозначный, конкретный такой видок: с бритым черепом, в короткой кожанке.

– Пацаны, бомбите?

– Ну… – весомо ответил Макс, ничего не замечая. От жадности.

– До площади Александра Невского подкинете?

Макс залепил цифру оглушительную. Мне захотелось рвануть дверь и дать по газам. Жаль, что за рулем был не я. Лысый согласился без торга. Влез на заднее сиденье и вдавил колени мне в спину. От него не пахло выпитым.

Разговор не вязался. Пассажир хранил сухое молчание. Зато Макс блеснул и довез с шиком, уходя от заносов и презирая красный свет. Пока за боковым стеклом не нарисовался адрес.

– Здесь, что ли? – спросил мой приятель, поворачивая шею.

Чтобы заглянуть в дуло пистолета.

– Молоток… – похвалил лысый, щелкая затвором. – Водила ты первоклассный. Давай гони…

– Чего гнать? – спросил Макс, зачарованно разглядывая вороненую дырку.

– Бабки… Цену сам назвал. Тебя за язык не тянули.

Когда посреди новогодней ночи в нос упирается ствол, мысли о том, что он газовый, или в нем нет патронов, или надо вступить в яростный бой, как подобает настоящим мужчинам, не приходят в голову. Столбняк пробрал нас до копчиков. Макс полез в карман и заметно трясущимися пальцами нашел кошелек, который подарила ему мама. Там было меньше половины откупного. Пассажир согласился и на это. Только ради праздника. Не спуская нас с линии огня, он мягко скользнул из машины.

– С Новым годом, пацаны! Счастья вам! – крикнул он и растворился во тьме.

Макс спрятал ненужный кошелек.

– Надоело что-то кататься, – сказал он. – Народа маловато…

Я не стал мучить пацана вопросом: хватит ли ему теперь историй на десятилетия скучной жизни, пока не умрет, или еще кого подвезти? Чтобы наверняка остаться без машины. Лично у

меня градус воспоминаний приближался к точке кипения. И как же хорошо сейчас дома…

– А поехали просто так, на Дворцовую. Погуляем…

Гулять на Дворцовой площади в новогоднюю ночь 95-го было развлечением, в котором отчаянная глупость переходила в тяжкую дурь. Петербуржцы, еще недавно ленинградцы, до такого не могли додуматься в кошмарах. Что делать ночью на Дворцовой? Это же не белая летняя ночь, а черно-зимняя!

– Ты уверен? – спросил я, желая отодвинуть грань безумия.

– Да все нормально. Там найдем кого-нибудь…

– Макс, ты не напутал: новогодняя ночь, мороз, темень, Дворцовая? Кого ты хочешь найти?

– Девчонок! – твердо ответил мой друг.

Девчонки! О да… Святая наивность…

Что делать, пора признаваться и каяться: девчонки в новогоднюю ночь, снятые на улице, – это был второй, но главный пункт нашего гениального плана. Случайное знакомство. Быстрое и яркое, как бенгальский огонь. Их двое и нас двое. Нет ничего лучше, чем вспоминать такое в тихой старости. Гарантом того, что нас ждут удача и яркие воспоминания, являлся, разумеется, Макс. Он давно и упорно рассказывал о своем таланте мастера соблазнений, от которого нет спасения никому. Особенно девушкам зимней ночью. Он так уверовал в это, что убедил и меня. Ну, талант у человека, бывает же такое счастье.

– Вперед, маэстро. Жми, – сказал я.

А что я должен был сказать? Честно залепить другу, что в случае провала брошу его в ночи и побегу домой пешком? Нет уж… Вместе так вместе.

Дворцовая превзошла худшие ожидания. Редкие фонари тонули во мраке колодца между Зимним дворцом и Главным штабом. Правее Александрийского столба торчало драное дерево, на котором болталась дюжина облезлых шаров. Около елочки добрый человек развел костер из ящиков. Языки пламени гнул ветер. По серому снегу метались обезумевшие тени. Вокруг костра с гиком и визгом несся хоровод молодых и пьяных.

– А что, весело тут, – сказал Макс, глуша мотор.

Я не стал спорить.

Мы выбрались наружу. Оказалось, в машине было тепло. Ледяной ветер накинулся на легкую добычу. Хотелось одного: скорее забиться обратно. Мой запас оптимизма стремительно таял.

– Попляшем? – спросил Макс, пряча нос за воротник куртки. Шапку он не носил принципиально.

– Вперед, морячок. Я машину постерегу.

Дилемма для Макса была ужасная: мерзнуть из принципа или поддаться голосу разума. От неминуемой простуды его спасло провидение. Или Дед Мороз. Уж не знаю. Невдалеке показались две фигурки, идущие против ветра, как баркас в шторм. Держались друг за дружку из последних сил.

– О! А вот и девчонки!

Макс оказался прав: это были они самые, родимые. Парочка, занесенная зимней бурей. Как раз то, что надо. Не теряя времени, мы прыгнули в машину, мотор завелся сразу. Заложив лихой вираж под фонтан снега, Макс подрулил к ночным барышням и поехал рядом в скорость шага.

– С Новым годом! – крикнул он. – С новым счастьем!

Девочки переглянулись, захихикали. Начало было положено. Макс, или король соблазнения, открывал мастер-класс. Публика в моем лице пребывала в нетерпении.

– Слушайте, а давайте к нам! Чего мерзнуть?!

На высший пилотаж это не походило. Девочки не спешили юркнуть в тепло.

– У нас французское шампанское, отметим Новый год! Давайте! Ну, чего вы!

И задняя дверца гостеприимно распахнулась. Прямо на ходу.

Таланту Макса помог мороз. Как бывает только в России. Бедняжки замерзли настолько, что уговаривать себя дольше не заставили. И чудо случилось. Мы нашли посреди пустого новогоднего города целых двух девушек. Они согласились к нам сесть. Что-то теперь будет. Нет, не так: теперь точно что-то будет…

Макс представил себя и меня, не забыв сообщить, что мы работаем на телевидении. Девочки, мелко подрагивая, отходя от мороза, назвались Мариной и Викой, обе студентки. Наш статус медиаперсон им глянулся, все-таки не бандиты или банкиры паршивые. Не сбавляя напора, Макс вытащил бутылку и, чтоб дамы не сомневались в его рыцарстве, предъявил этикетку: французское. Свинтив пробку и пены не излив, он откупорил мастерски. И тут оказалось, что стаканов-то нет. Совсем. И взять их негде.

– Будем пить по-морскому! – заявил Макс и показал пример, как лить бесценное шампанское в горло. – С Новым годом!

Бедняжкам хотелось тепла любой ценой. Каждый глоток возвращал их к жизни.

– Моя – Марина, – буркнул Макс, не оставив мне выбора, и продолжил громко: – Дамы, куда поедем?

– А давайте на Васильевский, к заливу! – предложила Вика. – Там красиво.

Что может быть красивого в непроглядную ночь над белым пологом льда, трудно вообразить. Но желание дамы являлось законом. В такую ночь – тем более.

По дороге Макс блистал рассказами о героических походах военного моряка. О том, что море он видел из каптерки матросского клуба, кто знал – помалкивал рядом. Шампанское брало свое, девочки тряслись на ухабах и разбитых рессорах, мелко хихикая. Обстановка теплела, оседая на стеклах морозным узором.

Залив встретил мраком. Диким везением машина не увязла в сугробах, которые не убирали с основания города. Из тьмы ветер бросал в лобовое стекло оплеухи снега. Желающих насладиться красотами Балтики снаружи не нашлось. Макс предложил тост за любовь. Девочки разошлись мелкими хохотушками.

– А давайте ко мне! – предложила Вика. – Я тут живу недалеко. Квартира пустая, родители к бабушке уехали. Наготовили всего, отметим Новый год по-человечески.

Я невольно подумал, что у Макса на самом деле талант или звериное чутье. Его взгляд сиял победой. Вот оно: девочки, пустая квартира, полный стол. Просто Новый год какой-то…

– Я только сбегаю, кое-что приберу, и сразу обратно, за вами… – Вика застенчиво улыбнулась.

Макс потребовал, чтобы я проводил девушку до дома, но Вика отказалась: чего провожать, вон ее высотка виднеется. Белый утес многоэтажного дома и правда торчал из тьмы. Вика обещала обернуться минут через пять. И исчезла за сугробом.

Через час Макс встревожился.

– Может, заблудилась? – спросил он меня.

– Или родители вернулись, – предположила Марина.

– Все, пойдем. – Макс выключил двигатель, согревавший нас.

– Куда пойдем?

– К подруге твоей. Ты же знаешь, где она живет. Даже если родители свалились, хоть за столом посидим с ними до утра…

И тут новогоднее чудо лопнуло упавшим шариком.

Марина не знала, где живет Вика. Она не знала ее фамилии. Она вообще ее не знала. Познакомились на Невском пару часов назад и пошли гулять вместе, чтобы не так страшно было.

– Я из Москвы приехала, – сказал Марина. – Хотела у вас Новый год встретить весело, чтобы было что вспомнить. А у меня на вокзале деньги украли и записную книжку с адресами друзей. Только билет остался. Пришлось по улице гулять… Или у вас это проспектом называется…

– Это было динамо, старик, – сказал я, распираемый мудростью.

Макс молчал, переживая провал великого соблазнителя. От второго после Казановы он плавно рухнул в самый конец рейтинга. Так сказать…

– Ребята, отвезите меня на вокзал… – тихо попросила Марина. – У меня поезд скоро… Пожалуйста… Простите меня… Я не динамо. Просто так вышло, само собой…

Марина была маленькая, грустная, одинокая и несчастная в эту веселую ночь. Московская девочка в диком северном городе. Где вьюга и мрак. И призрак Достоевского, чего доброго, подстерегает с топором за углом.

Что оставалось делать? Не стал мужчиной – будь джентльменом. И тому подобное…

Макс долго крутил зажигание, наконец усталый мотор, фыркая и дергаясь, нашел в себе силу движения. Он газанул так резко, что дряблый «Фольксваген» нырнул в сугроб по самые фары. Макс на нервах дал задний ход, словно за ним гнался призрак Гоголя в шинели. Стало хуже. Колеса забуксовали жалобно и окончательно.

– Все, приехали. – И Макс сотворил со своей любимой машиной ужасное: саданул по баранке.

– Что же теперь делать? – тревожно спросила Марина.

– Толкать что будет сил.

Мы вылезли под шквал ветра. Утопая в снегу коленями, мы с Мариной налегли на передний капот, водитель, или мастер соблазнений, уперся в дверцу. Кто-то должен был сдаться: сугроб или ржавый немец. Нам повезло: машина крякнула и выпала из ловушки. Не чувствуя рук, я заполз обратно. Марина дышала тяжело, но не жаловалась. И не плакала. За что мы с Максом были ей благодарны.

Чуток поиграв с нашими нервами, мотор завелся. Дорожа таким подарком, Макс ехал мирно, послушно вставая на пустых перекрестках. В целом, добрались хорошо, потому что молча. Темы как-то исчерпались.

Пустой Петербург, голый и холодный, махал фонарями и гонял зяблые призраки наступившего года. У Московского вокзала мерзли одинокие такси.

Мы проводили Марину до самого вагона, чтобы ее опять не обокрали. Макс хотел распить на перроне оставшуюся бутылку, но его порыв пропал зря. Я был сыт по горло. Зато девушка улыбнулась только ему и попросила телефон и адрес. Она обязательно позвонит, и напишет, и еще раз приедет. Чтобы посмотреть город вдвоем и все такое… Весной, на белые ночи. Наверняка, она обещает. Макс вырвал из записной книжки листок. Марина спрятала его в кармашек осеннего пальто. И о

чем только думала, дуреха, приезжая в этом в Северную столицу? Взрослая, а ведет себя как ребенок, честное слово. Куда родители смотрят…

– Ребята! – сказала она торжественно, со слезой. – Спасибо вам за все. Вы устроили мне замечательный, великолепный, незабываемый Новый год! Это просто чудо! Я его никогда не забуду! Расскажу всем в Москве – не поверят, что у вас такое возможно. Новый год в Ленинграде – просто сказка…

– В Петербурге… – поправил Макс.

Она крепко чмокнула его в щеку и забежала в вагон. Мы подождали, пока поезд не отошел от платформы. И по старинке помахали вслед. Все-таки Петербург – город не только плясок у костра на Дворцовой, но и столица хороших манер. Таких, как у нас с Максом. Будь они прокляты…

– Куда девать это? – спросил Макс, помахивая шампанским.

Я напомнил, что моя мама будет рада видеть нас даже под утро. С шампанским или без. На что Макс возразил, что его мама будет еще больше рада такому счастью. Но я жил ближе к вокзалу, а у Макса не осталось аргументов и бензина.

– Поехали! – наконец скомандовал я.

Уставший и разгромленный мастер соблазнений не возражал.

На привокзальной площади дорогу нам преградила барышня в дырявых чулках, дыхнув одеколоном с бормотухой.

– Молодые люди желают отдохнуть? – Она кокетливо подмигнула, теряя клок прически.

– Ты не представляешь, как молодые люди хотят отдохнуть, – сказал Макс. И протянул ей бутылку. – С новым счастьем, подруга…

Привокзальная дама протрезвела и приняла бутыль, словно родное дитя.

– О, вот это роскошь! Это мне? За что, мальчики?

– Потому что Новый год, – ответил Макс.

– Будет что вспомнить, – добавил я. – С Новым годом вас…

И мы пошли к машине.

– Никому ни слова, – сказал Макс, захлопывая дверцу. – О том, что было…

– А что было? Мирно катались по ночному городу, – сказал я. – Хорошо встретили Новый год. Приятные люди, приятные впечатления. Только и всего.

Разве не так?

Мария Садловская
Колин подарок

Несмотря на зрелый возраст, она верила, что новогодние праздники обладают неким волшебством. Верила искренне.

Перед очередным Новым годом (а это был самый любимый ее праздник!) доставала с антресолей ящик с елочными игрушками и любила их пересматривать. Некоторые сохранились еще с детства. Их она особенно берегла. Вот две штучки, аккуратно завернутые в папиросную бумагу. Бумага пожелтевшая, ведь она еще с того времени! Одна игрушка с надписью… Но и без надписи понятно, что там, в бумаге.

В детстве она еще ничего не знала о волшебстве и мечтала когда-нибудь получить на Новый год елочку в подарок… Пусть самую маленькую или хотя бы веточку. Только чтобы живую, настоящую! Чтобы пальцы липкие, запах, которым никак не надышишься, и пусть даже иголки колются!

В той местности, где она жила, елки не росли. Раз в году, за неделю до праздников, привозили по разнарядке из района большую елку, единственную на все село, ставили ее в сельском клубе на сцене и закрывали клуб на замок.

Часть веток снизу обрезали и украшали ими арку, где на высоте пяти метров висел большой портрет вождя народов. Ветки привязывали по периметру арки. Особо тщательно прикрепляли веточки вокруг портрета. Ниже, уже без веток, красовался на красном полотнище написанный белой краской лозунг: «Пусть живет и процветает…» и так далее.

И нигде даже маленькой, случайно оброненной веточки не найдешь! Девочка любила елки – большие и маленькие. Маленькие елочки были похожи на деток. Они казались ей таинственными, она фантазировала, что это заколдованные принцы и принцессы. Дали бы ей хоть одну такую маленькую… Она собирала открытки с елками, уже была целая пачка. Когда появлялась хоть какая денежка – бежала на почту, куда перед Новым годом завозили новые открытки.

Однажды, когда их третий класс выступал на Новый год в клубе, она своровала маленькую веточку, отломила от большой елки на сцене. Сунула за воротник платьица – больше спрятать некуда. А потом расчесала всю шею, мать ругалась.

Сейчас, в канун новогоднего праздника, она вспоминает тот

Новый год.

Их четвертый класс готовился для выступления в клубе. Учили стихи, песни. Ей, как отличнице, поручили маленький, на полстранички, доклад на патриотическую тему. Учительница написала. А она выучила наизусть. Сын учительницы, Коля, зубрил стихотворение, которое должен был рассказывать после ее доклада.

Все девочки в классе были влюблены в Колю. И неудивительно – мало того, что сын учительницы, но он еще и не задавался, не участвовал в драках, девчонок не дразнил, как другие, был вежлив. И все это несмотря на насмешки остальных пацанов. Кстати, отличником он не являлся. Ко всем девочкам Коля относился одинаково, не выказывая предпочтения никому. Это вносило еще больше интриги.

Конечно же, девочка была влюблена в Колю. Но если все остальные ее подруги в открытую говорили об этом, она – ни-ни! Никто не догадывался, что Коля ей нравится. И даже наоборот – она небрежно заявляла соседке по парте, Зине:

– Что в этом Кольке вы все находите? Тоже мне – учителькин сыночек! Тьфу!

Однажды, в канун новогодних праздников ей пришлось вместе с Колей идти домой из школы. Они после уроков оставались оформлять стенгазету. Сначала шли молча. Когда поравнялись с уже украшенной ветками аркой, девочка остановилась и, мечтательно глядя на ветки, с сожалением проговорила:

– Была бы эта арка хоть чуть пониже!

Коля с удивлением спросил:

– А зачем? Тебе какая разница?

– Я бы смогла одну ветку оттуда взять. Знаешь, как хочется поставить в комнате и игрушечку на нее повесить? И руками можно трогать… Вон, Колька, гляди! Около портрета, какая красивая! Даже с шишечкой!

Колька задрал голову, затем оглянулся вокруг – никого. Сгустились сумерки, зимой темнеет рано. Светло было лишь от снега. В то время на улицах электрического освещения не имелось. Мальчик бросил портфель прямо в снег около девочки и решительно подошел к столбу арки.

Она тогда испугалась:

– Колька, а чего ты хочешь делать? Ты что, туда полезешь?!

А он уже молча карабкался по столбу наверх. Девочка стояла внизу, задрав голову, и с каждым взмахом его руки у нее что-то ухало внутри. Вот Колька остановился, стянул зубами рукавицы,

по очереди с каждой руки – они ему мешали, и бросил вниз, на снег. Она быстро подобрала рукавицы, заботливо отряхнув от снега, и так и держала их, прижав двумя руками к груди. А парень, как обезьяна, уже взобрался на самый верх… Это было так высоко! Девочка смотрела снизу, и Коля ей казался совсем маленьким… Хотя бы не упал!

– Коля, держись покрепче, не упади!

А Коля не отвечал, он пробирался поближе к вождю. Вот вытянул одну руку, взялся за ветку, на которой шишка (она единственная такая!), и потянул на себя. Второй рукой держался за перекладину.

Девочка закусила губу и боялась что-либо произнести, чтобы не отвлечь Колю. А хотелось сказать: «Брось ветку в снег, будет легче слезать!» А Колька взял ветку в зубы – вот как он решил спускаться!

Наконец ступил в вытоптанный снег. Какое-то время так и стоял с веткой в зубах. И девочка стояла, молчала. Хоть и не было ничего в зубах. Потом очнулась, протянула руку к ветке со словами:

– Дай сюда, ты же и так все губы обколол! А чего ты не сбросил ее вниз?

– Боялся, что шишка отломится. – Затем, выплюнув изо рта иголки, добавил: – Она, видишь, на самой верхушке.

Девочка засуетилась, совала ему варежки, отряхивала его портфель от снега. Все это одной рукой, второй бережно прислонила к плечу ветку. Затем смущенно взглянула в лицо мальчику и сразу же пугливо, отведя взгляд, тихо проговорила:

– Ну, Колька… Какой ты…

Но Колька не узнал, какой он. Вопрос «А чего это вы здесь делаете?!» их оглушил. И перед ними возникла ее соседка по парте – Зина. Она удивленно переводила взгляд с одного на другого, пока не остановилась на ветке с шишкой. И, проявив сообразительность, протянула:

– А-а-а! Понятно. – Затем, задрав голову, увидела оголенную сторону портрета и мстительно наподдала: – И думаете, никто не увидит? – Потом, обращаясь к девочке, злобно выдала: – А ты – тихоня! «Что вы в нем нашли, что вы в нем нашли?» Коля, эта Машка называла тебя учителькиным сынком! Вот так!

– Но Маша правду сказала. Моя мама – учительница.

Коля, как мог, защищал себя и Машу. Потом Зинка ушла, хотя им было по пути с Машкой. Оказывается, после уроков она заходила к своей тетке, поэтому только сейчас возвращалась.

Коля и Маша также шли домой. Она боялась, мальчик пытался бодриться:

– Маш, да не бойся ты, ничего не будет. Подумаешь, одну веточку взяли! Ее могло ветром сдуть, она упала, а мы подняли. – Помолчав, Коля продолжил: – Ну хочешь, я обратно ее туда прикреплю?

Но девочка испуганно, обеими руками, вместе с портфелем прижала ветку к груди, воскликнув:

– Нет! Я ее никому не отдам! – Потом, совсем тихо, закончила: – Спасибо тебе, Коля! Мне еще никогда не дарили елочку…

Ей хотелось еще чего-то сказать. И даже (щеки ее загорелись румянцем) притронуться к его щеке ладонью… Но она только спросила:

– А губы пекут, да? Вон как иголками наколол!

Он, бодрясь, ответил:

– Да ла-а-дно, пройдет!

Дошли до перекрестка. Коля повернул вместе с ней в ее проулок, объяснив, что ему так быстрее дойти к дому – повернуть мимо Сереги Крутова, и считай, пришел.

Дома Маша сказала, что подобрала ветку под аркой, видимо, сорвал ветер. Мама насыпала в большой кувшин зерна пшеницы, поставила его на стол и воткнула туда ветку. Хранилась у Маши елочная игрушка – Красная Шапочка с лукошком на руке. В лукошке даже было несколько мелких камешков под цвет пирожков. Девочка повесила игрушку на ветку рядом с шишкой и, подперев кулачками подбородок, долго не могла оторвать взгляд от этой красоты.

И действительно, все могло бы закончиться благополучно, если бы…

Раиса Антоновна, мама Зинки, с которой Маша сидела за одной партой, работала председателем сельсовета. Ее портрет бессменно висел в райисполкоме на доске с заглавием «Наши лучшие».

Раиса Антоновна требовала, чтобы дочь делилась с нею всеми школьными новостями. Это было полезно в целях воспитания, а также в профессиональных целях самой Раисы Антоновны.

Наутро следующего дня председатель сельсовета разглядела из окна своего кабинета, что на арке портрет вождя какой-то однобокий, потому как одна его сторона не украшена ветками… Значит, ее Зиночка рассказала правду!

Через полчаса Раиса Антоновна сидела в кабинете директора школы Василия Лукича.

– Уважаемая Раиса Антоновна, поймите, голубушка! Мы не можем разбрасываться такими педагогами, как наша Татьяна

Сергеевна. Ее муж погиб на войне, сражаясь с немцами. Она одна воспитывает сына. Вы говорите, это ее мальчик оголил портрет на арке? Я вам обещаю, досконально разберусь и вам доложу. Уверен, никакой политической подоплеки здесь нет!

Таким ходом разговора уважаемая Раиса Антоновна была недовольна. Поэтому для самоутверждения доложилась по телефону инструктору района. К счастью, Василий Лукич был много раз стрелянный воробей, в переносном и в прямом смысле, так как прошел полвойны.

Сразу же пригласил Татьяну Сергеевну с сыном, позвали также одноклассницу Коли – Машу.

Дети выглядели напуганными. Маша откровенно, а Коля крепился, задирал лицо кверху, чтобы загнать слезы обратно в глаза.

Взволнованная Татьяна Сергеевна резко спросила девочку:

– Скажи, Мария, зачем тебе понадобилась эта ветка?

Колька взвился, не дав Маше ответить, хотя она и так ничего бы не сказала:

– Машка здесь ни при чем! Мама, неужели ты не понимаешь, она не залезет на арку, она же девочка!

– Меня зовут Татьяна Сергеевна! Мама осталась дома! Николай, отвечай – зачем ты это сделал?..

Василий Лукич являлся не только мудрым педагогом, но и человеком. Тоже мудрым.

– Коля, ты, наверное, увидел, что ветку наклонил ветер и она закрывала часть портрета. Правильно? – уверенно заговорил он. И сам же себе ответил: – Правильно. И Маша тоже это увидела, вы шли вместе. Вы остановились, и что? Решили, что надо поправить, чтобы нашего вождя ничто не закрывало! И ты, Коля, полез наверх устранить это досадное происшествие. А Маша внизу за тебя переживала и подсказывала, как лучше это сделать, но ты не удержал ветку и случайно уронил. Так вышло дело? Признавайтесь!

У детей на лицах были по два блюдца вместо глаз. Татьяна Сергеевна зачарованно глядела на директора…

* * *

Ближе к вечеру завхоз школы подогнал грузовик к арке, с кузова по лестнице поднялся наверх и равномерно распределил ветки вокруг портрета. Стало даже лучше, чем раньше.

Через два дня, в канун Нового года, в районной газете «В

светлое будущее» появилась небольшая заметка под названием «Достойный пример». Она начиналась словами: «Патриотический поступок ученика четвертого класса Юрковской средней школы Корягина Николая может служить примером для подражания всей нашей молодежи.

Николай заметил, что часть портрета нашего дорогого вождя случайно закрылась еловой веткой. Он тут же полез на самый верх пятиметровой арки, чтобы поправить ветку. Дул сильный, морозный ветер, руки у Николая замерзли, и он случайно уронил ветку в снег…»

Заканчивалась заметка фразой: «Нам есть с кем идти в светлое будущее!» И внизу подпись: «Внештатный корреспондент».

В школе газета переходила из рук в руки, читали вслух и молча, про себя. Колька ходил хмурый, ни с кем не разговаривая. Некоторые мальчишки с завистью посматривали на него. Серега Крутов на правах друга спросил:

– Слышь, Корягин, а чего твою фотку не напечатали в газете? Во было бы круто!

Коля досадливо, локтем отмахнулся от Сергея. Низенький, юркий паренек с жаром доказывал:

– Поду-у-маешь, да я бы быстрее его залез на эту арку. И ветку бы точно не уронил!

Зинка с Машей и с еще несколькими девочками стояли поодаль от мальчишек. Зина насмешливо ответила низенькому:

– А Колька тоже не ронял ветку!

Она раздраженно вырвала у стоявшей рядом девочки газету и, ткнув в нее пальцем, пренебрежительно заметила:

– И все это враки! Не так это было!

Одна из девочек уверенно сказала:

– Ты что, Зинаида? Газете не веришь? Все, что печатают, то правда.

– Ага, правда, – насмешливо парировала Зинка, – хочешь, скажу, как было дело? Так вот, Колька специально лазил за этой веткой, чтобы подарить ее Машке! – И она ткнула пальцем в сторону девочки, добавив: – Нашей тихоне! Поняла?

Дискуссию прервал звонок на урок.

После уроков Маша и Коля шли домой вместе, благо Зинаида опять отправилась к тетке. Молчали. Подходя к Машиному дому, замедлили шаги. Пришли, остановились. Заговорил Колька:

– Ну, ты того… если кто обижает, скажи мне, не бойся! – Помолчав, спросил: – Как шишка, не отвалилась?

Маша, обрадованная – перешли на нейтральную тему, – горячо заговорила:

– Нет, крепко держится! Она такая, такая… – Закончила совсем невпопад: – Моя.

Опять Машке захотелось погладить его по лицу. Но она только заглянула, уже без страха, ему в глаза и тихо произнесла:

– Ну, до завтра!

* * *

Со временем иголки с ветки осыпались, торчала только шишка на верхушке. Маше было грустно, будто с кем-то прощалась. Она попробовала взять в руку шишку, а та так и осталась в ее ладони, сама отделившись от ветки. Девочка вырвала из альбома лист папиросной бумаги, написала посредине: «Колин подарок», и бережно завернула шишку. И Красную Шапочку тоже завернула и припрятала до следующих праздников… А потом долгие годы возила за собой эти два елочных украшения по городам и весям.

* * *

Как же дети любят наряжать елку! Они рассматривают игрушки, прежде чем повесить на ветку, спорят, сколько им лет… Спрашивают маму, где она покупала эту Красную Шапочку? А эта шишка – она похожа на ежика.

– Мама, а здесь написано: «Колин подарок»! А мы и не видели раньше. А кто это – Коля?

Мария взяла в руки Красную Шапочку и шишку и повесила их рядом друг с дружкой на ветку высокой, под самый потолок квартиры, елки.

– Нет, ребята, это не ежик. Это шишка. Ее когда-то подарил мне мальчик, которого звали Коля. Лепестки у шишки от времени высохли, и она стала похожа на ежика. А Красную Шапочку я, когда ходила в школу, выиграла в викторине. Тогда у нее в лукошке и пирожки были, но потерялись.

Она замолчала, оглядела сверкающую под люстрой елку и озабоченно сказала детям:

– Вы сохраните эти украшения! Таких больше нигде нет.

Влада Юрьева
Сколько стоит Новый год

– А сейчас на сцену приглашается обворожительная Анжела! – сонно пробубнил ведущий.

Обворожительная Анжела – это не я. На это объявление откликнулась девушка в бикини и шапочке Санта-Клауса, которая со скучающим лицом принялась тереться о шест. Со стороны это напоминало скорее сдачу школьных нормативов, а не эротический танец, но кто я такая, чтобы судить?

Я в это время находилась в другом конце зала и пыталась понять, почему блюдо, которое в меню значилось как «бараньи ребрышки», в реальности представляло ритуальный вигвам из костей на тарелке. Сцена с шестом, которую зачем-то объединили с рестораном, меня волновала куда меньше.

Ситуация требует пояснений, правда? Вот так экзотично заканчивался очередной рабочий день – двадцать девятое декабря. В то время, когда нормальные люди готовятся к празднику и украшают елки, я ухватилась за выгодное задание.

Оно свалилось на меня внезапно… потому что свалился предыдущий исполнитель этой работы. В буквальном смысле. В Россию для украшения собой корпоративов прибыла четверка бодрых пенсионерок, изображающих собой ветеранов диско, а приставленная к ним переводчица неудачно поскользнулась на лестнице. И хоть теперь она пребывала в добром здравии, со сломанной ногой по клубам не побегаешь.

Так в коллектив попала я, еще студентка, переполненная энтузиазмом и азартом. Это было самое крупное из моих заданий на тот момент, да и любопытно оказалось хотя бы так заглянуть в обрамленный пайетками мир шоу-бизнеса.

Мир оказался не таким уж гламурным. На сцене для народа устраивали праздник. В гримерке шли кровавые бои за места у зеркала, кто-то разливал пиво кому-то на наряд, туфли на шпильке использовались как метательное оружие. Конечно, занимались этим не сами исполнители, а подтанцовка и обворожительные Анжелы, но поле боя у всех одно.

Тем не менее это не убило мою увлеченность. Во-первых, я чувствовала себя абсолютно самостоятельной – мне посулили неплохой заработок, от меня зависело, не потеряется ли какая-нибудь представительница страны с кленовым листком на флаге в Москве, на меня, студентку по факту, смотрели как на большого босса. Во-вторых, это был новый опыт.

До этого Новый год и Рождество у нас всегда были семейными праздниками, так уж повелось. День рождения можно отмечать хоть в Сомали, где ты находишься на 8 Марта – никто и не спросит, но в Новый год – чтобы все обязательно дома.

И, впервые нарушая эту традицию, я даже чувствовала себя немного виноватой. Будто я готовилась выкинуть что-то очень важное… Но я не собиралась поддаваться сентиментальности. Новый год – он каждый год. В следующий раз отмечу со всеми, невелика потеря! Родня приняла мое решение, приправив свое смирение осуждающими взглядами. Я влилась в яркий и блестящий, как новогодний фейерверк, мир корпоративных развлечений. Вместо елки и мандаринов мой Новый год был наполнен запахами лака для волос и чужих сигарет.

– Выезжаем завтра в два! – заявил Рудик, рассекая воздух куриной ножкой, в которой ему явно виделся скипетр. – Вечером будем там, дадим концерт, переночуем, поедем на базу отдыха и отгремим Новый год!

Рудик был идейным вдохновителем и организатором всего, что здесь происходило. Он промышлял мелкими корпоративными вечеринками, но все равно гордо именовал себя продюсером. Это был примечательный мужчина лет тридцати пяти с внешностью лысого утконоса и жизненными принципами Остапа Бендера.

– В два? – удивилась я. – А не поздновато ли?

– Нормально! – Рудик отмахнулся от меня куриной ножкой. Я едва увернулась от капелек соуса, часть которых осела на Аманде – одной из наших звезд.

Аманда ничего не заметила. Они с подругами провели трехчасовой концерт и хотели не объясняться с Рудиком, а спать.

– У нас завтра концерт в восемь, – напомнила я.

– Как раз к нему и приедем! Там дыра такая, что ждать скучно, все организуем вовремя! Я туда за четыре часа стабильно доезжаю.

– Как знаешь. Но если я услышу фразу «Мы опаздываем» – стукну!

Предстоящие концерты были далеко не поездкой в Монте-Карло. На тридцатое декабря Рудик договорился о выступлении в ночном клубе уездного города N, а тридцать первого звуки диско должны были зажечь публику на базе отдыха в Подмосковье. Именно там мне и предстояло послушать, как бьют куранты.

По привычке Рудика празднование удачного выступления длилось до трех ночи. Собственно, поэтому он и предложил выезд в два часа на следующий день, зная, что до этого времени он будет неадекватен и вряд ли способен понимать человеческую речь.

Как я и ожидала, это была плохая идея. И застолье до трех ночи, и поздний сбор. Рудик выглядел более побитым жизнью, чем пенсионерки – они как раз держались бодрячком. С неба лепил серый, липкий снег, смешанный с дождем. От этого холод лишь усиливался, и я лишний раз порадовалась, что выбрала для поездки утепленный красный костюм с белой оторочкой, шапочку с белым помпоном (без отсылок на стиль Анжелы, просто чтобы сберечь уши от мороза) и в целом напоминала Деда Мороза. Не Снегурочку, нет – костюм приближал мой силуэт к плюшевому мишке, да и замена кокетливой Снегуркиной юбочки брюками давала о себе знать.

Вишенкой на торте нашей встречи стали первые слова Рудика:

– Мы опаздываем!

Я же говорила, я же говорила, я же говорила… Только это и крутилось в голове. Но я решила не ныть, чтобы озлобленный утконос не отвлекался от дороги. Свое возмущение я выражала надутыми губами и угрюмым взглядом, который, впрочем, скрывала шапка с помпоном.

Пенсионерки старались зарядить окружающих хорошим настроением. Они с явным восторгом от своих лингвистических способностей снова и снова пропевали единственную фразу, которую выучили на русском:

– Ви-и-итя… Ви-и-итя-я… С Новим годм, Ви-и-итя-я!

Витя – это генеральный директор компании, которая вчера устраивала корпоратив в клубе, пухлый магнат (по его версии), который после пары (десятков) бокалов шампанского сыпал деньгами, как конфетти. В частности, за эту фразу, пропетую у елочки, коллектив с другого континента получил половину своего гонорара плюсом.

«Русская песня» им понравилась. Слово «Витя» они использовали для разминки, а вот «с Новим годм» казалось им чарующей мантрой, при которой они щурились от удовольствия. Они были уверены, что перед ними по щелчку открылись все тайны великого и могучего русского языка. Я вот даже не знаю, кого в них в этот момент было больше – канадцев или музыкантов.

Но если дамы были в прекрасном расположении духа, то я все больше вжималась в кресло, проверяя, хорошо ли закреплен ремень безопасности. Рудик гнал быстрее с каждой секундой, а пелена снега на дороге лишь нарастала. Однако нашего мужественного лидера это, похоже, не волновало. Выражение его лица в этот момент напоминало мне японских камикадзе – и, учитывая их дальнейшую судьбу, мне это совсем не нравилось.

Видно, Рудик решил не сдавать позиции и преодолеть этот путь за свои четыре часа. Он только не учел, что раньше ездил туда летом. А тридцатого декабря летняя погода, конечно, возможна, но шансы, прямо скажем, невелики. Только кто бы объяснил это продюсеру с похмелья… Говорят же, что в России две беды – дураки и дороги. Так вот, когда Рудик занялся логистикой, две беды нашли друг друга.

В какой-то момент снег за окнами стал мелькать так быстро, что казалось, будто мы тонем в сером облаке. Это нарушило благостную атмосферу в машине, и ода Вите утихла.

– Дорогая, – обратилась ко мне Аманда, – спроси у Руди, куда он нас везет? На концерт или на тот свет?

– Что им надо? – нахмурился Рудик. – В туалет не остановимся, пусть терпят!

– Они беспокоятся, что, если ты продолжишь так гнать, туалет им в этой жизни больше не понадобится.

– Пусть идут на фиг! Мы опаздываем, потому что они долго собирались! Так что пускай или горланят песенки, или молчат, я занят!

Из-за них мы опаздываем? Умение альтернативно запоминать события было одной из особенностей Рудика, которой он пользовался чаще, чем мне бы хотелось.

– Что он сказал? – уточнила Аманда.

– Что вашим мнением можно пренебречь в силу обстоятельств.

– Скажи, чтобы помедленнее ехал! Я серьезно!

Прежде чем я успела перевести, вклинился Рудик:

– Скажи, чтоб молчала!

– Скажи, что машина едет слишком быстро!

– Скажи, чтобы тихо сидели там!

– Скажи, что мы не будем выступать!

Эти двое прекрасно понимали друг друга и без моего «скажи». Тут дело не в языке даже, а в очевидном смысле. Но оба они были слишком упрямы, чтобы замолчать. И у каждого был свой козырь: у Рудика – контроль рулевого колеса, у Аманды – поставленный громкий голос. Я больше не тратила времени на перевод и обеими руками сжимала кресло, надеясь, что нам повезет.

Но теория вероятностей решила не делать нам поблажек. Машину повело, и тут даже с «удалью и легким матерком» Рудик не сумел удержать автомобиль на дороге. Хорошо еще, что рядом не было других машин! Думаю, судьба решила пощадить нас из любопытства: какую глупость мы еще выкинем?

Тяжелый минивэн кружился на дороге волчком. Из-за метели

не было видно ничего, только серый мир, в котором небо сливалось с землей через снег. Не в силах повлиять на ситуацию, я прижалась к сиденью и зажмурилась, ожидая, когда все это кончится.

Говорят, что в момент опасности вся жизнь проходит перед глазами. Не так все это… Сомнительная радость – просматривать снова, как я расшибала коленки или училась читать! Память подбрасывает только самое важное, причем как прошлое, так и будущее.

Я думала о том, что если бы я не влезла в эту авантюру, то сейчас сидела бы дома и вешала шарики на елку. Что будет, если я разобьюсь? Я навсегда испорчу Новый год всем, кого знаю, с кем должна была его встретить. А все ради чего? Чтобы побольше денег в свинку-копилку припрятать? Смешно!

Машина все-таки остановилась, увязла в снегу на обочине, и роль разрушителя Нового года отступила от меня. Я была жива, как и все в салоне, никто даже шишек не набил. Но застряли мы глубоко и надолго. О том, чтобы добраться до клуба вовремя, и речи не шло. А пары часов в запасе у нас не имелось, мы же выехали так, чтобы «тютелька в тютельку» приехать. Лишняя тютелька нам бы сейчас не помешала!

Рудик вызвал вторую машину, на которой везли наряды и оборудование, чтобы нам помогли выбраться. В ожидании спасения он и Аманда устроили королевскую битву – правда, пока только на словах. И снова им не нужен был переводчик, хватало экспрессивных жестов и повышенных тонов.

Остальные три звезды были настроены не так воинственно, но тоже моментом не наслаждались. Они с непередаваемой тоской оглядывали заснеженные дали, лишенные намека на цивилизацию, и наверняка понимали, что чувствовал Наполеон в 1812-м.

– Ви-и-итя… – тоскливо напевала одна из них. – Ви-и-тя… С Новим факин годм… Факин Ви-и-ит-я-я…

Конечно, это «чертов Витя» во всем виноват. Логично.

Я отошла на пару шагов от них и наблюдала, как с неба падает мелкий колючий снег. Он прямо в воздухе над шоссе становился серым. Как будто грязь на нас летела… Мне хотелось разреветься. И от страха, пережитого только что, и от понимания того, насколько глупо я влезла в проблемы, которых можно было избежать. Но теперь назад не отмотаешь, надо справляться с последствиями.

Вторая машина все-таки вытащила нас, но два часа времени были потеряны. И это стало серьезной проблемой.

Иногда кажется, что «бандитские девяностые» вдруг взяли и

закончились. Сменилась цифра на календаре, и все плохие ребята по мановению волшебной палочки превратились в тыкву. Но так ведь не бывает… И в «спокойных нулевых» в уездном городе N еще ощущались отголоски бурного прошлого.

Таким отголоскам принадлежал и клуб, в который мы явились. Не берусь утверждать, что его хозяин занимался чем-то незаконным хоть раз в жизни. Но те, кто рискнул бы на него наезжать, имели все шансы украсить собой фундамент клуба. Такой вот кекс с изюмом. Этот джентльмен напоминал шкаф и размерами, и повадками. Причем солидный такой шкаф, встроенный.

– Вы опоздали, – донеслось откуда-то с верхних полок.

– Все будет! – заверил его Рудик, дополнив обещание своей лучшей улыбкой.

Улыбка не подействовала.

– Будут штрафные санкции.

– Нам нужно подготовиться к концерту, обсудим это позже!

– У вас пять минут!

Но если Рудик расслабился и поверил, что все закончилось, то зря. Потому что Аманда решила проявить женскую мстительность и канадскую принципиальность в одном флаконе. Она заявила, что выступать они не будут. После того как их везли как дрова, они не способны явить миру зажигательные звуки диско.

Она слабо представляла, где мы оказались и что будет, если хозяева клуба не получат ностальгических песенок. А вот Рудик это осознавал полностью. Да и я была не рада: я сомневалась, что у меня получится уйти отсюда сквозь снега партизанской тропой. Поэтому мне нужно было разрулить ситуацию как можно быстрее, для сохранности моей бренной шкурки и шапки с помпоном.

– Это саботаж! – верещал Рудик. – У нас договор! Я вас под суд отдам!

– Я понимаю, что вы расстроены, но давайте останемся профессионалами, – дипломатично перевела я.

– Скандальные бабы!

– Дорогие друзья!

– Марш на сцену, а то останетесь без денег!

– Давайте забудем о трудностях и подарим публике радость Нового года, ведь ваш добрый зритель ни в чем не виноват!

Аманда косилась на меня с явным подозрением. Мой перевод слабо сочетался с брызжущим слюной Рудиком. Но я и глазом не моргнула, очень уж мне жить хотелось.

Аргумент с добрым зрителем сработал. Женский коллектив, облачившись в пух, перья и чувство собственной значимости,

отправился на сцену. И если сначала зал, прождавший два часа, встречал их сухо, то пары знакомых ритмов хватило, чтобы послышались радостные аплодисменты.

Я надеялась, что теперь-то можно выдыхать. У меня и так коленки колотились после всего, что произошло! Но Рудик не собирался упрощать мне жизнь. Он достал из сумки сверток: нечто было наспех замотано в старые промасленные газеты. Нечто подозрительно напоминавшее пачку банкнот, и не одну. Как сказали бы в криминальных новостях, «предмет, похожий на деньги».

Он протянул сверток мне, но я поспешно отдернула руки. Этому трюку меня научили встречи с религиозными фанатиками, распространяющими сомнительную литературу на улицах: не бери то, что тебе дают, инстинктивно.

– Это что? – спросила я, всем своим видом показывая, что я ему не верю.

– Это нужно отнести в машину и спрятать там. Я дам тебе ключи…

«Я дам вам „парабеллум“», ага.

– Нет.

– Что значит – нет?! – возмутился Рудик. Вид у него был шокированный и оскорбленный, как у английской королевы, которую стукнули по шляпке баклажаном.

– Нет – значит нет. И это не то женское «нет», которое означает «да». Сам неси свою контрабанду.

До машины метров пятьсот, вокруг клуба шатаются пьяные ценители диско, а фонари работают через раз. Я только что чуть не попала в аварию, обрела просветление относительно ценности жизни и не собиралась с ней расставаться.

Рудик решил сделать ход конем и сыграть на женской ревности:

– А вот Инга бы это сделала!

Предыдущую переводчицу вспомнил к ночи…

– Инга Васильевна – заслуженный преподаватель и женщина тонкой душевной организации, – указала я. – Она от одного такого предложения в обморок бы упала.

– Ты не командный игрок!

– Хоть в чем-то мы сошлись…

Судя по хищному взгляду, Рудик намеревался всучить мне сверток и ключи и просто убежать. Я опередила его: сбежала первой. Оставив его в гримерке, я направилась ближе к сцене. Зал уже был заполнен сигаретным дымом и заметно увеличившейся толпой. Я осталась в пустом светлом коридоре, мне почему-то казалось, что это гарантия безопасности.

Но нет, не в этом месте. Засмотревшись на пляски на сцене, я не заметила, как ко мне подошел один из «шкафчиков» – сотрудников клуба. Видно, хозяин этого заведения подбирал команду под себя, но меньшего размера. Чтобы сразу было видно, кто лидер в этом мебельном коллективе.

Однако в сравнении с моими небойцовскими параметрами даже этот «шкафчик» впечатлял. К тому же он явно был нетрезв, а это превращало меня не только в новое завоевание, какого в этом городе еще не водилось, но и в редкую красавицу. Судя по тому, что он едва стоял на ногах, моя привлекательность была на уровне «богиня».

– Ты ж с этими… – Он нахмурился, пытаясь вспомнить название группы. Но словарный запас подвел, и он просто указал на сцену. – Вон!

– Да, – подтвердила я. – Мы все вместе.

– А они еще долго будут петь… Давай это… Город тебе покажу!

Ну конечно. Предложение из серии «Поехали ко мне домой, полистаем фотоальбомы».

– Мне нужно быть здесь, работа такая…

– Здесь – не страшно, – проявил находчивость «шкафчик». – Я тут тихие комнаты знаю… Хочешь, покажу?

Только с моим везением… В пухлом костюме, без косметики я выглядела не многим сексуальней новогодней елки. Но мне нужно было пересечься с единственным человеком, который и на елку бы позарился! Бежать тут было некуда, полутемный танцпол скорее в его интересах, чем в моих, а желающих помогать поблизости нет, Рудик наверняка сейчас завершает свой квест к машине.

Пришлось надеяться, что светлый дух праздника пробьется даже в пьяное сознание. Я подняла повыше пушистый белый шарф, который мог сойти за бороду, надвинула на глаза шапочку и самым хриплым голосом, на какой была способна, поинтересовалась:

– Что, хочешь дедушку, внучок? А расскажи сперва стишок!

«Шкафчик» замер с открытым ртом, не зная, что на такое ответить. Видимо, сцена соблазнения Снегурочки представлялась ему не такой. В нем еще был жив мальчик-зайчик с детских утренников, который точно не представлял Дедушку Мороза в роли сексуального приключения!

Пользуясь его замешательством, я прошла обратно в гримерку, а оттуда – за сцену. Я решила, что при очередном поползновении на меня ходячей мебели я просто выскочу к микрофону. К тому же отсюда было удобней наблюдать за

концертом.

Оставшаяся программа прошла без рискованных событий, пока не дошло дело до прощания. Звезды переглянулись и дружно затянули:

– С Новим годм…

Только не Витя. Ради светлого духа Нового года, умоляю, не приплетайте Витю, ему и так сегодня икалось! Да и неизвестно, как местный «шкаф» отреагирует на это, если только сам он не Витя.

Но в коллективе я сомневалась зря. Вместо отсылки к щедрому Вите дамы второй раз пропели:

– С Новим годм!

Сказать, что зал пребывал в восторге, – не сказать ничего. Два часа опоздания были прощены и забыты. Никому не хотелось скандалить, всем хотелось торжества. Вот что с людьми простое «С Новым годом» делает!

Однако мы свою индульгенцию еще не получили. Когда концерт закончился, в гримерку заявился «шкаф» собственной персоной в окружении своих верных «тумбочек». При его появлении замерли все, включая Рудика, которому дорога была целостность костей, и Аманду, которая наконец сообразила, где находится.

Беспокоились мы зря. На вершине «шкафа» сияла довольная улыбка. Видимо, человеку, которому стереотипы велели любить шансон, были дороги совсем другие мелодии. И теперь он мысленно бегал по одуванчиковым полям своего детства, когда эти песни из каждого утюга неслись.

– Ладно. – «Шкаф» сменил гнев на милость. – Обойдемся без штрафа. Считайте, что это подарок!

Звезды как по команде затянули:

– С Новим годм!

Предполагаемая ночевка в этом городе все же отменилась. Рудик хотел убраться отсюда поскорее, пока шкаф не передумал, и в этом я была с ним солидарна. А поющие дамы жаждали теплого номера в отеле и моря городских огней за окном.

Решающий удар настиг Рудика уже в пути, когда Аманда заявила, что петь в новогоднюю ночь они не намерены. Потому что они устали, перенервничали, а кто-то еще и простыл. Рудик, мгновенно подсчитавший убытки, дрался за этот концерт до последнего, но его попытки ни к чему не привели. Может, потому что что-то не так было с переводом, кто знает?

Так что мой опыт «бунтарского и молодежного» Нового года сорвался сам собой. Тут я могла бы сказать, что это жизнь решила преподать мне урок и ничто не происходит без причины, но…

Иногда причина на поверхности: я принимаю дурацкие решения, которые приводят к дурацким последствиям. Мистика и карма тут ни при чем. Зато и шанс все исправить тоже остается за мной.

Тридцать первого декабря мы с родными прогуливались по улице. Почти «как всегда», но это было не как всегда. Мне было не скучно, и не возникало больше сомнений, что нужно бежать к неоновым огням и ревущей музыке из колонок. Я находилась на своем месте, там, где должна быть. Нам повезло с безветренной погодой, и от этого создавалось впечатление, что крупные хлопья снега не падают на землю, а поднимаются обратно к небу. Бывает такая погода, когда даже посреди метели кажется, что тепло… Глядя на этот снег, золотой, пушистый и уютный, я вспоминала тот колючий и серый на шоссе. День назад всего было, а кажется, что вечность прошла!

Новый год – он каждый год, это факт. Но их ведь не так много, этих «каждых лет», если подсчитать. И не все время рядом будут одни и те же люди. В этот Новый год могло не быть меня… И ради чего, ради пары лишних банкнот! Теперь и думать об этом не хотелось. В жизни хватает праздников, и способов заработать тоже много. А волшебная ночь из детства, когда время хотя бы ненадолго можно отмотать назад, – она одна такая.

Снег из-под наших ног улетал в небо, и я не хотела ничего – только быть здесь и радоваться тому, что получила, несмотря на свои ошибки, настоящий Новый год…

Лариса Райт
Я верю в Деда Мороза

Я вынула контейнер из холодильника, надкусила одно пирожное и разревелась. Кто дал мне повод считать, что у меня может получиться так же вкусно, как у нее? Повода не было. Одно желание. Все привыкли, что уже несколько лет подряд Никуся балует нас сладкими кулинарными шедеврами. Чизкейки, шоколадные маффины, кремовые рулеты, нежнейшие эклеры и восхитительное имбирное печенье – вот далеко не полный список кондитерских изысков, подвластных таланту моей младшей сестры. И конечно же, макаронс. Таких воздушных, тающих во рту и мгновенно исчезающих с тарелки я не ела даже в Париже. Макаронс были ее традиционным новогодним угощением. Но только не в этот раз.

Мы распрощались неделю назад в аэропорту. Муж католик – это серьезно, и рождественские традиции его семейства необходимо уважать. Он, киприот, и без того совершил подвиг, прилетев в Москву в декабре. Конечно, замерз как суслик. Конечно, заработал ангину. Конечно, был сражен обычным для нас минусом на термометре. Но ведь все это ради любви. А долг платежом красен. Не зря говорят, что женятся или выходят замуж не только за человека, но и за всю его родню. Он сделал приятное тебе и твоей семье: катался в московском метро, любовался портретами совершенно незнакомых людей в Третьяковке, играл с тестем в шахматы и нахваливал стряпню тещи. Теперь твой черед проявить уважение к его родственникам, которые привыкли праздновать Рождество узким семейным кругом человек в двести-триста. Шашлык, зеленый салат, картошка фри, газировка. А что еще готовить на такое количество народа? Во всяком случае, макаронс на такую ораву пришлось бы печь не меньше недели. Елка… Какая елка? Только если в горшке из цветочного магазина. Подарки? Подарки есть. Но как угодить паре сотен родных? Открытки, и безделушки, и размышления во время праздничного обеда, всех ли ты назвал правильными именами в своих поздравлениях. В общем, Ника улетала со своим мужем именно на такой праздник. Нам обеим было грустно. Я пыталась радоваться: она улетает домой, с любимым мужчиной. Да, в новую жизнь, да, в неизвестную, но, возможно, в счастливую. Она делает то, что хочет. Неужели она хочет улетать от меня? Она не хотела, но так получилось. Она улетала, а мы оставались. Оставались в московской зиме, в запахе хвои, в хороводе

украшенных витрин, в ожидании новогоднего чуда, которое в первый раз случится без нее.

– И без твоих макаронс, – пожалела я на прощание.

– Сделай сама! – уверенно посоветовала Ника. – Рецепт же есть!

Рецепт был. Два дня почти безостановочного труда. И теперь было совершенно очевидно, что труд оказался напрасным. Пирожные получились резиновыми, клейкими, слишком сладкими. А по-другому, наверное, и быть не могло. День не заладился с самого утра. Да что там день! Вся предновогодняя неделя – коту под хвост. Как будто Ника унесла легкость бытия на крыле своего самолета.

Первая неприятность случилась еще двадцать пятого и называлась нелетной погодой в Алма-Ате. Конечно, это не конец света. Если муж не прилетит сегодня – прилетит завтра. Ведь до Нового года еще полно времени. До Нового года – да. А до отчетного концерта студии восточного танца, в которой я занималась, всего несколько часов. Год стараний и репетиций. Отточенные движения, красивые костюмы, завораживающая музыка. Есть на что посмотреть, а главное, на кого – на меня. Я знаю, что заниматься в жизни, особенно чем-то необязательным, нужно исключительно для себя. Но, к сожалению, я человек, которому все еще необходима восторженная оценка со стороны. В противном случае хобби и увлечения теряют свою прелесть. Это, конечно, неправильно. Танцевать надо было не для кого-то, а только ради себя, любимой. Но я танцевала для того, чтобы выйти на сцену и поразить его тем, чему научилась. А теперь он не увидит. Конечно, это не последний концерт. Да и записать можно. И дома можно станцевать. Еще и в интимной обстановке. Это были мои утешения самой себе. Помогали они мало. Терпеть не могу, когда рушатся планы. А планировалось поразить мужа здесь и сейчас при полном зале восторженной публики. Но мой план оказался засыпанным нежданным казахским снегом. Естественно, настроение было хуже некуда. И, несмотря на технически отточенные движения, яркий костюм и вполне приличную фигуру, аплодисменты я сорвала скудные. На сцене главное – обворожительная улыбка и сияющие глаза. Но при отсутствии главного зрителя в зале мне было негде разжиться этими ингредиентами.

Он – зритель – явился на следующий день счастливый и виноватый. Нет, не из-за снегопада. А из-за того, что, не останься он на празднование корпоратива со своими казахскими клиентами, прилетел бы благополучно в пятницу и не опоздал бы на мой концерт. Но что сделано, то сделано, и в конце концов,

чувствующий себя виноватым мужчина – это не так уж и плохо.

– Заааай! – Сама нежность и доброта. – А что тебе подарить на Новый год?

Вообще, я люблю сюрпризы. Но вот ведь незадача: сюрприз может и не понравиться, а разочарование я скрывать не умею. Конечно, хотелось бы, чтобы этим вопросом муж озадачивался не за несколько дней до праздника, а хотя бы за несколько недель до него. У меня все заранее продумано, приготовлено и упаковано в ленточки и бантики. Но, с другой стороны, хорошо получить в подарок именно то, что хочешь. Так почему бы и не сейчас, если вот уже целый месяц я примеряюсь к сногсшибательному платью и никак не решаюсь его купить. И не так чтобы дешево, и не так чтобы очень нужно. Очередное нарядное платье. И не просто нарядное, а очень нарядное. Из тех, что не наденешь просто так, а если только по поводу. А где их взять, эти поводы, в таком количестве, чтобы просто потратиться на очередное платье? Но если женщина хочет, да еще и может получить желаемое, то:

– А знаешь, у нас в «Калужском» есть одно платьице…

Страдания вчерашнего дня были забыты. Сейчас эта красота, уже три раза примеренная, полностью ощупанная, оглаженная и осмотренная, станет моей!

– Ой, девушка! – Продавец сделала вид, что расстроилась. – Вот только сегодня утром забрали ваше платье.

– Как забрали? – Голос предательски дрогнул, уголки губ поползли вниз. Забрали? Мой новогодний подарок? Как это могло случиться? Я опоздала всего на несколько часов. И что же теперь?

– Слушай. – Муж успокаивающе дотронулся до руки. – Раз купили – значит, не твое. Пойдем пройдемся по магазинам. Тут полно платьев.

– Такого нет, – вздохнула я, умом понимая его правоту, но сердце, сердце… Оно даже билось чаще от мысли, что я буду встречать Новый год именно в этом наряде. И в унисон с сердцем звучали теперь для меня зеркала всех магазинов. Одно платье было слишком простым, другое вроде сидело неплохо, но не так чтобы… Третье снова оказалось маленьким черным, четвертое – пестрым, пятое – блеклым. Типичный детский каприз, когда ту конфету, о которой ты мечтал, съел кто-то другой, и все остальные тебе теперь кажутся невкусными.

Взрослый человек, конечно, взял во мне верх над обиженным ребенком. Бог с ним, с платьем. Не повезло, и ладно. В конце концов, до моего самого любимого праздника оставалось всего ничего, а планов целое громадье, и нет времени расстраиваться по мелочам.

Планы продолжили рушиться на следующий же день.

Охрипшим голосом свекровь сообщила в девять утра по телефону… Хотя она могла ничего и не сообщать. Хрипы говорили сами за себя: забрать Танюшку на пару дней, как мы договорились, у нее не получится. Просто прекрасно! Конечно, здоровье самое главное. Не поспоришь. И ребенок это мой – мне с ним и сидеть. Тоже правда. Да и разве сделают погоду какие-то два дня?

Сделают, и еще как, когда именно за эти два дня ты рассчитывала закончить новый роман. Естественно, мир не перевернется, если последний десяток страниц будет написан в следующем году, но было бы так приятно не оставлять ничего незавершенного в году уходящем. Я давным-давно придумала конец и планировала перенести его на бумагу в тишине и спокойствии. Только я и роман. Танюшка у бабушки, ученики на каникулах. Никаких уроков, никакого испанского, никаких детских капризов и нервотрепки. Я и мои герои, завершающие свой книжный путь. Поставить точку, выдохнуть, распечатать и взять с собой в отпуск читать, чтобы после каникул только внести исправления и отправить в издательство. И эти планы коту под хвост. У мужа аврал на работе. У мамы уже свои планы, а у Танюшки – заслуженный отдых. А потому билеты на елку и в кино, а еще бабушка обещала сводить ее в Дарвиновский музей.

– Мам, мы что, теперь не пойдем? – Огромные глаза моей дочери заблестели предательскими слезами, детские губы задрожали, нос зашмыгал.

– Ну, конечно, пойдем! – Как там у Достоевского? Что-то о том, что никакая гармония не нужна, если в ее основу заложена хотя бы одна слеза ребенка. Придется забыть о своих амбициях и заняться развлечением дитяти. Пожалуй, надо будет еще раз хорошенько поразмыслить о планах завести второго ребенка. Что я буду делать с двумя, если даже с одним не могу грамотно распределить время?

Елка оказалась скучной даже для восьмилетнего ребенка. Сорок минут какой-то нелепой сказки, зато три часа на дорогу туда-обратно. Перед Новым годом Москва сходит с ума и встает в одну недвижимую пробку. Не знаю, о чем я думала, когда покупала билеты на двадцать седьмое число. Наверное, о том, что Танюша поедет с бабушкой на метро. А сама поддалась детским уговорам:

– Мамочка, ну давай проедем через центр. Там так красиво!

Ну да. Не проехали, а простояли. Хотели погулять перед представлением, но машину не поставишь. Да и выезжать тогда надо было, наверное, часов за пять. Только время потратили и нервы: боялись опоздать на сказку. А потом:

– Лучше бы опоздали, – мрачно заявил мой ребенок. – Чушь какая-то!

– Просто представление для маленьких оказалось. – Я пыталась искупить свою вину за приобретение билетов на нелепое представление. – А ты у меня уже второклассница!

– Ага. Зачем мне вообще все эти елки?! Тем более Деда Мороза не существует!

– Как это? – Я опешила. – Кто тебе это сказал?

– Мам, да все в классе говорят. Подарки родители покупают и под елку кладут.

– И ничего не родители! – Я расстроилась. Мне так хотелось, чтобы дочка верила в сказку как можно дольше. Сама я застала свою маму под елкой в одиннадцатилетнем возрасте, и обида от открывшейся лжи очень быстро уступила место благодарности родителям за то, что так долго позволяли мне верить в чудо. – Дед Мороз существует! – упрямо сказала я.

– Да? – Танюшка состроила недоверчивую гримасу. – Ты в него веришь?

– Конечно!

– А я нет!

– Зря!

– Ну, пусть тогда принесет мне живую куклу! Все равно ведь не принесет. Они слишком дорогие.

Я отвела взгляд. Живой куклой Танюшка называла младенцев ручной работы, которых мы видели осенью на ярмарке. Они действительно стоили немалых денег, но сходства с реальными грудничками у них было не отнять. Мы и сами с мужем были поражены: мелкие сосудики, складочки на ручках и ножках, тонюсенькие ноготочки и нежный пушок вместо волос. Только неподвижный взгляд позволял отличить куклу от реального малыша. Конечно, в покупке Танюшке тогда было отказано. А она, обидевшись, заявила, что попросит куклу у Деда Мороза. Мы в унисон твердили о том, что просить о таких подарках волшебника нельзя. А ребенок отвечал, что волшебника можно просить о чем угодно. И действительно. На то он и волшебник, чтобы творить чудеса.

– Вот видишь, мама! Чудес не бывает!

– Да уж, – согласилась я. – Было бы чудом оказаться дома раньше шести. И в музей уже опоздали.

– Да ладно. Не очень-то и хотелось. – Танюшка насупилась и молчала до самого дома.

На следующий день мы отправились в кино. Мультфильм оказался неплохим. Настроение, подпорченное злоключениями последних дней, поднялось, и, вернувшись домой, мы с

энтузиазмом приступили к подготовке новогодней ночи. В этом году мы принимали у себя друзей. Вообще, я полностью разделяю мнение о том, что Новый год – семейный праздник. Но иногда хочется разнообразия. Тем более что сестра улетела, а мама сказала, что, скорее всего, они с папой тоже пойдут к друзьям. Родители мужа и вовсе жаворонки, так что новогодняя ночь вместе с ними закончилась бы вскоре после боя курантов. Мы пригласили несколько семейных пар с детьми, купили всем приятные сувениры. Но для того, чтобы праздник действительно получился веселым, необходимо было придумать программу. Взрослые в этом плане не лучше детей – их тоже надо развлекать и организовывать. Посмотреть очередное шоу с переодеванием звезд каждый может и у своего телевизора. А уж если собирать гостей, то надо предложить им нечто интересное и незабываемое. Ну как тут не использовать свой литературный талант? На каждого была написана безобидная эпиграмма, для Танюшки придумали костюм цыганки и текст выступления с шуточным гаданием. Сувениры решили спрятать по квартире, чтобы каждый с помощью подсказок нашел свой подарок. Еще решили провести игру «Поле чудес» и конкурс на лучшее новогоднее поздравление. Папу с работы встречали с горящими глазами, перекрикивали друг друга, хвастаясь своими успехами.

– Какие вы молодцы, девчонки! – Муж обнял обеих. – Маме, кстати, гораздо лучше. Я завтра с утра завезу к ней Танюшку. Сходят в музей.

– Здорово. Роман, правда, это уже не спасет. Придется дописывать после каникул. Но хоть в магазин спокойно съезжу. Пора уже готовиться к приему бригады.

Первый звонок с извинениями раздался в девять утра двадцать девятого декабря. Ленка Земцова сообщила, что у их шестилетней Анечки фолликулярная ангина с высоченной температурой.

– Сама понимаешь, прийти не сможем.

Конечно, я понимала. Делать нечего, придется обойтись без Земцовых.

Машка Воронова позвонила через час.

– Это просто абзац! – проорала она в трубку.

– Что случилось? – Интуиция уже подсказывала, что и Вороновы к нам не придут.

– Главный редактор – идиот! – Машка работала в глянцевом журнале и была одним из ведущих журналистов.

– И только? – Я решила, что можно выдохнуть. Идиотизм ее главного редактора не должен был отразиться на моем празднике.

– Только! – Машка кипела от злости. – В следующем новогоднем номере мы должны рассказать о том, как встречают Новый год в разных странах. Причем на собственном примере. Послезавтра меня высылают в Рим. Хорошо, хотя бы вместе с мужем.

– А просто написать о том, как из окон выкидывают мебель, нельзя?

– Нельзя до тех пор, пока мне на голову на самом деле не свалится диван.

– Понятно. – Я расстроенно вздохнула. – Вообще, встретить Новый год в Риме вместе с мужем не самый плохой вариант.

– Ну да, – согласилась Машка, – просто перед вами неудобно.

– Да ничего, ты же не специально. – Я изображала браваду. Одна пара гостей – это уже не три. Это просто посиделки и болтовня. Конкурсы, гадания и «Поле чудес» – все зря.

Следующим позвонил муж:

– Петюня с Ниной не придут.

– А у них что стряслось? – Мне показалось, что я даже не удивилась.

– В очередной раз поругались навсегда и даже отнесли в загс заявление о разводе.

– Господи! Это худший Новый год в моей жизни! Надеюсь, хотя бы каникулы будут нормальными.

Едва сдерживая слезы, я набрала родителей и пожаловалась маме:

– Все гости отменились, в Сочи дождь, настроение на нуле. Худшего Нового года у меня просто не было.

– Мы тоже никуда не идем, так что приходите к нам. Все-таки праздник семейный.

– Мамуль, ты же знаешь, мы всегда с удовольствием. Да и Танюшке надо продемонстрировать свою цыганку. Представляю, как она расстроится, что не придут гости. Утешу хотя бы тем, что сможет вас разыграть. Что приготовить?

– Оливье, как всегда.

– А еще?

– Да все остальное есть. Ничего не надо.

– Ладно. – Я согласилась, потому что вспомнила совет сестры. Макаронс – вот что я сделаю. Это будет моим маленьким новогодним чудом, сюрпризом для всех! Да и себе я докажу, что могу кулинарить не хуже Ники.

Весь оставшийся день я потратила на поиски миндальной муки. Если и есть в Москве какой-то продукт, который действительно невозможно найти, то это, как оказалось, именно она. Я помнила, что сестра привозила муку с Кипра, но мне тогда

это показалось чудачеством. Я была не права. Ее нигде не было! И даже Интернет выдавал на запрос исключительно справки о том, что это такое и как, собственно, приготовить эту самую муку. Пришлось внимать советам Сети и молоть орехи собственноручно. Результат я попробовала тридцать первого декабря: сладкая резина с жесткими комками муки. Двое суток работы: варка начинок, выпекание форм, а еще ведь и формы пришлось покупать! И все, все насмарку!

Сестра улетела, свекровь заболела, роман недописан, муж не успел на концерт, желанное платье уплыло из рук, гости отменились, ребенок перестал верить в Деда Мороза. И теперь еще эти чертовы макаронс! Зачем они мне только сдались?! Конечно, я разрыдалась. Расплакалась от обиды на праздник, который так люблю и жду и который так методично и подло подводил меня в этом году.

На кухню зашел муж, увидел мои слезы:

– Ты что?

– Макаронсы – гадость!

Он взял ложку и попробовал свежеприготовленный салат.

– Зато оливье, как всегда, обалдеть! Плюнь на пирожные!

Пришлось сделать вид, что плюнула. Без всякого настроения нарисовать лицо, влезть в праздничное, но все же не в то самое платье, нарядить ребенка и идти к родителям.

Там все было как обычно: накрыли на стол, сели провожать старый год. В дверь позвонили.

– Кто там? – оживилась Танюшка.

– Беги открой! – тут же предложил ей дедушка. Мы сговорились с родителями, что попросим зайти соседку, чтобы в этот момент положить под елку Танюшкин подарок. Операцию «Следы Деда Мороза» – распахнутое окно, снег под елкой и на полу – мы провели за считаные секунды, и все высыпали в коридор, чтобы у дочки не возникло подозрений. Обменялись с соседкой поздравлениями и сувенирами и распрощались: быстрее за стол, осталось пятнадцать минут до боя курантов.

– Мама! Папа! – Мой ребенок, прижав руки ко рту, стоял посреди комнаты и не отрываясь смотрел под елку. Там, в люльке, ее ждала сделанная на заказ кукла. Та самая, которую не отличишь от настоящего малыша. Танюшка бережно взяла на руки свое сокровище и обернулась к нам. В ее глазах стояли слезы, голос дрожал:

– Ребята! Ребята! Он существует!

Я была готова расплакаться вместе с ней, но новый звонок в дверь заставил вернуться в прихожую. «Соседка что-то забыла», – подумала я и открыла.

– Мамочка! Он существует! Существует! – кричала из комнаты дочь. – Почему ты ничего не отвечаешь?

– Существует, Танюша! – Я и смеялась, и плакала. На пороге стояла Ника.

– Сюрприз! – радостно объявила она.

А потом наступил Новый год. А когда он приходит, мы получаем подарки. В красочной коробке, которую с лукавой улыбкой протянул мне муж, лежало то самое платье.

– Попросил привезти из другого салона, – объяснил он. – Что скажешь?

– Что тут сказать? – Мои родные ждали продолжения, и оно не заставило себя ждать: – Это лучший Новый год в моей жизни!

Екатерина Неволина
Снег в Иерусалиме

Аэропорт Бен-Гурион был полон народа. Толпились туристы с большими чемоданами, полными надежд на солнечную погоду и чудесный отдых; местные, тоже с чемоданами, не менее, а иногда даже более пухлыми на вид, но спутать их с первой категорией не имелось возможности – слишком разными оказывались выражения лиц, манера разговаривать и даже походка; пограничники, служащие аэропорта – эти уже без чемоданов, зато со специально натасканными собаками.

Орали дети, бойко переговаривались люди на всех возможных языках мира. Собаки молчали, но смотрели очень выразительно.

Среди всей этой суеты особо выделялась группа без полосатых купальников, зато с такими постными, не побоюсь этого слова, даже кошерными лицами, что невозможно не вспомнить о том, что, собственно, идет Великий пост.

Нам требовались как раз последние, ведь мы прилетели в Израиль вместе с паломническим туром. Если честно, то просто потому, что мне приглянулся монастырь Святого Георгия, вырезанный в скале в очень живописном израильском ущелье, и я решила: а почему бы не отправиться туда на Новый год?.. Мысль, конечно, бредовая, но, как и все подобные мысли, необычайно яркая и навязчивая, поэтому я не только поддалась ей сама, но и втянула в авантюру молодого человека.

– Добро пожаловать на Святую землю! – бодро приветствовала нас полная темноволосая женщина, руководитель группы.

– А мы сегодня заедем свечку поставить? – тут же задала вопрос молодая девушка в платочке.

Мы с моим спутником переглянулись, уже осознавая, что попали.

Всю дорогу от аэропорта мы молча пялились в окно.

На заднем сиденье уже начали отмечать грядущий праздник, и высокий, массивный мужчина, пребывавший в предпраздничной стадии, очевидно, еще с самой Москвы, то громко хохотал, то неожиданно всхрапывал.

Паломники поджимали губы, и на ликах их еще отчетливее проступала тень неодобрения и аскезы.

До Нового года оставалось два дня. Холодно, но ни снежинки не срывается с суровых стальных небес. Никаких тебе наряженных

елок или разноцветных украшений, словно о празднике и не слышали в этих местах. То ли дело в Москве, где предновогодняя суета начинается уже в конце ноября, улицы приветливо переливаются гирляндами, а витрины магазинов украшают елки самых разных видов и конструкций. Уже стемнело, и город выглядел мрачным, каким-то настороженным.

Нас высадили у Старого города и повели-таки ставить свечки мимо почти опустевшего в этот час арабского базара, мимо мрачных каменных стен. Мы с любопытством оглядывались, привлеченные то странным символом на воротах, то необычной архитектурой, и норовили отбиться от группы.

Арабы, точно тени, стоящие в мрачных подворотнях, провожали нас настороженными взглядами.

– Ну вот, даже на душе посветлело, – сказала одна из паломниц, когда мы осмотрели уже все закоулки знаменитого храма, а последняя на сегодняшний день записка была-таки написана.

Пора ехать в дешевую арабскую гостиницу, где за общим столом, смутно напоминающим о трапезах первых христиан, можно было отведать нехитрую постную снедь – преломить лепешку и погрызть салат, где китайская капуста одержала безусловную победу над жалкими обрезками помидоров.

– Ну, как здесь у вас? – насытившись, удовлетворяли духовный голод члены нашей группы.

– Да как у всех в целом, – рассказывала гид. – Обманывают, правда. Вот на рынке так и норовят вместо картошки апельсины всунуть. Купишь ведро картошки, смотришь, а она только сверху лежит, а снизу апельсины!

– А дети у вас есть? – тем временем спрашивала другая паломница.

– Да, дочь. Большая, уже в армии.

Как говорится, добро пожаловать в Израиль!

Видели мы, кстати, девушку с автоматом еще в аэропорту. Мой спутник кинулся ее исподтишка фотографировать. Девушка мгновенно оглянулась на вспышку, пронзив нас снайперским взглядом самого крупного калибра.

– А Новый год? – следовал новый вопрос.

– Ну, Новый год у нас в целом не отмечают. Но мы, конечно, соберемся здесь, – гид обвела широким гостеприимным жестом неуютный зал с тусклым освещением, – отметим дружной компанией. Кто хочет участвовать, сдавайте по двадцать долларов. А на Рождество как раз в Вифлееме будем.

– Вам надо приложиться к иконе. Я слышала, она помогает. Одна моя знакомая поехала в паломничество перед тем, как

родить… – доносилось тем временем с другого конца стола.

Все еще отмечавший, но еще как-то державшийся благодаря худенькой жене с обеспокоенным лицом и бегающим взглядом мужчина громкой икнул.

Мы снова переглянулись, понимая, что идея отмечания в дружной компании чем-то лично нас смущает, и поспешили уйти.

За окном было темно и мрачно, а в соседнем номере громко шуршали пакетами, распаковывая вещи.

Но вот наконец пришло утро.

С наступлением дня город вернулся к своей беспокойной жизни. Но настороженность никуда не исчезла. Напротив, она чувствовалась чем дальше, тем больше. Я осознала это, заметив на балконе мальчишку, который выцеливал прохожих из игрушечного автомата и нажимал на курок. Курок, конечно, был пластиковым, как и сам автомат, но мальчик ведь целился и стрелял совершенно по-настоящему, пусть даже из игрушечного оружия…

На арабском рынке громко кричали, зазывая к себе покупателей. Продавали арафатки, связки бус, дешевые китайские товары и перевязанные пачками тонкие свечи для Иерусалимского храма. Рынок бурлил, напоминая гигантский котел, а рядом, всего в двух шагах от него, пролегал тот самый крестный путь. Нас водили по Via Dolorosa мимо посеревших домов, по растрескавшемуся тротуару. Арабские торговцы становились все навязчивее. Если бы Христос проходил сейчас по этим улицам, его разорвали бы, чтобы растащить на сувениры.

В городе так и не чувствовалось приближения праздника. По-прежнему хмурилось небо, днем всего лишь сменившее градиент серого, не было ни украшенных елок, ни особого ожидания на лицах, которое можно заметить у нас как раз накануне Нового года, когда в глазах даже самых спешащих, суетливых людей вдруг проглянет детское ожидание чуда.

– Как ты представляешь свой идеальный Новый год? – спросила я у спутника.

– Уж точно не так. Хотя Старый город очень интересный, – заметил он. – А ты?

– Традиционно, – кивнула я, – не до такой, конечно, степени, чтобы оливье и мандарины, я не особый любитель ни того, ни другого, но знаешь, хочется какого-то ощущения волшебства.

Некстати про оливье вспомнился мне Новый год, отмечаемый с друзьями. Все делали миски традиционных салатов, а я нарезала ножом фисташки и мякоть помидоров, творя экзотическое блюдо. В результате не менее часа кропотливой и тонкой работы получилась крохотная горсточка странного салата,

эффектно размещенного посреди большой красивой миски. Так вот, те самые друзья вспоминают это блюдо до сих пор – в отличие от тазов оливье.

– Волшебство – это правильно, – кивнул мой спутник. – Самый волшебный Новый год бывает в детстве. Когда тебе впервые разрешили дождаться боя курантов вместе со взрослыми и тебе кажется, что ты такой же большой, как они, и ты все равно не выдерживаешь и засыпаешь прямо за столом…

– У меня тоже так было, – кивнула я. – А еще так хочется с нетерпением ждать вечера и верить, что с боем курантов жизнь изменится и потечет по-новому – наполненно, интересно, счастливо…

– Недостаток чудес в обыденной жизни – страшная болезнь, – резюмировал он.

Мы помолчали.

Странная идея приехать в Иерусалим именно перед праздником, да еще и вместе с паломниками, не правда ли, хотя в Москве мне почему-то казалось, что это будет необычно и очень здорово. Насчет необычно, конечно, не поспоришь. Дома меня ждала бы семья, накрытый стол с салатиками и холодцом, украшенная елка и лежащие под ней подарки… и, конечно, главный элемент этого праздника – мягкий волшебный снег. Новый год без снега – это как бы и не настоящий Новый год.

Вернувшись в гостиницу, мы, не сговариваясь, двинулись к бару и попросили себе по стакану текилы и лимон с солью.

– У вас что-то случилось? – с беспокойством и искренним сочувствием спросил у нас мужчина из группы.

– Нет-нет, все хорошо, – дружно заверили мы.

В последний день перед праздником мы, отделившись от группы, сели на местный автобус, чтобы поехать в пригород, и вдруг что-то негромко бахнуло. Минута, не больше, и мы с моим другом остались в салоне абсолютно одни – водитель и другие пассажиры выскочили наружу в фантастически короткие сроки. Ничего страшного, конечно, не случилось, это была всего лишь выхлопная труба, однако наводило на размышления и усиливало то самое ощущение тревоги.

И вот тридцать первого декабря мы с моим спутником шли по пустой улице мимо каких-то арабских кафе и молчали. Чувство вины за идею этой праздничной поездки все сильнее мучило меня, а загадочный горный монастырь чем дальше, тем больше терял свою таинственность и притягательность. Главный недостаток всех воздушных замков – их отвратительная способность прогибаться под грузом действительности и беззастенчиво таять в самый неподходящий момент.

– Ну, вот когда бы ты еще встретил Новый год в Иерусалиме, да еще с паломниками! – сказала я своему другу таким тоном, словно выставляла ему грабительский счет за купленную в кредит яхту.

Слово «зря» висело между нами тяжелым камнем, и немудрено, что вскоре оно вылилось в ссору, вспыхнувшую по какому-то сущему пустяку.

– Ну и пока, – сказала я, уходя и еще надеясь, что мой друг, конечно же, побежит за мной.

Не побежал.

Оказавшись у стен иерусалимской крепости, я постояла немного перед памятником сарацину и крестоносцу, сошедшимся в бесконечной схватке за эту драгоценную, вдоволь испившую крови землю. За суровую землю, столь неласковую к чужакам на протяжении веков и до сих пор верно хранящую эту традицию. Затем вошла в ворота, прошла мимо странных изукрашенных дверей, ежась на ветру в своей не слишком-то теплой куртке. Холодно блестели окна, подсвеченные изнутри уже включенными по случаю ранних сумерек лампами. Не уютно, а именно отстраненно-холодно. Одиночество обступало меня вместе с этими каменными стенами, оно вливалось в мою кровь, холодило пальцы, оседало на ресницах невыплаканными слезами.

Одиночество в чужом городе в новогодний вечер. Холодно и бесприютно.

Побродив немного по улицам, я решила вернуться в отель и наконец сообразила, что совершенно не помню дороги.

Пришлось искать, у кого бы спросить. У стены, неподалеку от ворот, стояло несколько хасидов – благочестивых последователей иудаизма. Как положено, в черных сюртуках, в шляпах, с пейсами и фирменными горбатыми носами. Они, словно сошедшие с картинки с подписью «Еврей классический, обыкновенный», инстинктивно вызвали у меня больше доверия, чем арабы, поэтому я подошла к одному из хасидов.

– Простите, я заблудилась. Мне нужно вот в этот отель. – Я продемонстрировала визитку отеля, так кстати оказавшуюся у меня в сумке.

Он вызвался проводить меня, и это оказалось даже к лучшему, потому что дорога была непростой, со множеством поворотов, и с моим неоднократно подтвержденным талантом ориентироваться я наверняка запуталась бы. И вскоре мы уже шли по холодной иерусалимской улице. Хасид увлеченно рассказывал о своей семье. Помню, что у него был очень строгий и ортодоксальный отец, отправивший мальчика в синагогу, а он сам считал себя едва ли не либералом и мечтал об уюте семейного

счастья.

– Меня не понимают в семье, – жаловался он, – я не такой, как они.

А мои мысли уже уносились в другую степь. Новый год не зря называют семейным праздником. Именно в это время люди как никогда хотят чувствовать поддержку и безопасность, в холодную ночь собираться вместе и отгонять витающих за пределами жилища зимних духов веселой болтовней, песнями, смехом, ощущая тепло и внимание, собственную нужность и веру в завтра, когда взойдет солнце и начнется новый день и Новый год, взявший от старого исключительно самое лучшее, сулящий новое счастье.

Мой спутник много говорил, довольно занудно, к тому же я не все понимала из-за отвлеченных мыслей и недостаточной языковой практики, но мне казалось это небольшой платой за возможность поскорее закончить неудачный праздничный вечер. Сравнительно теплый номер в отеле, где благодаря щели в двери было слышно, как соседи шуршат пакетами, разбирая багаж, казался мне уже прообразом рая. Между делом выяснилось, что сегодняшний вечер вовсе не являлся праздничным для моего сопровождающего – хасиды отмечают свой Новый год в начале осени, где-то в сентябре – октябре.

«Забавно, если бы наши паломники увидели меня с хасидом, – лениво размышляла я, не забывая кивать на уже почти не слышимые мной реплики. – Иерусалим – город трех религий… только представителей мусульманства поблизости недостает…»

Меж тем мой хасид совсем разговорился, и под конец, когда я поняла, что он вот-вот перейдет к планированию воспитания совместных детей, мне стало не по себе.

Остановившись у отеля, я отказывалась назвать номер своей комнаты даже под пытками и очень надеялась на появление своего друга, которое пришлось бы в этот момент весьма кстати. Бог с ней, с ссорой, в конце концов, я уже забыла, по какому поводу она произошла. Наконец отделаться от провожатого удалось, и я едва ли не бегом кинулась к дверям отеля, где и столкнулась с другом. В это время он уже искал меня, обеспокоенный моим долгим отсутствием.

– С тобой все в порядке? – встревоженно спросил он.

– Теперь – да. – Я улыбнулась.

И как-то сразу стало легче. Все пустые ссоры оказались сущим вздором. Вокруг была старая, много повидавшая земля, уж она-то понимала все. И сегодня, в предновогодний вечер, невозможно было сердиться.

Мы, конечно же, помирились, и мир вокруг тут же изменился,

стал мягче и добрее. А потом вдруг пошел снег. Такой неожиданный здесь, в Иерусалиме. Крупные снежные хлопья медленно кружились в воздухе, оседали на волосах, капельками сбегали по щекам. Было так красиво, словно сама королева зимы кружилась в сумасшедшем танце. Ее легкие шаги отчетливо звучали на древних улицах, и старые оливы плескали на ветру листьями, словно аплодировали этому триумфальному шествию.

– Бежим в магазин! Еще успеем! – скомандовала я.

И мы побежали.

В последние часы перед наступлением Нового года мы успели купить бутылку израильского вина, сделанного из перезревшего на яростном солнце винограда, и какую-то легкую закуску, чтобы все-таки отметить праздник. Смеялись, спрашивали что-то у продавщицы с густо подведенными черным газами, передразнивали друг друга…

А за окном шел и шел снег – словно подарок в эту волшебную ночь…

К утру он, конечно, растаял, но это было уже не важно. Новый год удался, остальное – пустяки и суета сует.

Первого января мы купили мне туфли в самом дорогом, как оказалось, иерусалимском магазине. Долго разговаривали с продавщицей по-английски, пока не услышали от нее робкое: «А по-русски вы не говорите?» Туфли, кстати, оказались отличные, лаковые, на высоком, но удобном каблуке, немного не такие, как пристало представительнице паломнической группы, но что уж там, несоответствий к этому времени и так накопилось немало.

Потом было много разного – и монастырь Святого Георгия, действительно потрясающий, не обманувший мои надежды ни в чем; и переполненная народом площадь перед храмом в Вифлееме, где совершалась рождественская служба, в самом храме, конечно, давным-давно не осталось мест; и Иерихон; и зреющие на деревьях плоды манго и апельсины на юге Израиля, и Тивериадское озеро – море Галилейское… Так много всего, но именно тот новогодний вечер словно открыл передо мною Израиль, изменил его лицо с неприветливо-отстраненного к человеческому. Даже жестокий пограничный контроль в аэропорту Бен-Гурион, где каждую баночку с живительным израильским кремом подвергли самому тщательному изучению, не повернул это чувство вспять.

С другом, с которым я летала в Израиль, мы поженились, а потом развелись, оставшись лучшими друзьями, но туфли, купленные в первый день того Нового года, оказались очень хорошими, гораздо прочнее нашего брака. Я ношу их до сих пор и с удовольствием вспоминаю тот Новый год, проведенный в

Иерусалиме, и снег, набросивший на Старый город сказочную вуаль. Иногда достаточно сущего пустяка, чтобы все неожиданно изменилось.

Ну что же, спасибо всему, что было, а дорога идет дальше, причудливо петляя и теряясь где-то там, за горизонтом.

Я уверена, что мой лучший Новый год еще впереди.

Татьяна Алюшина
Здравствуй, Европа, Новый год!

Новый год – это всегда здорово!

Да, всегда!

А уж для нас, россиян, так особенно! Почему-то он очень созвучен с нашим менталитетом и умением гулять по-настоящему широко, от души!

И вот что удивительно – каждый раз мы ждем чего-то необыкновенного, сказочного, замечательного и стараемся изо всех сил и возможностей встретить праздник самым наилучшим образом, и старательно готовимся, и замираем в предвкушении!

Каким-то странным, непостижимым образом в нас живет неистребимая детская вера и надежда, что в следующем году – ну вот в этот раз уж точно, наверняка! – все обязательно будет хорошо, проблемы решатся и утрясутся-рассосутся сами собой или неким волшебным образом с помощью добрых сил, весьма туманных и непонятных, но непременно добрых!

И что обя-за-тель-но в следующем году все у нас будет лучше и шоколадней, чем в уходящем, вот увидите! На этот раз стопудово!

И ведь ничего не может выкорчевать и изничтожить в нас этой веры и ожидания лучшего!

Ничего! Никакая жизнь с ее прагматизмом и рационализмом, опытным путем давным-давно доказавшая, что каждый следующий год ничем не лучше предыдущего со всей его фигней, а то и похлеще будет!

Да наплевать!! Сто раз!!

У нас праздник, мы собираемся его обалденно провести и искренне, до глубины души верим, что в следующем году все будет классно, потому как мы способствуем этому наикрутейшим отмечанием Нового года!

А все, кто не верит, нудит и отмечать не собирается, – на фиг с баржи! Вон в Гондурас, например, там Новый год не отмечают. А если и отмечают, то совсем не так, как у нас в России, – хиленько.

А уж мы-то умеем! Да так, что никому не сравниться.

Какие там Европы и Азии, о чем вы!

У них фантазии не хватит даже представить, на что способен российский человек, отмечая этот самый любимый праздник.

Мы же готовимся. Ах, как же мы готовимся!! И покупаем заранее дорогие деликатесные вкусняшечки, на которые в

обыденной жизни и даже не смотрим лишний раз, чтоб не расстраиваться, любовно складывая их в потаенные закрома до заветного часа, и продумываем застольное меню и список гостей, и наряд свой, и… – да много чего! И все в приподнятом настроении, в предвкушении…

Ну и вот оно – настало, грянуло! – отмечание и проведение новогоднего праздника!!

Мама до-ро-га-я!! М-м-м, да!

По-разному мне доводилось встречать Новый год.

В основном с семьей, что, по моему личному глубокому убеждению, особо дорого и значимо для любого человека. Круг самых близких и родных людей, со своими уникальными семейными традициями, правилами, рецептами, шутками, привычками и радостями – сплоченный круг любящих друг друга людей, – нет и не может быть ничего сильнее и значимее этого единства.

Семья – это, понятное дело, хорошо и здорово, но случалось и в других компаниях и обстоятельствах встретить этот праздник.

Однажды так вообще в такси, наглухо застрявшем в пробке! Представляете, какая засада?! А вот так и встретили!

– Все, куранты! – констатировал мой муж, доставая из пакета бутылку шампанского, которую мы везли с собой, направляясь в гости к друзьям, где нас с нетерпением ждали. И, открывая дверцу машины, позвал:

– Пошли на воздух, ребята! И ты, командир, давай, чего уж теперь! – пригласил он водителя.

Мы выбрались из машины. Громко хлопнула улетевшая куда-то пробка, у таксиста оказались припасенными как раз на этот случай пластмассовые стаканчики, быстро разлили шипучку… и тут захлопали дверцы машин вокруг, и пассажиры стали выходить на дорогу, последовав нашему примеру.

Нашлись еще стаканы и еще шампанское, и из приемников всех машин неслись звуки кремлевских курантов, отсчитывающих первые секунды Нового года. Мы обнимались с незнакомыми людьми, поздравляя друг друга, кричали «ура», пили шампанское, и отчего-то всем было бесшабашно весело и никто не чувствовал разочарования оттого, что не успел доехать туда, где его ждут.

А на улице, между прочим, стоял офигительный мороз, хорошо так градусов за двадцать, и пар из наших ртов поднимался над крышами машин, когда мы дружно кричали «ура!!».

Но я хочу рассказать вам про другой Новый год, случившийся в моей жизни, не менее запоминающийся.

Самое начало девяностых. Мир распахнул свои ворота для бывших советских граждан, и российский народ, застоявшийся в очереди за дефицитом, ломанулся скопом на это незатейливое приглашение поглазеть на заграницу, поприсутствовать, приобщиться и оставить свой след.

Последнее нам удавалось красочней и лучше всего.

Не избежали соблазна загадочной европейской манкости и мы. И решили провести Новый год в Чехии, в Праге. В самом подходящем именно для этого праздника городе – по антуражу, таинственности и сказочности.

Поехали вчетвером – мы с сестрой и наши мужья.

И добирались-то заковыристо. Дело в том, что мужчины наши были плотно заняты работой практически до самого праздника. И мы могли уехать только на поезде, ибо билетов на самолет в Прагу было не достать, да и летал тогда в этот город только один рейс в сутки.

«Ну, поезд так поезд», – сказали мы.

Но в процессе приобретения билетов всплыл один нюанс – Новый год придется встречать в дороге, в том самом поезде!

Ну встретим, не испугалась наша дружная компания! И даже где-то с энтузиазмом – здорово же будет, необычно, встретить Новый год в поезде!

Да уж, знали бы мы тогда, когда весело принимали это решение, насколько будет необычно! Прямо до удивления!

Ну что ж, к поездке мы готовились всерьез и тщательно – в том смысле, что два дня с сестрой парили, жарили, резали и смешивали, колдуя над праздничным застольем. И оливье, как положено, куда ж без него! И селедочка под шубой, и иные салатики, и икорочка, как водится, и гусь в яблоках. А как же! Ну и сладенькое кое-что.

А наши мужики с особым эстетским вкусом в это время затаривались разнообразным элитным спиртным, в те приснопамятные годы еще так будоражившим души россиян своей неожиданной красотой на полках магазинов, доступностью и загадочностью солидной европейской истории.

М-м-м, да! Как вспомнишь! Мы ж тогда, в начале девяностых, все были как дети, дорвавшиеся до сладкого, восторженно хлопая глазенками на цветные фантики.

Но не суть.

Итак! Все наготовлено, в контейнеры любовно сложено, в фольгу завернуто, в отдельной сумке позвякивают бутылочки – в дорогу, в дорогу!!

Настроение приподнятое, возбужденное, радостное! По вагонам!!

А удивительное началось сразу.

Оказалось, что поезд, в котором нам предстояло ехать, был не простой и привычный, а европе-е-ейский. О как!

То есть началось знакомство с Европой сразу. С колес, так сказать.

Эдакий необычный поезд. Для начала – чистенький, поблескивающий бочками, как пасхальное яичко, а уж внутри!! Вообще небывальщина – в купе вместо привычных четырех полок с двух сторон – три полки слева, а справа у стены маленький умывальничек, на который откидывается угловой столик, и зеркало и даже такой мини-шкафчик. Вот такая вот конструкция непривычная еще в те времена русскому человеку, но красиво и даже уютненько. А уж чистенькие биотуалетики, практически без запаха, так и вообще красота немереная, что и говорить!

Запад, одно слово!

Плохо то, что одному из нашей компании пришлось разместиться в соседнем купе с незнакомыми людьми. Впрочем, нас это не сильно напрягло.

Все! Сели, поехали! Ну, что? Уже ура?

Ага!

Вот говорил же когда-то мудрый Бисмарк, что не фиг европейцам в Россию ту загадочную соваться – по сопатке получите и не поймете, за что и как, да так недоумевающе с фингалом под глазом домой и вернетесь. Я же все продумал, все предусмотрел, готовился: словарь купил, обычаи и нравы изучил, даже моя фройлян приготовила по рецепту этот их ужасный «борщ» на пробу! Почему же все пошло наперекосяк и почему ничего не получилось и не сработало, как было задумано, почему все без расписания, все случайно и ничего в их стране невозможно рассчитать, предусмотреть и спланировать?!

Да как тебе, мужик, объяснить… – почешет русский Иван головушку и разведет руками, пожав плечиками, – потому!

А уж всяческие агрессивно неугомонные выдающиеся полководцы и правители Запада давно расширили данную доктрину «не фиг на Россию переть!» личным опытом, наглядно доказывая соотечественникам – даже в страшном сне не пытайтесь посетить эту страну зимой! Летом еще ладно, попробуйте, если уж неймется. Но быстро – туда и обратно, пока люлей не наполучали, а так – не стоит!

Так вот ведь нет, находятся «экспериментаторы» неугомонные.

Европейский поезд – это, конечно, хорошо и даже круто, «лялечка» такая слегка экзотическая, игрушечка, да только…

Дело в том, что вся эта расчудесная красота «живет», ездит и

благополучно трудится и эксплуатируется в европах и проводит время между рейсами в отапливаемых депо и отстойниках, а у нас… Ну кто ж будет поезда греть?! Вы че?!

На дворе тридцатое декабря, Россия, Москва и тридцать пять градусов мороза.

Нормальная погода.

Постояла эта лялечка в холодном отстойнике ночь, и заморозилось в ней все водоснабжение на хрен за милую душу. В том числе и чистенькие, сверкающие биотуалетики.

Вот так! К такой-то матери!

А ехать, на минуточку, тридцать шесть часов, да с неработающими туалетами!

Весело-о-о-о!! Обхохочешься!

Ну, нам-то ладно, как вы понимаете, при столь серьезной «подготовке» нам уже никто и ничто не могло помешать достойно встретить Новый год, даже замерзшие клозеты, а вот проводникам досталось по полной программе!

Нам еще повезло, что проводники в нашем вагоне были русские – мужик лет тридцати пяти и женщина немного помоложе его, а всем известно, на что российский человек способен в экстремальной ситуации и как у него начинает работать соображаловка, когда припрет.

Мужик-проводник бегал по вагону, таскал откуда-то ведра с кипятком и заливал им замерзшие в глыбу унитазы, на что русский мороз говорил веселое «Ха!», откровенно веселясь на такие бесполезные потуги.

А мы тем временем с сестрой украсили по-новогоднему свое купе, как и положено – дождик, игрушки, снежинки развесили, даже маленькую искусственную елочку в уголке столика установили – красота! Ну и разумеется, скатерочку постелили, салатики разложили, тарелочки-салфеточки праздничные и приступили к провожанию уходящего вдаль вместе с рельсами за поездом старого года.

Для усиления и поддержания постоянного правильного праздничного баланса у нас с собой еще имелся маленький проигрыватель с музычкой и гитара.

Посещение туалета превратилось для нас в шутку и в изматывающий ритуал для проводников – сначала мужик выливал в унитаз полведра кипятка, потом запускал туда пассажира, а после него выливал оставшуюся половину из ведра.

Ничего не помогало, а становилось только хуже. Теперь еще и начало попахивать!!

А через пару часов уже совершенно откровенно воняло!

На определенном этапе этой бесполезной борьбы с природой

умотанный проводник наглухо запер туалеты и, махнув рукой, послал всех нас… через три вагона, матом каждому пассажиру уточняя маршрут.

Нет, вы вообще себе это реально можете представить?! Поезд, двадцать с лишним вагонов, и везде замерзли туалеты! Амбец полный! Катастрофа, ЧП международного уровня!! Эдакий вонючий эшелон мчится через ночь к европейским границам!

На одной из станций волевым решением железнодорожного начальства в попавшем в столь щепетильную неприятность составе несколько вагонов срочно поменяли на обычные советские, в которые переселили пассажиров, охотно променявших всю эту европейскую красоту на привычную раздолбанность наших вагонов и родные туалеты с простейшим, никогда не замерзающим педально-вываливающим механизмом и кочегарящими вовсю бойлерами с кипятком.

Вот в них мы и бегали – через три вагона.

Надо сказать, что добровольцев, решивших отмечать Новый год в поезде, набралось немного – большая часть пассажиров сошла на других станциях по пути следования состава, и в нашем вагоне осталось человек десять, не больше.

Ну а у нас праздник!

Музыка, шампанское, танцы и гитара с песнями!

Надо сказать, что муж моей сестры Володя отлично играет на гитаре и прекрасно поет, обладая хорошим голосом и великолепным слухом. К тому же мы вообще компания веселая, шебутная, юморная, вот и подтянулись к нашим двум купе большинство пассажиров вагона.

Один пассажир достоин отдельного упоминания.

Мужик лет за пятьдесят, здоровый такой, широкий-высокий, с пузцом солидным, темная шевелюра волос в художественном беспорядке. Торжественно так: в белой наглаженной рубашке без морщиночки-складочки, застегнутой до предпоследней пуговки на воротничке, в черных брюках со стрелками, лаковые туфли – праздник все же. Он остался в своем купе, которое находилось в конце вагона, один. Подошел к нам первый раз и серьезно так, даже строго спрашивает начальственным тоном:

– Что вы здесь?

– Праздник отмечаем! – бодро и весело оповестили мы.

– А-а-а, – протянул мужик, не теряя хмурой серьезности.

Постоял, послушал песню, которую мы пели в этот момент про елки-иголки в актуальной новогодней тематике, и ушел обратно в свое купе. Там, видимо, выпил еще, прихватил с собой стакан со спиртным, вернулся к скопившимся у нашего купе пассажирам, протолкался через них вперед и снова спрашивает:

– Ну, что вы здесь?

– Да вот, праздник отмечаем!! – еще более весело и задорно отвечаем мы.

– А-а-а, – снова протянул он и на сей раз задержался подольше.

Стоял в сторонке, потягивал что-то янтарно-золотистое из стакана, скорее всего коньячок, смотрел, как мы отплясываем в проходе с другими пассажирами под разудалую музычку, и даже плечиками эдак покачал в такт мелодии. Отметился празднично. Допил и ушел к себе. Минут через пятнадцать снова подходит и уже весело, на подъеме душевном, улыбаясь, даже пританцовывая, и громко спрашивает:

– Ну, что вы здесь? – а сам уже раскраснелся, рубашечку расстегнул на три пуговки.

– Да праздник же отмечаем!! – хохочем мы.

– А-а-а! – пританцовывая, кивает мужик.

Постоял, подпел музычке, посмеялся со всеми над анекдотом, рассказанном кем-то из пассажиров, телом покрутил слегонца, вроде как танцуя, и незаметно снова удалился в свое купе. А минут через десять подходит уже совсем развеселый, раздухарившийся – «морда красная», улыбается во все тридцать три зуба, рукава рубашки закатаны, одна пола выпросталась из-под ремня брюк, пуговицы до пупа расстегнуты – и весело так, громко спрашивает:

– Ну, что вы тут?!

Мы покатились со смеху. А он посмеялся с нами, поплясал по-настоящему эдак, задорно, даже попытался было вприсядку пуститься, но не прошел кормой в узости коридора, махнул рукой и продолжил танцевать без лихих выкрутасов и уже традиционно через какое-то время свалил к себе. А когда под утро мы решили-таки закругляться и хоть немного поспать, он громче всех возражал:

– Да вы что, ребята, хорошо же отдыхаем, давайте дальше!

Не вру! Вот такой типажик повстречался!

Кстати, насчет закругляться.

Замученные проводники уже в час ночи начали уговаривать пассажиров прекратить веселье и лечь спать.

– Да вы что?! – возмутилась наша компания беспредельно. – У нас еды на батальон, задора на два, да и что выпить имеется в достаточном количестве, а мы еще и до гуся не дошли!

И железно пообещали – вот гуся распечатаем, отведаем и спать!

До гуся мы добрались вечером в гостинице. Не повезло проводникам.

Утром, в шесть часов, поезд прибыл на вокзал.

Ну, здравствуй, Прага!!

Таксист слупил с нас совершенно сумасшедшие деньги, да еще и в долларах, которые на вокзале в такую рань обменять не имелось никакой возможности, но доставил до пансионата, где у нас были забронированы номера. Номера-то у нас были, да только с двенадцати часов дня. И, оставив вещи на хранение, мы отправились в центр города и… и Прага нас не ждала!

В центре было совершенно тихо и практически безлюдно.

Отгремев разудалым веселым празднованием, завалив центральную площадь мусором, пражане сладко спали на своих чешских перинах в своих старинных домах под готическими крышами. В необычайно притихшем городе лишь уборщики выметали мусор с площади да редкие прохожие, зевая в кулачки, выгуливали мелких собачек. Ежась на холоде и подбирая за питомцами отходы совочками с пластиковыми пакетами.

Отчего мы откровенно прибалдели!

Представьте – начало девяностых, Россия с ее тогдашними реалиями, а тут в благости европейской за собачкой ходит хозяин с совочком и пакетиком в нем.

Ну, не ляпота ли? Чудеса-а-а!

Но есть-то хочется, да и пивка бы знаменитого чешского утром-то первого января, а как же, сам бог велел, не говоря уж про Санта-Клауса.

А вот сейчас! Какое пивко?! В семь утра? Обалдели?

Закрыто все! То есть вообще все – магазины и кафе-рестораны-бары. Люди наотмечались и спят. Тут вдруг мы услышали музыку в одном из кафе, ломанулись в заведение обрадованно, как русские лоси к булыжнику дармовой соли, а нам навстречу хозяин выскакивает, руками машет, мол, нет, нет, у нас закрыто!

Как закрыто? Вот же музычка и веселье! А это мы с семьей и друзьями еще отмечать не закончили, пояснил хозяин. И побрели русские туристы печально дальше.

Не, все классно у вас тут, ребята, красота страшная вся эта готика, улочки, булыжные мостовые, пастораль, открытка с поцелуем. Но холодно же!

Эй, чехи, где, спрашивается, ваше туристическое гостеприимство, а?

Замерзли мы страшно, прошарившись больше часа по вымершему историческому центру города.

И все же мы нашли! Нашли небольшое кафе в полуподвале старинного дома на одной из узеньких улочек! И ввалились туда совершенно счастливые и удивились, обнаружив там довольно

большое количество посетителей, явно не засидевшихся отмечанием с ночи, а свежеприбывших, если можно так сказать, весело отмечавших уже первое января.

Мы долго пытались объяснить официанту, что хотим глинтвейн – ну, замерзли капитально, до потрохов, да к тому же нам объясняли побывавшие в этой стране люди, что глинтвейн – это один из традиционных напитков в Чехии.

– Что? – не понимал он, пожимая плечами.

Ну, горячее вино, поясняли мы на русском и на английском, добавляя активной разъясняющей жестикуляции.

– А-а-а! – понял наконец чешский хлопец. – Сварено вино!

– Оно! – махнули мы руками.

Оказалось, что так у них и называется это горячее безобразие, что вытворяют с достойным напитком, обзывая глинтвейном, – «сварено вино».

И оно было очень вкусным, и самое то, что и требовалось, и точненько к месту, а простая, незамысловатая еда, так вообще выше всяких похвал.

Кстати, чешская кухня при всей ее, казалось бы, простоте и отсутствии вычурности на самом деле удивительно вкусна, и разнообразна, и весьма созвучна нашей традиционной кухне, и почти по-домашнему ложится в желудке и на душу российскому человеку.

Съездите, попробуйте сами, оцените.

А мы согрелись сваренным вином, наелись вкусноты и повторили напиток еще разок…

Ну вот, теперь уж точно Новый год наступил!

И было начало этого нового года для Чехии шокирующим!

А потому что жахнул в ней мороз, градусов пятнадцать, и повалил снег.

Все, трындец, приехали – поняли чехи! Машины на пражских мощенных брусчаткой улицах не ездят, что такое зимняя резина, они вообще не знают.

Что-что? Какая? Зим-няя? А это что?

Как вообще ездить по дорогам, засыпанным снегом, не понимают. У них же минус пять уже суровая зима, а снег так вообще нечто выдающееся. Но надо отдать должное – они быстро справились, и все городские службы расстарались и срочно начали чистить дороги и посыпать их золой.

А для нас красота невероятная, сказочная, картинная!

Стояли на холме и смотрели вниз на старинный центр Праги – черепичные крыши, столбами вверх поднимается дым из высоких труб, пахнет дровами, и прогорающим углем, и яблочным штруделем с ванилью, и уткой в яблоках, и еще чем-то

необыкновенным, совершенно сказочным.

Ошеломленные морозом европейцы, осторожно переступающие по тротуарам, усыпанным снегом, кутаясь в свои совсем не зимние курточки, и русские туристы, отчетливо выделяющиеся на их фоне распахнутыми в вечном удивлении глазами, в простоте восприятия мира посредством тыкания пальцами во все стороны, безыскусными возгласами непосредственного детского восхищения, меховыми шапками и женскими шубами, которым в контексте столь неожиданной заморозки явно завидовали чехи.

Особенно мне запомнилась компания итальянок, которых мы встретили на Карловом мосту. Красивые, шикарные, загоревшие три грации, с пышными волосами, каскадом спускающимися по спинам, все увешанные золотыми украшениями и одетые в легкие кожаные курточки в стиле пиджачков с открытыми декольте. В глазах полное недоумение: куда они попали и отчего так холодно. Идут – сжались, скукожились, обнимая себя руками, дрожат, а через великолепный загар уже начал проступать синюшный оттенок первичной заморозки.

И тут такие мы. В шубах. От так!

А еще запомнился замок, в который мы ездили на экскурсию. Высоко на горе настоящий средневековый замок двенадцатого века, с башен которого открывается потрясающий вид на всю округу. И все вокруг в снегу!

Это же стратегический объект, его и строили с оборонительной целью на самой высокой точке местности с возможностью обзора всего окружающего пространства.

Вид – закачаешься! Я тогда поняла, что посещать такие замки надо именно зимой и чтобы непременно был снег – потрясающая картинка, незабываемая. Открыточная.

Вообще Прага меня поразила и очаровала. Но не только.

Много чего странного, необыкновенного и даже мистического случилось со мной в этом волшебном городе, но это совсем другая история, не про Новый год.

Другая. В следующий раз расскажу.

Елена Нестерина
Баба-яга всея Руси

Писательница Соня Дивицкая очень точно подметила, что русская действительность признает и уважает только два женских типажа: это Родина-мать и Баба-яга. Первая сильна молодостью, мощью телес и готовностью в любой момент предоставить уход, обслуживание, защиту, опору и поставку усиленного питания. Вторую же, свободную, независимую, у которой где сядешь, там и слезешь, а то и не всегда жив останешься, боятся – и от страха уважают. Чем Мать-Родина красивее, добрее и сильнее, тем к ней больше претензий. Чем страшнее, злобнее и опаснее Баба-яга, тем больше ей почет и уважение.

Если Бабой-ягой можно стать с любого момента жизни, то Родине-матери обязательно нужна семья с детьми, престарелыми родственниками и прочими приживалами в виде мужа или хотя бы отца детей – чтобы было о ком заботиться. Бездетные типажи «Тетя-Родина» и «Родина-няня» популярности и развития не получили. Только «роди, гордись, трудись». И будет тебе почет. Такие типажи, как Василиса Премудрая и Прекрасная, бытуют только в сказках и тоже не конкурентны. Все остальные называются бабами и девками.

Так что, когда у меня появилась собственная избушка с курьими ножками на пять этажей вниз, я поняла, как же мне хорошо – одинокой и злой. Я могу, не отращивая лохмы и клыки, просто перестать стараться кому-то понравиться ради создания семьи. Могу быть такая же, как и раньше, хорошенькая и аккуратненькая, стройная и модная, но честно не прислушиваться к стуку копыт коня, везущего мне принца. Добрый помощник Серый Волк, прорыскивая на мягких тихих лапах, может завезти мне Царевича Ивана – и там уж я смогу индивидуально разобраться, для съедения он, для наслаждения или для заведения потомства – ведь у Бабы-яги могут родиться отличные дети, о которых она будет заботиться не хуже Родины-матери, но без надрыва и оценок общества; можно спокойно ждать королевича Себастьяна или курфюрста Фердинанда какого-нибудь, который заглянет сам; можно вообще никого в своей избушке не ждать и не принимать, а отчетливо посылать всех куда-нибудь на Кудыкину гору. Можно в собственной ступе, можно на арендованной Сивке-бурке или ковре-самолете выезжать в свет и принимать там должный почет и уважение, совмещая его со светскими же удовольствиями. Можно не

ужасаться перспективе пластических операций и тихонько не подкалываться ботоксом, а уверенно отсвечивать тут и там жманым личиком, давить интеллектом или беззастенчиво бесить глупостью. Много чего можно Бабе-яге – и нельзя остальным.

Ох, как же мне было хорошо жить свободной Бабой-ягой! Принцы и королевичи появлялись в избушке легким нажатием на кнопку пульта телевизора – то такой, то сякой, то из сериала, то Джеки Чан. В поставках от Серого Волка не было нужды, а откушать мяса, покататься на чьих-нибудь костях, предварительно перемыв их, с успехом удавалось вне избушки.

Жизнь в работе, наслаждении искусствами и прочих удовольствиях текла славно и плавно. Но приближался Новый год, праздник семейный, который как встретишь, так и проведешь, который нельзя не встретить, который встречают дружно и весело, который, который… Который я встречала за свою жизнь и в веселой компании, и в заунывной, и в нужной, и в случайной, и с родителями, и одна – просто устроившись дома спать за час до наступления Нового года и сладко проспав всю суету с загадыванием желаний, салатом и шампанским.

У меня было время подумать, как встретить Новый год. И я придумала – в двенадцать часов ночи, когда тридцать первое декабря старого года сменяется первым января нового, я хочу быть в темном чистом поле. Одна, обязательно только одна. Пусть во все стороны будет простор, а надо мной только небо. Со звездами и луной, без них – не важно. Я, поле и небо. Едва подумав об этом, я наполнялась восторгом и трепетом – как всегда бывает в предчувствии и ожидании чего-то особенно важного и ценного. Не видно, не слышно, не осязаемо – а в один миг год сменяется другим. Планета летит, не замечая этого, неторопливо крутится вокруг Солнца, как ей там надо, а в поле, в широком русском поле условная смена секунды на секунду, минуты на другую минуту, часа на новый час, дня на очередной день, месяца на последующий месяц и старого года на год новый пройдет сквозь меня. Я почувствую это и смогу спокойно возвращаться домой.

Вот такое чудо я себе придумала. И спокойно ждала нужной даты. Крутилась в делах и развлечениях, а однажды вечером отправилась на день рождения к подруге. Там оказалось очень весело, я была в ударе и развивала перед гостями свою концепцию бытования образа счастливой Бабы-яги. А когда начала вопить: «Вот тебе, киска, сметаны миска! И ты молодец – вот тебе холодец!», выяснилось, что у меня и голос Бабы-яги обнаружился. Остаток вечера я провела, увеселяя компанию, и уже в самом конце подруга подруги, методист детского сада,

предложила мне прийти к ним и развлечь на новогоднем утреннике подготовительную группу. Потому что с такой Бабой-ягой играющая ее воспитательница не сравнится. Судьба! Я согласилась и подготовилась. Костюм мне обещали в саду дать, в театральном магазине я купила коробку грима. Латексной пены или силиконовых накладок у меня не было, в магазине тоже, нос из карнавального набора – такой, на резинке через все щеки и с дурацкой бородавкой – мне категорически не подходил. Через Интернет я нашла, где продается старое доброе актерское средство – гумоз. Это такая субстанция типа пластилина, ее разогревают в руках, придают нужную форму (в моем случае нос), наклеивают на лицо, которое намазано вазелином, иначе гумоз будет не отодрать. И уже сверху накладывается нужный тон. И на тон грим. Проверенная столетиями практика.

Поколбасилась я с этим гумозом, конечно, изрядно, прежде чем у меня получился нос похожим на нос. А как налепила его, загримировалась – ну хороша Бабка-яга оказалась! Ягодка! Сам себя не похвалишь – никто не похвалит, а уж Бабу-ягу точно. Я любовалась собой до самой ночи, репетировала слова, которые прислала мне дама из детского сада. Записывала себя на диктофон и шлифовала реплики. Грим снимала долго – и думала, чокнусь. Вазелин-то на лицо я намазать забыла. Не думала, что это так важно. Вот все и въелось в кожу. Отскребать пришлось чуть ли не час. Ногтями.

Подготовка к утреннику оказалась захватывающей. Что там будет за костюм, я не знала, купила себе роскошные сувенирные лапти, сконструировала онучи из белой наволочки в комический цветочек, сшила между собой два платка, толстый и тонкий – так, что отпадала нужда клеить лохматые брови. Верхний платок отлично нависал на лоб, а нижний скрывал толстые щечки.

До выступления оставалось два дня, и тут мне позвонила другая подруга той самой подруги и спросила, не могу ли я выступить у них на корпоративе. В роли Бабы-яги, разумеется. У них из программы вылетел один пародист, так что в бюджете корпоратива есть отличная сумма на Ягу-бабушку. После дня рождения эта подруга рассказала на работе, как пила в гостях с Бабой-ягой, – и Ягу захотели. Задача там была простая – в дуэте с ведущим рассказывать о достижениях фирмы и сотрудников. Объявлять очередную номинацию в награждении. Препираться с Дедом Морозом (ведущим) по поводу выдачи подарков и восхваления качества работы. До этого Дед Мороз должен был это делать со Снегурочкой, но ее набрали из местного материала, девушка оказалась хоть и красивая, но говорить не умела. Так что она будет для эстетики отсвечивать на сцене рядом с Дедом

Морозом, а я работать.

Пятки горели. Мозг взрывался микросалютиками. Я согласилась.

…Ну, скажем честно, в детском саду прошло так себе. Детям понравилось, но в голосе у меня не было и половины той схожести с интонациями великого Милляра, какие отмечались ранее. В какой-то момент я растерялась, собралась, конечно, в итоге, но собой была не очень довольна. Воспитатели оставили меня на чаепитие, а когда я собралась уходить, подарили торт, пакет конфет и яблоко. Яблоко я нервозно съела сразу за воротами сада, в остатках грима вернулась на работу.

И как-то совсем упустила из виду, что корпоратив назначен на ночь 31 декабря! Видимо, у всей этой честной компании не было своих семей, что они на новогоднюю ночь сняли ресторан и решили веселиться вне дома. Или семьи прибудут тоже?

А у меня-то на 31-е число были свои планы. Ну вот от чего отказаться? Новый год будет и на следующий год, отправлюсь в поле тогда. А сейчас уже нельзя подвести людей, надо ехать. Я очень ответственный человек и своим планам решительно заворачиваю лыжи, если есть планы рабочие. Или данные обещания. Экстенсив в достижении личного успеха – но я медленно, очень медленно учусь. И только на своих ошибках. Как будто бы передо мной, как перед бессмертной Бабой-ягой, вечность…

И я приехала. Меня провели в уютную подсобочку, я вытащила грим, костюм – за день до мероприятия успела подобрать отличную овечью жилетку, вывернула ее наизнанку, потертостями наружу, и расшила ситчиковыми оборками старую летнюю юбку. Никакого рванья! Я весьма аккуратна.

Грим нанесла уже более качественно, учла вазелин.

Понятно, что на чужой корпоратив со своим уставом не лезут, но, будь моя воля, я на пороге офиса, не завозя даже паству в ресторан, раздала бы сотрудникам подарки и отправила подобру-поздорову по домам. Ну вот совершенно не надо было им сегодня собираться вместе. Я сделала такой вывод, заглянув аккуратно в зал, где уже находились приехавшие сотрудники. Люди сидели за столами зажатые, пили они, нет, было непонятно. Заведение занималось изготовлением и продажей продукции, связанной с геодезией и картографией. Торговцы глобусами то ли вообще себя никак не умели подогревать, то ли ждали, что их обязательно развлекут.

Все это я рассмотрела в щелочку, пока на сцене были только Дед Мороз, Снегурочка и генеральный директор предприятия.

Мой выход был позже.

Как же хотелось тихонько пробраться к выходу и убежать! Потому что я уже придумала, куда надо поехать, чтобы среди Москвы оказаться ночью в чистом поле. «Коломенское»! Парк «Коломенское», по телевизору показывали, что там что-то раскорчевали и распахали, весной засеют, засадят кустами – создадут новый ландшафт. Пройти буквально метров пятьсот от входа в парк – и будет то самое раскорчеванное чистое поле.

Так что все мысли у меня были только об этом чистом поле, темном небе… Я представляла тут и там возникающие по краям моей черной картинки городские салюты, я даже слышала крики «С Новым годом!». Хотелось бить копытом. Я вертела по полу ногой в лапте и потела в душной комнате под обилием одежды. Грим полностью расслабился. Течь не тек, изготовители свое дело знали, но за лицо меня сейчас лучше было не трогать. Я приняла бесповоротное решение: завершаю праздник за час до Нового года – и на такси! Денег брать не буду, мечта дороже.

О том, что денег надо слупить в любом случае, я подумала сразу же, как оказалась на сцене. Речь генерального директора полностью изменила судьбы собравшихся. Видимо, он пообещал им что-то такое, что люди вскочили со своих мест. Слышались сдержанные вздохи открывающихся бутылок шампанского, громкие крики – так кричат те, кто долго напряженно молчал: сначала излишне громко, потом как будто проверяя себя – а могу ведь еще громче, еще веселее… А потом уже как получится. Я услышала нужную реплику ведущего и выползла на сцену.

Они полезли прямо на сцену фотографироваться – вот за что надо было деньги-то брать! Они смеялись и пытались искать, где у меня на теле под одеждой спрятан преобразователь звуков.

– Встроенный, бат-тюшка, у мене говорильник. Бабушка я ексклюзивная! – Я с удовольствием била по рукам, несколько раз больно ущипнула особенно рьяных, одного дядю прямо за лицо.

Но им нравилось. Дед Мороз принес мне пластиковую метелку – и это усилило количество желающих, чтобы по ним хлопнули, – да еще и непременно чтобы с комментарием.

– Что, че-о-о-орненький, повышение тебе выпало? – увидев возле себя единственного кавказца, которого мне как раз нужно было по сценарию поздравлять и одаривать подарком первым, рявкнула в микрофон я. – Бери, батюшка, подарочек…

Снегурочка вынесла ему завязанную бантом коробку, видимо, с кухонной техникой, ведущий прочитал поздравительный текст в его честь, генеральный директор с места крикнул: «Ура, Гургенчик!»

Обручального кольца на руке Гургенчика не было.

– Вижу, вижу, черненький ты мой, глазастенький, будет тебе и невеста в этом году. Найдешь красавицу – жы-ы-ыр-р-рненькую, бе-е-елую, пы-ы-ы-ышную.

Видимо, я с Гургенчиковыми пристрастиями угадала – потому что он завопил: «Вау!», и окружившие его дяди и девушки тоже.

Еле-еле мы продолжили награждение – люди лезли за предсказаниями, снимали друг друга на телефоны. Скоро я стала предсказывать за еду, которую сначала успевала есть, чтобы не засыхало горло – долго гудеть и булькать мне было все-таки тяжело, не природный же голос все-таки ж. А потом предложила складывать эту еду в корзинку, из которой кто-то вывалил свой завернутый в целлофан и перевязанный бантом подарок. Пригодится, да и весело смотрелось – Баба-яга с кокетливой корзиночкой. Кажется, на дне корзинки даже стояла тарелка с копченой севрюгой, дома надо будет проверить. Или нет – лучше после встречи Нового года в чистом поле ее съесть!

Бабушке то и дело подносили выпить, но пить не удавалось, так, разве что глоток-другой, – надо было оттарабанить программу и сворачиваться, а список сотрудников, которых надо было оподарочить, никак не кончался.

Ведущий вовремя догадался разбавлять программу номерами. До этого мы согласовывали, что сначала полностью торжественная часть, потом веселье. Но вон как оно обернулось. Так что когда на сцене запели артисты, я уселась за столик. Раздала по тарелке двум бодреньким клеркам и скомандовала:

– Жарко, ох, жарко бабушке. Машите на мене, машите!

Музыка смолкла, снова забубнили Дед Мороз и ведущий, я подавала реплики. Было тревожно: сколько сейчас времени? Вещи остались в подсобке. Уходить надо. Сейчас, после триумфального успеха, мечта казалась еще хрустальнее. Воплощать ее надо было, немедленно воплощать!

– Эй, который там час, брыльянтовые мои? Кто первый скажыть, тот первым из собравшихся тута ку́пить белый «Мерседенс»!

Стройный хор голосов сообщил, что время двадцать один пятьдесят восемь. Вовремя я спросила. Десять минут – и срываюсь.

– Покупайте смело все, коршуны мои! – разрешила я. – И будеть вам по вашим потребностям.

Отгоняя танцующих и пристающих от себя жесткими щетинами пластиковой метелки, я пробралась к организатору – полной активной тетеньке. «Десять минут – и ухожу», – говорю.

– Гонорар брать не буду, – сказала.

– Нет-нет-нет, мы вас не отпустим! – замотала головой тетенька.

Нас услышали и подхватили: «Не отпустим!»

– У меня тут возникли обстоятельства… – заговорила я. – Вы мне деньги обещали заплатить за выступление – так вот давайте я не буду их брать, просто уйду, и все.

– Нет, ну как это – деньги не будете брать? – всплеснула руками тетенька. – Тут осталось-то до Нового года… Вот встретим Новый год, чин-чинарем, возьмете деньги – и мы вас на такси посадим.

На такси я и сама себя планировала сажать…

– Баба-яга хочет уехать! – крикнул кто-то.

– Держи ее! – голосом сказочного разбойника закричал кто-то. Картографы тоже шутить умеют.

Сначала они весело за мной гонялись, насколько позволяло пространство зала, а потом обступили плотной толпой, так что снова пришлось работать метелкой, чтобы соблюдалась дистанция.

А тетенька придвинулась поближе, и фотограф мероприятия несколько раз нас сфотографировал.

Пора было выходить на сцену, я забралась.

– Чую, ох, чую, – зарычала я в микрофон, – летить за мной мой племянничек. Хочить бабушку во дворец доставить, в хоромы барские, царские… Мы, фольклорные елементы, тоже праздновать будем. Чай, не люди? Чую, ох, чую тебя, Кощеюшко, Кошенька! Летить, летить мой орелик!

Это я потому орала, что вспомнила – возле ресторана парк с небольшой площадью. Если выйти туда – прямо вот так, в гриме и костюме, – то можно считать, что это тоже чистое поле. Так что вопрос только в том, чтобы под шумок выскочить на улицу – а там уж можно и вернуться. Тепло, весело, вкусно.

– Не отпустим, не отпустим!

– С нами оставайся, Баба-яга!

– А и остануся… – неожиданно заявила я и ткнула в крикнувшего метелкой. – Накрывайте бабушке стол, неситя яства, да бутылку вон ту! Сытно туточки у вас.

Я танцевала в кругу веселых картографов, слушала старательное пение музыкально-танцевальной группы.

И периодически смотрела на телефон, наконец-то смогла добраться до кармана.

Когда оказалось без десяти двенадцать, бывшие притюкнутые глобусники снова чинно уселись за столы. Снова на сцене появились ведущий – Дед Мороз с красивой девушкой в роли

Снегурочки, и правда неутомимо прикрывающей молчание улыбкой, и генеральный директор. Музыка затихла, поник свет. Все стали смотреть на них – а я из ресторана хоп! – и на улицу.

Да, не оделась. Да, тут же замерзла. Решила идти быстро, десять минут – это мало.

На улице было безлюдно, но от парка доносились голоса. Только дорогу вот перейти, и я там. Но и люди тоже там. А я хотела безлюдья и неба…

А в парке не только голоса, там еще и петардами забабахали.

Нельзя туда.

Время, время…

Как хорошо, что на проезжей части все-таки мало машин! Взгляд мой упал на конструкцию, расположенную на разделительной полосе. Это была старинная будка для постового милиционера – железные ступеньки вверх к стеклянному стакану. Необитаемому и чуть покосившемуся.

У меня всегда была эта страсть – забираться на объекты городской архитектуры. Прохожу мимо памятников и думаю: как, влезу я на него или не влезу? Чаще влезаю. В свое время влезла вот на Есенина, сидела на руках Алексея Толстого, фигуры на фонтанах возле Охотного Ряда – вообще детский лепет, пронеслась по ним, как по игровой площадке. Правда, вот Тимирязев, который стоит в конце Тверского бульвара, мне вот совершенно оказался не по силам. Но Тимирязев – глыбища-то какая, а тут чахлая композиция из стекла и металлических реечек.

Так что я решила забраться на крышу этого стакана – во всем районе бак будет ближе всего к нему и максимально безлюдно. Отметить наступление Нового года, быстро слезть – и к закускам.

Два стекла в чахлых рамочках сквакнулись у меня под ногами, осыпались. Но я добралась до верха. Оставалось самое сложное – закинуть ногу на крышу. А это оказалось невозможным. Стакан расширялся кверху. Длинная юбка, фартук, хорошо хоть, лапти сняла… Еще одна попытка. Я подобрала юбку к животу, подтянулась. Будка накренилась. Но не упала.

Задний край юбки развевался на ветру, хлопал мне по боку, но я висела. И время никак не могла посмотреть – Новый год или еще нет? Теперь ногу закинуть не удастся никак.

Но я догадалась. Аккуратно слезла и просто зашла с другой стороны. На ту, накренившуюся в противоположную сторону. Порезала ладонь, но залезла без труда.

– С Новым годом, Аленка! – Я картинно раскинула руки, подняла голову и даже чуть откинулась назад.

Кричать в небо было приятно. Но мне хватило одного раза.

Дальше я просто молчала и слушала. Пусть вокруг было совершенно не тихо, город жил и праздновал, небо было моим. Неправда, что черный поглощает все цвета – видимо, из-за подложки из плотных облаков небо подсвечивалось. Подсвечивалось московским новогодним сиянием. И это было так хорошо!

Я стояла долго. Моя будка еще сильнее накренилась, так что я смотрела не только на небо. Вдали прошли люди, не заметили. По дороге с двух сторон проносились машины. Надо было уходить. Лицо под гримом заледенело. Нос, кажется, сильно свернулся набок, нужно было идти в тепло, поправлять.

Небыстро, но я слезла. Проломила жестяную крышу, порвала сбоку юбку. Но вернулась в ресторан. Время было 00.24. И всего-то. Исполнение мечты уложилось в двадцать четыре минуты (плюс время на передвижения).

…Я вернулась в ресторанчик, отработала заплаченные деньги. Мы допраздновали. Интригующего происшествия никакого не случилось, никакого знакомства я не завела, все Бабушке-яге там были дети и братья. Вот он, светлый образ, не подвел. Надежно избавляет от приставаний и ответственности.

Тетенька моя расплатилась часа через два, специально отвела меня в мою подсобку, выдала конверт, смеялась, обнималась и благодарила, приглашала еще.

Когда я выходила, при мне была нагруженная подарками корзина, из которой празднично пахло копченой севрюгой, в пышном пакете костюм, коробка грима и бутылка.

Предутренний таксист был вял, ехал медленно, казалось, вообще на дорогу не смотрел.

Пока я не крикнула ему неожиданно на ухо:

– Черта лысого я тебе денег дам, если не будешь ехать, как следоват. Понял, брыльянтовый?

Вот он дернулся так дернулся – весь сон как рукой сняло. На целый день впечатлений дяденьке, а то и больше.

– Нельзя же так пугать… – пробурчал таксист.

И всю дорогу норовил оглянуться, посмотреть, что за бабка с ним едет.

А лапти я в ресторане забыла. Как сняла их перед исполнением запланированного, так и не переобулась. Вот уборщики удивились, чья это обувь под лавкой валяется. А раз забыла, значит, еще когда-нибудь в этот ресторан вернусь.

Да я много чего забыла.

А лучший-то мой Новый год был не этот, а следующий. Я встретила его на Владимирской горке в Киеве. В темном-темном

парке, где, кроме нас, никого не было, мой любимый и бриллиантовый сделал мне предложение стать его женой, матерью его детей и подарил бриллиант. Неосвоенный памятник князю Владимиру смотрел на все это каменными глазами и благословлял крестом с электроподсветкой.

Последовательная Ягунька с удовольствием согласилась замуж. Родина-мать зовет. Люблю бриллиантового!

Олег Жданов
6 января, или Как нас спас Бродский…

Морозное солнечное утро. Дети и собаки шумно валяются в снегу. Идиллия. Немногочисленные звуки машин и странное предчувствие. Большую часть ответов на вопросы этой страны можно найти в магазине. Не на прилавках, а на лицах. Вхожу.

В овощах никого нет. Здесь чаще всего бывают женщины после пенсии. Сам факт входа в недешевый магазин они ждут из месяца в месяц. И вот он наступает. Они гордо входят и начинают гордо копаться в овощах, как будто выбирая их. В мясном отделе у них шансов нет. Если только попросить порезать себе грамм триста недешевой колбасы. И важно, чтобы у нее было длинное название. Примерно так: такого-то комбината, сырокопченой с коньяком, и порежьте, пожалуйста. Годы, отданные стране, воплощаются в это лакомство. Но это потом. А пока овощи, и здесь целый театр на морщинистых лицах. Но не сегодня. Сегодня тишина.

Осторожно заглядываю в зону мяса и рыбы. Три скучающие продавщицы и три равнодушных покупателя. Покупатели – мужчины. Списки необходимых покупок им достать еще стыдно, память отказывает, а так стоишь себе у прилавка и чувствуешь себя жутко хозяйственным и заботливым. Только это проходит. Продавщицы, как и любые женщины, ждут действия. Опытные мужчины уходят вовремя, пока продавщицы не разочарованы бездействием.

В крупах и макаронах – никого. Гречка трех сортов. У сыров тоже никого. Пармезана полно. Довольный мужчина, сам восхищаясь собственным поведением, кладет в тележку уже третий пакет кефира. Тут все ясно, в отдел алкоголя даже заходить не буду.

Легкое оживление в кондитерском и у газировки. Здесь дети мужского пола от 5 до 60 лет. Оливье, курицу, рыбу больше невозможно есть, жрать и даже видеть. Хочется чего-то сладкого и газировки. Опять же шанс снова обратить внимание на детей, от которых успешно открестился подарком под елкой и одной поездкой на детский спектакль. Но черт, каникулы не кончаются. И уже никто не понимает, что с этим делать. Растерянность. На лицах всех обитателей магазина – растерянность. Мы можем эффективно не работать только тогда, когда нужно эффективно

работать. А тут эти проклятые каникулы. Просто каникулы. Ведь тут, пользуясь случаем, семья объясняет тебе, что вот это нужно починить, а это переставить, это отнести в гараж, и каждый день, буквально каждый день нужно долго разговаривать и заниматься с детьми. А ты не работаешь. Ты не занят. Ты уже ел, пил и спал. Ни одного аргумента и растерянность. Полная.

И вот некий поток к кассе. «…Плывет в тоске необъяснимой», – всплывает в моей голове строчка Бродского. Случайно смотрю на свою тележку. Кефир, молоко, глазированные сырки, ассорти восточных сладостей, два лимона. Как взял, даже не помню. Слишком увлекся изучением лиц и настроений. За троими вялыми мужчинами до кассы вдруг чувствую неясный приток радости в организме. Оглядываюсь. Женщин, достойных Маркеса и стихов, нет, умилительных детей тоже. Озарение, что видишь тот продукт, который почему-то очень и давно хотел, не пришло, хотя еще раз оглядел все прилавки. В голове звучит Бродский. Что это? Псевдоэлитарность или похмелье? Стихотворение дочитывается в моей голове до конца и… И наступает счастье. А счастьем нужно делиться. Секунду. Сейчас объясню. Стихотворение же называется «Рождественский романс». Ребята, я придумал, как закончить эти ужасные каникулы. Как снова есть, пить и спать, то есть быть очень занятым. Бог не оставил нас. Он взял и родился. Завтра же Рождество. Праздник. Долой кефир и сладости. Время закусок возвращается.

Очередь к кассе обернулась. Вся. На меня смотрели счастливые глаза нескольких людей, у которых я забрал растерянность невнятных каникул и подарил праздник. Я чуть напрягся, ибо не очень понимал, какую часть своих мыслей я озвучил прилюдно. Только Бродского или свои пояснения тоже. Очередь распалась и рассыпалась. Мы превратились в новый поток. Очень конкретно направленный. Ведь мужчине, чтобы осуществить стратегическую закупку в магазине, нужен повод. Конкретный повод. Все, что есть в холодильнике, мы не помним, а вот купить всего, что нужно для праздника, – это наш формат.

Через десять минут очередь из бывших растерянных, а теперь вдохновленных мужчин снова собралась у касс. Тележки солидно позвякивали, были полны нарезок, полуфабрикатов и бутылок разной формы. Кефир на полки, конечно, никто не вернул. Не солидно. Но как же прекрасно видеть вдохновение и надежду вместо потерянности и тоски, «…как будто будут свет и слава, удачный день и вдоволь хлеба, как будто жизнь качнется вправо, качнувшись влево». Спасибо, Иосиф Бродский и Иосиф-плотник…

Спасибо за праздник…

Евгений Попов
«Социализм с человеческим лицом»
Случай на станции «Библиотека им. Ленина»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА в конце 1967 года была, как всегда, сложная. Оголтелую кампанию клеветы и ненависти к нашей стране, посвященную 50-летию Великого Октября, развернули западные средства массовой информации. Трудящиеся завода «Красный профинтерн» гневно осудили на многолюдном митинге протеста очередную преступную агрессию Израиля против арабских стран. Негритянские гетто USA взрывались, как пороховые бочки. Не прекращались беспорядки в Китае. Храбро сражался Вьетнам. Реакционные греки посадили в тюрьму своих замечательных патриотов типа Манолиса Глезоса. Среди молодежи капиталистических стран распространилась эпидемия насилия. Композитор Филипп Жерар стал лауреатом премии Ленинского комсомола. Джон Стейнбек занял крайне безнравственную позицию, и это вызвало горечь и недоумение у советских читателей. Миллионер Джанджакомо Фельтринелли создал нелегальную Группу партизанского действия. Уж недолго было ждать студенческую революцию в Париже, массовые беспорядки в Беркли, ввод советских танков в Чехословакию при поддержке ГДР, Болгарии, Венгрии, Польши – о чем неплохо бы помнить тем гражданам перечисленных стран, которые вдруг начисто забыли после «перестройки» об этой своей «братской помощи» чехам и во всем теперь винят одних «русских».

И вообще – именно следующий, 1968 год был, по моему скромному мнению, рубежным для всего человечества. Именно тогда и начало формироваться то нынешнее безумие, которое сейчас превалирует во всем мире и от которого нет покою нигде – ни в Ницце, ни в Стамбуле, ни в Мюнхене, ни в Донецке. Ну, разве это не безумие – взрывать детей на свадьбе (Турция), публично обсуждать состав мочи олимпийских спортсменов (Рио-де-Жанейро), тратить миллионы на перевозку собак в частном самолете (Россия)?

НУ, А МНЕ ТОГДА БЫЛО ДВАДЦАТЬ С НЕБОЛЬШИМ. Я оканчивал Московский геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе и ехал ближе к полуночи 31 января 1967 года к девушке, имя которой я забыл, потому что и теперь не помню, нравилась она мне или не нравилась, хотел я к ней тогда ехать

или не хотел. Наверное, все-таки хотел. Я ведь нынче не похож на себя в юности. Я тогда гораздо решительнее, чем сейчас, боролся с депрессией, пессимизмом и постоянно внушал себе – то, что внешне тебе не очень нравится, по внутренней своей сущности свободно может оказаться очень даже ничего. Вот, например, чехословацкие коммунисты, которые утверждали по «Голосу Америки», что встали на путь построения «социализма с человеческим лицом». «Ведь они, по сути, такая же мразь, как и все остальные коммунисты, – думал я тогда, – но интересно, почему их поддерживают беспартийные антисоветчики – интеллектуалы, студенты и прочая патлатая молодежь, любящая битлов? Может, и нам рано ставить крест на собственной „красноте“? Может, коммунисты вообще решили исправиться? Начнут с Чехословакии, а потом и до СССР очередь дойдет…» Мне было двадцать с небольшим, я и представления не имел в 1967 году, что имею шанс дожить до столетия «революции» 1917 года, когда на земле не будет покою нигде и ни от кого – ни в Ницце, ни в Стамбуле, ни в Мюнхене, ни в Донецке, ни во всех других городах и весях…

У парнишки в кармане
Денег нет на обед.
Он купил для любимой
На галерку билет.

А у меня-то ничего-то и не было тогда, пятьдесят лет назад, 31 декабря 1967 года, из покупок, кроме бутылки мерзкой винной отравы под названием «Солнцедар». Цветы тогда в Москве являлись дефицитом, ибо связи нашей страны с Голландией и ее тюльпанами были тогда затруднены, не то что сейчас, когда и голландские цветочки кругом цветут, и голландские «Боинги» туда-сюда летают.

ЗАБЫЛ СКАЗАТЬ, ЧТО ЗОВУТ МЕНЯ ЕВГЕНИЙ ПОПОВ. Мне на сегодняшний день 70 лет и 6 месяцев. Я родился в городе К., стоящем на великой сибирской реке Е., впадающей в Ледовитый океан. Там же меня впервые дернули за шкирку в КГБ. С 16 лет я сочиняю художественные произведения, которые сначала шли по разряду «идейно-ущербных, близких к клеветническим», однако к настоящему времени их уж издали в количестве 20 книг, переведенных на различные языки народов мира. Денег мне дали, наградили. Евгений Попов является секретарем Союза писателей Москвы, одним из основателей и вице-президентом Русского ПЕН-центра, ассоциированным членом Шведского ПЕН-центра. Отмечен премиями журналов «Волга» (1989), «Стрелец» (1995),

«Знамя» (1998), «Октябрь» (2002), премией Союза писателей Москвы «Венец» (2003), памятным знаком венгерского Министерства культуры Pro cultura Hungaria (2005), премией высших достижений литературы и искусства «Триумф» (2009), национальной литературной премией «Большая книга» (2012). Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Пенсионер. Инвалид III группы. Ветеран труда. Дачи не имею. Автомобиль – «Рено Сандеро». Знал Катаева, Паустовского, Михалкова, Алексея и Георгия Марковых, Алена Роб-Грийе, Умберто Эко, Петера Эстерхази, Шукшина, Высоцкого, Окуджаву. Дружил с Аксеновым, Ахмадулиной, Вознесенским, Искандером. Видел Хрущева, Брежнева, Горбачева, Ельцина, Путина, Жискар д'Эстена, Ангелу Меркель, Гельмута Коля. Случайно присутствовал при виртуозной попытке исполнения на баяне бывшим премьер-министром РФ В. С. Черномырдиным сочинения Н. А. Римского-Корсакова «Полет шмеля». Я – среднестатистический советский человек. Политикой не занимаюсь. Любая политика – говно. Даже если случайно на это говно наступишь и хорошенько очистишь подошву, припахивать все равно будет. Замечали?

А С ЧЕГО БЫ ЭТО МНЕ НЕ ОЧЕНЬ ХОТЕЛОСЬ К НЕЙ ЕХАТЬ, к этой девушке-то? А с того, что она, а еще быстрее ее мамаша, обе наверняка возомнили бы, что я бью клинья лишь для того, чтобы жениться и получить московскую прописку. Не объяснять же вам, новому поколению советских людей, что постоянно жить в Москве тогда разрешалось лишь в том случае, если ты имеешь в столице так называемую «прописку»? Не объяснять же было девушке (моей подруге) и женщине (ее мамаше), что я просто-напросто хочу честно трахаться по молодости лет, что трахаться мне решительно все равно с кем, лишь бы трахаться. А московская прописка мне на фиг не нужна, и я в любом случае уеду после института в родной город К., стоящий на великой сибирской реке Е., впадающей в Ледовитый океан, потому что у меня там живет матушка, очень болеет, ждет получения мною высшего образования, не дай бог, без меня помрет. Кстати, вот это для тех дурачков, кто советского социализма в глаза не видел, но уверен, что в коммуналке все всегда и везде друг с другом последним делились, как Высоцкий в фильме «Место встречи изменить нельзя», а вовсе не плевали в соседский суп. Что там в рамках духовности вечно читали друг другу Пушкина и до утра спорили, кто лучше – Евтушенко или Вознесенский, Лемешев или Козловский, Мандельштам, Ахматова или Цветаева. У меня, когда я такое слышу, классовый гнев возникает, товарищи! Ведь матушка моя, проработав всю жизнь на ниве народного

просвещения, пенсию по инвалидности получала тогда в сумме 34 руб. 50 коп. Не спорю, коммунальные платежи в нашей однокомнатной квартире общей площадью 18 кв. м с общебарачным коридором, паровым отоплением, холодной водой и сортиром во дворе стоили рубля три, за электричество еще два-три рубчика отдай (киловатт – 2 копейки), но все равно цивилизованной жизни на такие деньги никак не сотворить – одеваться же нужно, лекарства покупать, лекарства даром хрен кто даст, несмотря на социализм. Питалась мама картошкой, морковкой, свеклой да капустой, по осени заквашенной в деревянной кадушке. Сыру бы, может, и смогла бы купить на свои доходы, но только не было в городе К. того сыру, и нигде его в России не было, равно как и колбасы, туалетной бумаги, кроме Москвы, Ленинграда и секретных городов, в которых обогащали уран, строили ракеты да запускали спутники в небеса, где они иной раз сгорали, «войдя в плотные слои атмосферы», вместе с рублями, на них затраченными. Получалось так, что не она мне, студенту, а я ей деньжат подкидывал после летних геологических практик, торча по многу месяцев где-нибудь в поле «возле Магадана», на Таймыре или в Якутии…

КАК ЖЕ ТЫ, ЕВГ. ПОПОВ, ОКАЗАЛСЯ В ГЕОЛОГОРАЗВЕДОЧНОМ? – может возникнуть вопрос у какого-нибудь несведущего человека, который полагает, что «на писателя» учат в Литературном институте? И который страшно удивится, когда я ему скажу, что писательству никого обучить вообще нельзя. Это – или дал Бог, или не дал, хоть ты тресни! А если уж Бог дал (или не дал), то все остальное – ПРИВНОСИМОЕ К ОСНОВНОМУ. Я, может, тоже в Литинститут хотел, но «съесть-то он съест, а только кто ж ему даст?», как гласил незамысловатый анекдот тех лет. В 1963 году для поступления в Литинститут, равно как и в любой другой гуманитарно-идеологический вуз, нужно было:

– иметь после окончания средней школы два года так называемого «трудового стажа», «повариться в рабочем котле», «стать ближе к народу».

Поэтому меня из Литинститута с порога тут же и поперли. Равно как и из других московских гуманитарно-идеологических вузов – МГУ, Историко-архивного и др. Не стану скрывать, что я к тому же принципиально не был членом Коммунистического союза молодежи, что, мягко говоря, тогда совсем не приветствовалось. Домой, в город К., мне возвращаться с позором непоступления не хотелось, я и направился в Московский геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе, где на специальность РМРЭ, «разведка месторождений редких и радиоактивных элементов»

(например, урана) конкурса и вовсе не было и отсутствие меня в рядах комсомола («школы коммунизма») решительно никого не заинтересовало. Однако я вовсе не прогадал, о чем и свидетельствует моя вышеприведенная автобиография. Истинно повторяю: нельзя выучиться «на писателя». Писателем можно быть. А можно не быть.

ПРОЖИВАЛ Я ТОГДА в общежитии студенческого городка на улице Студенческой, 33. Этот городок, состоявший из восьми пятиэтажных корпусов, был построен в самом конце 20-х и до сих пор является памятником конструктивизма, хотя памятник этот устроители московского счастья все время грозятся снести с лица земли, чтоб еще краше стала столица. Не знаю, мне там очень нравилось. Геологи жили в первом корпусе. У нас с Хабаровым и Гдовым была комната на четыре койки, но мы однокурсника Макарку женили на москвичке, и он уехал к молодой жене, благородно дав нам тем самым чуть больше коммунальной свободы. Которая заключалась в том, что мы много пили и пели под гитару песни 60-х годов – Окуджавы, Городницкого, Клячкина, вели рассеянный образ жизни, слушали «Голос Америки» и «город Лондон, Би-би-си». Удивительно, как я при этом еще и ухитрялся сочинять изрядное количество рассказов, которые тогда ошибочно принимались за антисоветские. Узковато все-таки было мировоззрение у тогдашних идеологов. Ведь я в этих рассказах, наоборот, декларировал, что хороший, умный народ живет в России, и одна у нас беда, что начальство все время попадается нам какое-то глуповатое, не понимает, как таким народом нужно руководить, чтобы самому не накрыться медным тазом. Плохие дороги у нас лишь потому, что строят их дураки, а вовсе не наоборот. Толковый человек и дорогу бы хорошую построил во славу Отечества, и деньги при этом украл бы себе в карман. Нерасторопные какие-то у нас всегда начальники, как объевшиеся домашние животные, разучившиеся мышей ловить. Неудивительно, что при Сталине они стреляли друг друга согласно диагнозу «враг народа», поставленному этим главврачом дурдома под названием СССР. Неудивительно, что некоторые из них сидят сейчас по тюрьмам, куда их усадили другие начальники. У нас в стране много чего удивительного, но еще больше неудивительного.

МЕТРО «БИБЛИОТЕКА ИМ. ЛЕНИНА» являлось пересадочным узлом на моем пути со станции «Студенческая» до метро «Проспект Маркса», где на одноименном проспекте, бывшей Манежной улице, и помещался мой славный институт, который в новые времена «неокрепшей демократии» сослали в Беляево. А важные книги в самой Библиотеке им. Ленина тогда выдавали

кому попало, то есть даже мне. Там я, студент-геолог, прочитал Ремизова, Замятина, Платонова, Зощенко, Пильняка, Артема Веселого, Пантелеймона Романова, Андрея Белого, первое издание «Хулио Хуренито» Эренбурга с исчезнувшей при дальнейшем переиздании главой «Великий Инквизитор», где описывалось, как Илья и Хулио пришли к Ленину дискутировать о свободе, а в финале беседы «Учитель поцеловал Вождя в высокий, благородный лоб». Цитирую по памяти, изрядно попорченной неумолимым ходом времени. Почти все из того, что я перечислил, после рубежного 1968 года, ушло в «спецхран».

Я не был плохим, я был средним студентом. Тройки, четверки… Пятерки редко… Но стипендию получал ВСЕГДА. «Цыпленки тоже хочут жить»… Геологом тоже был бы плохим, да вовремя геологию покинул, соблазненный обворожительной русской литературой, которая тогда была в самом соку. Аксенов, Астафьев, Ахмадулина, Белов, Битов, Бродский, Вознесенский, Домбровский, Евтушенко, Искандер, Катаев, Можаев, Мориц, Твардовский, Чухонцев, Шукшин…

А вот мои товарищи и собутыльники стали выдающимися геологами. Макарка и Алик Свиридов работали на урановых рудниках, а когда родине это уж больше не потребовалось, переместились в рвущую цепи колониализма Африку, откуда еле ноги унесли. Леха Колотов, Володя Гержберг по прозвищу Ян и еще два Володи – Зуев, которого выгнали со второго курса, и Каценбоген, который нынче и сам студентов учит, – обосновались на Дальнем Востоке. Все в минералах и геологических картах понимали с ходу, чертили красиво, не то что я. Впрочем, если бы вот ПО ЖИЗНИ действительно меня кардинально приперло, то я бы примерно за недельку возвратил бы все свои геологические навыки. Однако, как ни странно, за всю жизнь не приперло. Да и поздно мне сейчас уже в поле работать. Я бы подох там в одночасье, когда за день с неподъемным рюкзаком, набитым камнями, делаешь десять-двенадцать километров, задыхаясь в накомарнике, который снять никак нельзя, потому что гнус достанет. Да ведь не по Тверской улице, облагороженной Собяниным, пробираешься, а через таежные завалы, ручьи, горы, горки, утесы, реки, речки, обрывы, болота – что еще на земле есть красивого, но неприятного?

СОВЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ обладали строгой иерархической ценностью.

Номером ОДИН, конечно же, было празднование ВОСР (Великой Октябрьской революции), которая произошла 25 октября 1917 года, но годовщину ее почему-то отмечали 7 ноября каждого из 75 советских лет, в чем логики и математики нет

никакой, кто бы мне что ни доказывал.

Номером ДВА было 1 Мая – День международной солидарности трудящихся. Тоже, если хорошенько вдуматься, бред – каких таких трудящихся? В чем солидарность?

Праздник номер ТРИ – Девятое мая. Но это ДЕЙСТВИТЕЛЬНО был настоящий народный праздник «со слезами на глазах». Война практически каждой семье аукнулась. А уж сколько точно народу положили во время Великой Отечественной, чтобы сохранить страну, знает один Господь Бог.

Еще был Международный женский день 8 марта, который предложила тов. Клара Цеткин для того, чтобы ежегодно по весне «устраивать митинги и шествия, привлекая общественность к женским проблемам». На память об этом празднике в Москве осталось целых четыре улицы 8 Марта, на одной из которых и сейчас расположен обширный сумасшедший дом.

Про всякие там «Парижские коммуны», День шахтера и День советской Конституции я молчу. Несерьезные это были праздники. Какая еще там «Коммуна»? Какая «Конституция»?

Пасха была для тогдашних властителей страны АНТИПРАЗДНИКОМ. Комсомольцы и коммунисты дежурили у храмов, хотели – пускали, хотели – не пускали. Это сейчас случилось чудо, и они все стали такие набожные, а раньше такие чудеса даже писатели-фантасты предвидеть не могли.

Поэтому Новый год был (по умолчанию) главным советским праздником, не имеющим порядкового номера. Праздником человека, а не государства. Праздником надежды, что когда-нибудь, возможно, все же, ну, вот, может быть, заживут все-таки люди, как люди… Праздником тайной тени Рождества Христова.

Пусто было в метро. Новый год. Двенадцатый час. На переходе с Арбатско-Филевской линии на Сокольническую линию я вдруг неожиданно для себя запел:

Скоро увидим Царя Царей
И ты, брат, и я.
Скоро араба обнимет еврей,
И ты, брат, и я.
Радуйся, брат, что родился Христос.
Счастье он людям принес.
Принесет, принесет, принесет…

Дальше началась фантастика.

– Ваши документы, – услышал вдруг я тихий, вежливый голос и завертел башкой.

– Ваши документы, – повторил голос, и я обнаружил, что за

спиной у меня стоит очень сумрачный, можно сказать, каменнолицый служивый, из тех, кого сейчас называют «менты», и они не обижаются, а тогда называли «мусора», и это им очень не нравилось.

– Паспорта нэту… нэту… нэту, – шутливо спел я ему музыкальную фразу из песни «Цыпленок жареный», вечно популярной в СССР и России. Я же весельчак тогда был.

– Придется пройти, – сказал мне страж порядка, и я понял, что незамысловатая моя шутка не удалась.

– Далеко?

– Где кочуют туманы, – тоже сострил он цитатой из популярной в те годы песни на слова ныне забытого А. Чуркина.

Мы и пошли. Втиснулись в грязноватое узкое тесное помещение с какой-то развешанной по стенам бумажно-канцелярской советской мерзостью типа плакатов и алых треугольничков, черно-белый телевизор моргал.

– Нет у меня документов. Зачем мне? Я на Новый год иду, – пытался объясниться я, но он не принял моих объяснений.

– Бутылку доставай, – сказал он.

– Какую бутылку?

– Ту, что у тебя за пазухой.

Я достал. Он сморщился.

– Эх вы, интеллигенция на босу ногу! Книжки читаете, а пьете исключительно одну мерзоту.

– Так я пошел? – спросил я.

– Куда это он пошел? – удивился мент.

Тут-то как раз и добормотал по телеящику Брежнев свое приветственное слово советскому народу. Часы на Спасской башне принялись отсчитывать полночь.

– Разливай, – сказал представитель правопорядка, доставая два граненых стеклянных стакана, явно позаимствованных в подземном автомате для производства газированной воды. С сиропом – 3 копейки, без сиропа – 1 копейка.

– С Новым годом, Советская земля, – сказал он.

– Да здравствует социализм с человеческим лицом, – поддакнул я.

– Ты ничего такого не думай, у меня и своя бутылка есть.

Мой новый друг вынул из тумбы обшарпанного казенного стола точно такую же бутылку, все того же проклятого «Солнцедара».

– Да я ничего такого и не думаю, – сказал я.

1 июля – 1 августа 2016
Переделкино – Москва – Санкт-Петербург – Калуга – Москва

Лев Трахтенберг
Праздничные страдания, или Как я встречал Новый год в американской тюрьме
Адаптация из романа «На нарах с дядей Сэмом»

На Новый год я ложился спать только в раннем детстве и трижды – в американской федеральной тюрьме Форт-Фикс. На самом деле в империалистических застенках я провел четыре с лишним года, но, приняв участие в праздновании первого тюремного «праздника непослушания» и чуть не загремев за это в карцер, «умненький благоразумненький» Лева Трахтенберг три последующих года ложился спать, как всегда, в десять вечера и радостно просыпался первого января с мыслью, что сидеть осталось меньше.

…После Дня благодарения и в преддверии Рождества – Нового года дни, к моей большой радости, полетели еще быстрее.

Я ходил на работу в библиотеку, постепенно втягивался в физкультуру и, наконец, занялся литературным трудом.

По вечерам я накручивал бесконечные круги по компаунду, слушая радиостанции из соседней Пенсильвании и окружавшего Нью-Джерси. Мой прозрачный (во избежание контрабанды) пятидесятидолларовый приемник Sony был запрограммирован на 10 радиостанций. Они по-дарвиновски отобрались самым естественным и тщательным образом в первые три месяца.

В декабре в меня лучше всего «входили» праздничные рождественско-санта-клаусовские напевы – знаменитые Christmas carols[2]. Одна из местных станций меняла свое вещание и полностью переключалась на соответствующий репертуар о Христе, снеговиках и «Джингал бэллз»[3].

Я полюбил эти песенки еще со времен моего славного «торгового» прошлого в первые два года покорения Америки.

И в дизайнерском Century 21, и в Toys'R'Us – американском игрушечном гиганте – рождественские распродажи осуществлялись под ностальгическую музыку из детства покупателей. Благодаря такому музыкальному «соусу» доходы двух еврейских кланов увеличивались процентов на тридцать.

Поскольку филадельфийское радио не передавало «В лесу

родилась елочка», «Пять минут» или «На Тихорецкую состав отправится», для меня рождественская музыка ни с чем трогательным или домашним не ассоциировалась. И слава богу! Как говорится – no strings attached[4].

Однако резиденты «Острова Невезения» от этих песенок расстраивались.

Если не сказать больше.

Гангстеры и наркодилеры предпочитали рождественские и новогодние мотивы не слушать. Большинству из них эти песни напоминали о родных «праджектах»[5], герлфрендшах, бесшабашном велферном[6] детстве и соседней круглосуточной едальне Mama's fried chicken[7].

Как-то во время ничего не значащей светской тюремной болтовни в очереди в food service, я признался своим чернокожим соседям, что слушаю рождественскую радиостанцию. Реакция фартовых негров меня удивила: «Русский, ты – мягкий (soft). Это не по-гангстерски и не по-зэковски. Cut this bullshit (Завязывай с этой хренотенью)!»

После таких дружеских комментариев своими радиопристрастиями я делиться перестал.

…Уходивший следующей весной на заслуженный капиталистический отдых «главный исправительный офицер» – герр коммендантен Форт-Фикса поддался непозволительному приступу старческого либерализма. Маячащая на горизонте стотысячная пенсия и рождественские напевы что-то замкнули в его голове – старый каратель дал добро на проведение «праздничной недели».

При мне это случилось в первый и последний раз.

Слово «Рождество» политически корректно не употреблялось, дабы никоим образом не обидеть brothers с Кваанзой[8], еврейцев – с Ханукой и прочих нечестивцев с их странными религиозными заморочками.

Какой-то особенно одаренный дизайнер (предположительно, один из «инструкторов» Отдела образования) слепил десятистраничный праздничный буклет.

На обложке красовался безвкусный, но зато всем понятный аляповатый коллаж: снеговик, Вифлеемская звезда, ясли с волхвами, еврейская минора со звездой Давида и африканские красно-зелено-черные свечи к Кваанзе. Сверху невообразимым шрифтом были выведены слова традиционного поздравления: Season's Greetings and Happy New Year[9].

На первой странице буклета вместо «колонки редактора» блистала «колонка коменданта» – обращение главного охранника к американскому и прочему тюремному люду. На двух тюремных

языках – английском и испанском – вертухай из вертухаев призывал нас измениться, отречься от преступного прошлого и выйти на свободу с чистой совестью. Далее шли соответствующие наставления от руководства всех тюремных подразделений.

Страница номер пять извещала о главном событии рождественской недели – приезде женского хора из соседнего города Трентона с религиозно-шефским концертом.

Такое событие меня разволновало не на шутку, тем более с переходом на работу в библиотеку у меня появился излишек времени и сил. Совсем небольшой. Идя навстречу Новому году, тюремный естествоиспытатель произвел саморокировку и решил посетить «избранные места» праздничного тюремного фестиваля. В первую очередь – концерт женской самодеятельности.

…В «день Х» спортивный зал Форт-Фикса был забит под завязку. Выдвижные трибуны и их окрестности возбужденно гудели в ожидании «сеанса». В воздухе пахло нездоровой ажитацией и мужским переполохом. Лук Франсуа важничал, настраивая аппаратуру и электроинструменты – организатор шоу, капелланша Флюгер попросила его помочь самодеятельным артисткам.

Я тоже не мог усидеть на месте и мотался между входом, Луком Франсуа, музыкальной комнатой и туалетом. «Пламенный мотор» театрально-концертного администратора Льва Трахтенберга работал на холостом ходу…

Как только на середине джима появились слегка испуганные протестантские певуньи, каторжане застучали ногами, захлопали и заулюлюкали.

Половина зрителей вскочила со своих мест, пытаясь получше разглядеть особ женского пола. Зэки вытягивали вперед указательные пальцы, активно переговаривались, похлопывали друг друга по плечам и время от времени размахивали руками, дабы привлечь внимание той или иной хористки. Двенадцать негритянок и ни единой белой дамы.

Чернокожие дивы в ярко-красных балахонах напоминали мне героинь фильма Sister’s Act[10]. И по формам, и по темпераменту…

Попасто-сисястые певицы выстроились полукругом и по команде одной из «сестер» запели. При этом они пританцовывали, покачивали пышными бедрами и подыгрывали себе руками. После каждой новогодней песни или рождественского гимна тетеньки долго раскланивались и улыбались нам во все 384 зуба.

Спортзал наполнялся все более усиливающимся сексуальным желанием. В условиях тюрьмы и воздержания самая страшная

страхолюдина легко сходила за Елену Прекрасную. Об этом феномене предупреждали классики мировой спецлитературы и те, кто отсидел за решеткой хотя бы год.

Знаменитые песенки про красноносого оленя Рудольфа и холодного снеговичка Сноумена разухабистые негритянки спели на одном дыхании – легко и весело. Еще чуть-чуть – и они пустились бы в пляс, как это делала народница Мария Мордасова со своей «Мотаней» или подвыпившие и горластые матроны на двухдневных деревенских свадьбах у меня на родине.

Концерт закончился…

Воодушевленные успехом и раскаленным приемом, солистки хора имени Нельсона Манделы зал не покидали. Спустившиеся с трибун арестантские зрительские массы активно братались с чернокожими толстушками. Как и положено в церкви, тетеньки по-христиански пожимали руки, приговаривая при этом главную мантру: God Bless You[11].

С именем Бога на устах невинные рукопожатия становились подозрительно долгими, а их интенсивность вызывала у хористок все более продолжительные грудотрясения. Особенно продвинутые и сексуально озабоченные протестанты прикладывались к волонтеркам своей тюремной грудью, забывшей девичью ласку.

Поначалу голосистые манделовки никакого подвоха не заметили – обнять «брата во Христе» считалось абсолютно нормальным. На «воле», но не в тюрьме, где в нью-джерсийскую канализацию бесхозно утекали килограммы невостребованной спермы.

Первыми забили тревогу и почувствовали что-то нехорошее несколько охранявших мероприятие дуболомов. Стараясь сохранять спокойствие, охранники попытались оттеснить напирающих христиан от певуний, тоже начинавших понимать, что к чему. Я отчетливо услышал ментовские команды и их недобрые переговоры по рации. Однако на возбужденных самцов телодвижения ментов никакого впечатления не производили. К зольдатенским указаниям зэки оставались равнодушны, как и трахающиеся в скверике собаки – к крикам своих хозяев.

Изменившиеся в лице гостьи медленно отходили в сторону входной двери в «джим», на пути отклеивая от себя истекавших слюной и похотью разноцветных самцов. Навстречу им вбегали охранники в серой униформе. Из-за наличия ненужных свидетельниц активные боевые действия и обычные карательные акции пока что не применялись. Десяток конвоиров образовали живую стену между хористками и арестантами, улыбаясь одним и строя звериные рожи другим. Бедная Флюгерша со связкой

блестящих ключей и «уоки-токами» на боку, размахивая руками, что-то причитала, с кем-то пыталась объясниться и чуть ли не плакала: разрекламированное с такой помпой и пробитое с таким трудом мероприятие так бесславно заканчивалось!

С мольбой в голосе капеллан выкрикивала фамилии с именных бирок, украшавших наши форменные рубашки и брюки: «Johnson… Hewart… Young… Please, stop it!»[12] Это помогало, но слабо. Я начинал подозревать, что подобные религиозные случки, не учитывавшие повышенный гормональный фон заключенных, проводиться больше не будут…

«Предчувствия его не обманули». Как только за сгорбленной капелланшей Флюгер и последней чернокожей певуньей захлопнулась тяжелая металлическая дверь, озлобленные спецназовцы взялись за привычную работу. Из толпы арестантов начали извлекать наиболее активных зэков. Как только один из ментов указывал на очередного нарушителя спокойствия, к жертве воздержания подбегали двое зольдатен, скручивали бедолаге руки и надевали наручники.

Сопротивлявшихся укладывали на пол при помощи резиновых дубинок, джиу-джитсу и мата. Минутой позже, но также неминуемо на их запястьях защелкивались холодные блестящие браслеты.

В правом углу спортзала, рядом с запасным выходом со светящейся табличкой Exit, охрана устроила временное стойло – КПЗ. Через 10 минут там сидели, лежали и полустояли десятка два самых сексуально озабоченных зрителей. Их охраняли четыре разъяренных дуболома с дубинками и рациями.

Я, как и все находившиеся на трибунах зэки, с любопытством и легким испугом следил за разбушевавшимися конвоирами. Мы не двигались со своего насеста и только тихо переговаривались, провожая глазами оттаскиваемого в загон очередного сладострастца. Через полчаса арестованных увели.

Сидящий рядом со мной Лук Франсуа покадрово описывал мне их дальнейшее скорбное путешествие: клетка в лейтенантском офисе – кандалы – проходка лилипутским шагом перед окном дежурного контролера – погрузка под автоматами в зарешеченный спецавтобус – десятиминутная поездка на северную сторону – выкрикивание имени и номера – веселый лай овчарок из К-9 – невеселое приветствие охраны карцерного корпуса – переодевание в оранжевые комбинезоны – конвоирование по гулкому и улюлюкающему коридору – попадание третьим или четвертым номером в двухместный бетонный мешок.

…В тот вечер нас продержали в «джиме» ровно до без

пятнадцати десять. Возбужденные концертом, но главным образом последующим коллективным наказанием, каторжане быстро расходились по своим отрядам. Менты были повсюду – у входа в корпуса, на территории, в отрядных «пультах управления». Мой барометр показывал на «бурю», «разборки» и «наказание». Все так и оказалось.

Федеральное исправительное заведение Форт-Фикс закрыли на три дня. Работали лишь столовая и тюремная фабрика «Юникор», выполнявшая заказ правительства и армии. Периодически зэков дергали на «интервью» в спецчасть или к отрядным канцлерам и ведущим. Все остальное не по-рождественски безмолвствовало, включая телефоны и телевизоры, которые нам запретили в отместку за нападение на черных хористок.

Предпраздничной суматохи не наблюдалось: мы с тоской в глазах слушали радио, валялись на койках и выглядывали в грязные окна. Три дня взаперти, с перерывом на подконвойные и поотрядные походы в столовку…

На четвертый день зону открыли. Зэки с радостью первоклашек выскочили на свежий воздух и разбрелись на работу, в школу, больничку, магазин, «джим» и тюремные кружки. До Нового года оставалось еще несколько дней, а соответственно – определенный запас менее торжественных мероприятий, включая и новогоднее украшательство наших скорбных бараков.

Идя навстречу Рождеству и Новому году, администрация зоны объявила межотрядный конкурс на лучший праздничный декор. Не вспомнить советские пионерлагеря с похожими затеями и инициативами я просто не мог. И там, и здесь активисты-поделочники проявляли чудеса изобретательности, создавая шедевры из подручных средств. Вернее, из г… делали конфетку.

Как-то раз, вернувшись из очередного библиотечного «забоя», я зашел в корпус и остолбенел от удивления. В углу главной «телевизионной комнаты» стояла украшенная самодельными игрушками, задрипанная пластиковая елка с редкими ветками и ободранным стволом. В тот момент она показалась мне красивее, чем главная рождественская ель у Рокфеллер-центра в Нью-Йорке. Даже без разноцветных огней, стеклянных шаров и привычного «золота-серебра» произведение прикладного тюремного искусства светилось словно изнутри, напоминая елку из моего воронежского детства.

Это навевало грусть и совершенно ненужную ностальгию.

Небольшие ярко-желтые пузырьки из-под искусственного лимонного сока вполне удачно заменили подвески из хрусталя Сваровского. Вокруг дерева красиво лежали пустые разноцветные

коробки для «подарков», украшенные коллажами из рождественских открыток. На зарешеченных снаружи окнах белели вырезанные из кухонных салфеток детсадовские снежинки. Стены «красного уголка» и главного коридора пестрели гирляндами, склеенными из красочных страниц глянцевых журналов. Повсюду пушилась туалетная бумага, выступая в новом для себя «снежном» амплуа.

Тюремная эклектичность, помноженная на мультикультурность и рождественский сюжет, раздвинула границы возможного и невозможного. Дизайнерское воображение в отсутствие самого необходимого породило абсолютно новое направление в оформительском искусстве: «пенитенциарный импрессио-примитивизм».

В тот же вечер в отряд пришла какая-то культурно-массовая комиссия, которая оценивала праздничное пенитенциарное украшательство. На следующий день нам объявили: стараниями отрядных господ-оформителей мы выиграли общетюремное соревнование на лучший дизайн! Поэтому несколько дней отряд № 3638 выпускался на кормежку самым первым.

…Ближе к Кристмасу и Новому году и без того длинные и взрывоопасные телефонные очереди достигали своей критической отметки. Народ явно психовал. Из года в год добрые дяденьки и тетеньки из Федерального бюро по тюрьмам добавляли в декабре сто «праздничных минут». Теперь мы могли говорить не 300, а целых 400 минут в месяц – на все про все 13 с половиной минут в день.

Мне не хватало ни обычных трехсот, ни новогодних четырех сотен. Хоть убей, но я никак не мог понять простой вещи – зачем вообще вводились ограничения на звонки?

Программные заявления тюремного ведомства провозглашали, что власти поддерживали укрепление «связей заключенного с семьей и обществом». За десять дневных минут прослушиваемых телефонных разговоров особо крепких мостов построить было нельзя. Разве что подвесной мостик на соплях и лианах.

Тем не менее в Форт-Фиксе я научился радоваться малому: новой «молнии» на телогрейке, вовремя полученной газете, хорошей песенке по радио и даже пресловутому солнышку над головой.

Полтора часа дополнительного декабрьского общения с семьей и друзьями з/к Трахтенберг воспринял с умилением и холопской благодарностью: «Спасибо, люди добрые, – не ждали-с. Премного благодарны!»

Послабления наблюдались и в visiting room – помещении для

свиданий. В рождественско-новогоднюю декаду (с 23 декабря по 2 января) «свиданка» работала сверхурочно – с 8 утра до 8 вечера. Менты тоже обожали такие поблажки – за дополнительные часы государство платило вдвойне. Поэтому некоторые вертухаи-стахановцы колымили сутки напролет, перетекая из одной смены в другую. Я их узнавал не только по звону ключей-вездеходов, но и по запаху пота, смешанного с дешевым дезодорантом Old Spice и позавчерашним перегаром от «Будвайзера».

Не остался в стороне от рождественской перестройки и наш скорбный тюремный ЦУМ. «Лимит» увеличили и в «ларьке» – с 290 до 340 долларов в месяц.

Бакалея-гастрономия-галантерея пополнилась «праздничным ассортиментом»: поздравительными открытками, медовыми пряниками, печенюшками, чипсами и конфетками.

Взращенные на «джанкфуде» американцы и подсаженные на него иммигранты с восторгом забивали свои шкафы красочными хрустящими упаковками со снеговиками и снежинками.

Под воздействием всеобщего обжорства и запаха чеснока из праздничных тюрь я тоже иногда срывался с намеченного Светлого Пути.

Как-то раз, еще за месяц до Нового года, после очередной четырехчасовой проверки в камере номер 315 состоялся расширенный «совет коллектива». Все «базары» проходили сразу же после пересчета, когда все находились на своих местах еще минимум полчаса.

– Братишки, приближаются праздники… Предлагаю сброситься, кто сколько может, и вместе поужинать… Никаких гостей, только сокамерники! Приготовление еды я беру на себя, – объявил чернокожий филадельфиец Флако, получивший 15 лет за вооруженные нападения на уличных наркоторговцев.

Инициативу Флако о проведении праздничного ужина поддержали 11 из 12 обитателей камеры.

30 декабря с раннего утра закипела работа. Мы жарили-парили в меру тюремных возможностей и 15-долларового вступительного взноса.

Технология варки практически любого горячего блюда оказалась совсем непростой и требовала особого мастерства. В пластмассовое половое ведро наливалась вода и вставлялся самопальный и запрещенный кипятильник. Предназначенные для приготовления продукты укладывались в «тройной» целлофановый мешок и аккуратненько опускались в бурлящий кипяток.

Выставлялись дозорные, включался секундомер, и через полчаса тюремная паста «альфредо» была готова.

Технология осталась без изменений и в тот декабрьский день.

Украденные из столовки жирненькие макарошки «зити» были тщательно перемешаны с доступными специями и кусочками консервированного лосося и тунца. Аппетитная паста благоухала молочно-чесночно-овощным соусом. На десерт Флако и его помощники подали холодную кока-колу и приторно-сладкий компот.

Праздничное меню радовало и глаз, и желудок. Я в очередной раз убедился, что вкусная еда в тюремных условиях с успехом заменяет все плотское и запретное.

Кто-то сидел на шконках, кто-то на колченогих стульях и торжественно, как на дипломатическом приеме, пережевывал рождественский ужин.

Витиеватая джентльменская беседа неспешно вращалась вокруг проблем мирового гангстеризма, преступлений и наказаний, а также новогоднего чемпионата в тюремном «джиме»[13].

Ленивые затейники из Recreation Department[14] подогнали под Рождество и Новый год финальные игры по мини-футболу и баскетболу. В соккер играли латиноамериканцы, африканцы и европейцы, в баскетбол азартно дулись местные негры. То же касалось и зрителей – кто на кого учился и кто к чему привык.

Я продолжал выгуливаться по холодному и ветреному компаунду, слушая американское радио и периодически напевая по-русски о рождении елочки в лесу.

Герр коммендантен не забыл и о любителях «тихого отдыха». Для них проводились тюремные турниры по шахматам-шашкам, нардам и домино. Вокруг седовласых игроков, совсем как в российских парках и скверах, собирались молчаливые болельщики и ценители старинных игр. Шумели лишь доминошники – преимущественно ямайцы, доминиканцы и кубинцы. Самая простая из всех игр почему-то вызывала самую большую ажитацию.

Картежники всех мастей – профессиональные каталы и любители – тоже участвовали в форт-фиксовском «празднике жизни». Из дальних берлог («тихих» комнат, двухместных «медицинских» камер и теплых каптерок) на свет божий вылезали игроки в бридж, покер, спейдз и пиннакл. Раз в год они забывали про корысть и катали не ради «гешефта», а во имя олимпийского духа. Победитель чемпионата получал официальный «Диплом лучшего игрока в карты» и фотографию на спортивную доску почета.

Слава богу, я азартные игры не жаловал – хотя бы к чему-то засасывающему я оставался равнодушен. Зато много раз видел,

как каторжане (американцы и басурмане) влезали в многотысячные долги. За ночь в тюремных казино перетекали десятки и сотни долларов. Проигравший расплачивался тюремной валютой, походами в «ларек» или настоящим денежным переводом на лицевой счет победителя. Разорившиеся и неспособные платить фуфлыжники-банкроты сдавались под защиту ментов и уходили в карцер «по собственному желанию».

В «дырке» демократично уживались не только хулиганы – драчуны – нарушители спокойствия, но и те, кому угрожала расправа. Администрация зоны не дискриминировала никого: разоблаченные стукачи, картежные должники, растлители малолетних и злостные хулиганы содержались в абсолютно одинаковых условиях «особо строгого режима».

…Вечером 31 декабря в многострадальном спортзале состоялся еще один праздничный концерт. На этот раз приглашенными актерками уже не пахло. Как и в «Карнавальной ночи», постановка была осуществлена собственными силами – мужским зэковским коллективом.

С раннего утра Лук Франсуа Дювернье и я кантовали громоздкие репродукторы, разматывали и подключали провода, выставляли звук и настраивали инструменты. Выполняя роль «мальчика на побегушках», я радовался знакомой суете, периодически забывая, где нахожусь.

Чтобы придать концерту художественной самодеятельности правильное направление и выделить его из бренных буден, к делу опять подключились тюремные продюсеры из «Службы капелланов»…

Перед парадом-алле местных ВИА коллектив «раскаявшихся» заключенных разыграл поучительную пьесу о Создателе и грешниках. Здоровенный лысый негр с лисьей физиономией играл Господа Бога. Он был одет в темно-синюю мантию выпускника тюремной школы.

Подобные накидки выдавали на два часа всем зэкам, получившим в застенках среднее образование. «Ученые мужи» получали дипломы, фотографировались на фоне американского флага и возвращали непривычные костюмы на склад – дожидаться следующего выпуска.

По протекции капелланши Флюгер для «Отца, Сына и Святого Духа» сделали исключение. На черной блестящей макушке Господа торчал вырезанный из светло-коричневого картона нимб. Совсем как у рассеянного дедушки Бога в веселом атеистическом спектакле театра кукол Сергея Образцова.

По ходу забавной тюремной постановки к чернокожему Создателю подбегали грешники: наркоторговец, вор, гангстер,

алиментщик, пьяница и наркоман. Каждый из них просился в рай, но после пятиминутной «терки» и под одобрительный смех неприхотливых зрителей справедливый дедушка отправлял их в ад.

Я давно не видел столь живой реакции у «достопочтимой публики» – ни в Америке, ни в России. Разве что у детишек в цирке при виде красноносых клоунов, лупящих друг друга поролоновыми дубинками. Такого эмоционального сюрприза от международной братвы я не ожидал.

Следом за религиозным спектаклем начался сам концерт.

Ансамбль сменялся ансамблем. У каждой группы были свои поклонники, не пропускавшие ни одной репетиции любимого коллектива в music room. Они-то и устраивали овации своим кумирам, заводя весь зал.

Дабы порадовать своих земляков, пуэрториканская меренге-рок-группа Caballeros Latinos[15] пошла на неординарные меры. Под выкрики смуглокожих зрителей шестеро возбужденных зэков вынесли солиста на руках. Народ неистовствовал, менты напряглись. Все еще помнили историю с недавними хористками.

Тюремный Энрике Иглесиас с ходу подхватил микрофон и слился с толпой в музыкальном экстазе. Радостные «испанцы» вскочили на ноги и задергались под его ритмичное пение, пританцовывая, хлопая и подпевая…

Англоязычный контингент традиционно поддерживал и бисировал Classic Fusion[16], рок-группу моего доброго наставника Лука Франсуа. В отличие от «кабальеросов» он держался с достоинством и не заигрывал со зрителями, явно зная себе цену. Форт-фиксовские рокеры играли популярную классику от «Битлз» до «Роллингов». Я эту музыку любил, поэтому радовался знакомым песням, как ребенок.

Остальные коллективы у зэков массовым успехом не пользовались и напоминали колхозные ВИА времен моей молодости.

…Через полтора часа «усталые, но довольные» мы расходились по своим отрядам. Ибо через несколько часов наступал Новый год – праздник, который любили все!

Во всех отрядах начались праздничные арестантские гулянья. Особого участия я в них не принимал, стараясь быть лишь сторонним наблюдателем. По совету старожилов з/к Трахтенберг на время превратился в «умненького, благоразумненького Буратино».

Народ ударно бухал – кто в одиночку, кто в компании братьев-разбойников. Небольшая пластиковая бутылочка из-под пепси с отвратительнейшим вонючим самогоном стоила от 10 до

50 тюремных долларов. «Табуретовку» гнали буквально из всего – хлеба, сока, фруктов, овощей, консервов – кто во что горазд.

Попавшихся на самогоне (или того хуже – наркотиках) немедленно отправляли в многомесячное турне в карцер, лишали всех «привилегий» и части условно-досрочного освобождения. В новогоднюю ночь у тюремного штаба на всех парах и «запасных путях» стоял зарешеченный автобус местной «спецмедслужбы».

В новогоднюю ночь мои фартовые сокамерники – Эм-Ти, Флако, Рубен и Чанчи – оторвались по полной программе. Высосав по вожделенной бутылке апельсинового самогона, приправленного для цвета и вкуса малиновым концентратом, они с удовольствием влились в отрядный «праздник непослушания».

Ближе к полуночи народ потянулся вниз на первый этаж, в празднично украшенную «главную ТВ-комнату». И гангстеры, и негангстеры.

Только в эту ночь заключенным официально разрешалось лечь спать позже обычного.

Оба телевизора настроились на канал ABC, American Broadcasting Corporation, традиционно вещавший в прямом эфире с нью-йоркской площади Таймс-Сквер.

Возбужденные каторжане в Форт-Фикс и беззаботные гуляки в Нью-Йорке ожидали одного – «падения» по специальному «рельсу» огромного хрустального шара. Как только сверкающий огнями исполин касался земли, в Америке наступал Новый год. Традиция New Year Ball[17] заменяла американцам звон кремлевских курантов под неувядающий гимн композитора Александрова.

Время от времени в забитое узниками помещение заглядывали дежурные менты. Периодически они вылавливали в толпе особо радостные экземпляры и отправляли их в отрядный ЦУП – «офис надзирателя». Всем попавшим под подозрение зольдатен предлагал «подышать в трубочку» – сдать экспресс-анализ на алкоголь. В отличие от привычного гаишного устройства супер-пупер-аппарат напоминал небольшой пистолет, в «дуло» которого надо было произнести пару слов. После пятисекундного «интервью» на ручке тюремного гаджета загоралась соответствующая лампочка – красная или зеленая.

…Ночь с 31 декабря на 1 января выдалась на редкость горячей.

По давнему циркуляру из центра обычная полуночная проверка личного состава передвигалась на два часа ночи. До этого же времени горели все отрядные телевизоры – народ «гулял по буфету» и смотрел американские «Голубые огоньки».

Без десяти двенадцать в основной телекомнате скопилось

человек сто пятьдесят. Зэки почти касались друг друга, хотя тюремный этикет не допускал этого категорически.

Коридоры первого этажа заполнились разбойниками и бандитами в состоянии повышенной ажитации. Переворачивалась последняя страницы календаря, уходил в прошлое еще один год за решеткой, свобода становилась ближе и реальнее…

Разноцветные заключенные отряда № 3638 вместе со слащавой парой эй-би-сишных дикторов громко и самозабвенно отсчитывали последние секунды: «Ten, nine, eight, seven…»[18] Как только нью-йоркский шар окончательно опустился и зазвучала праздничная сирена, вокруг меня случилось массовое умопомешательство!

Какие там брызги шампанского, какое там загадать желание, какие там «Карнавальная ночь» и «Ирония судьбы»! Извергся Везувий, закончилась Пуническая война, состоялось небольшое монголо-татарское нашествие в сочетании с «Маршем миллиона афроамериканцев на Вашингтон».

Толпа возликовала!

Мизерабли всех пород и экстерьеров оглушительно заорали «Ура» как минимум на пяти языках. Крик не стихал несколько минут.

Я и сам заразился.

Обрадованные узники начали бросать в воздух все, что попадалось под руку, – бейсбольные кепки, пропахшие потом футболки, пластиковые миски, ботинки и даже стулья.

Какой-то карбонарий из «умников» перевернул один из столов, за которым зэки с утра до вечера играли в карты. Дурной пример оказался заразительным – в течение пары минут на дыбы встали все столы первого этажа! По бараку прошел Мамай. Человеческое море и «плавающие» в нем посторонние предметы двигались в новогоднем броуновском движении. Я уже ничего не понимал.

В 12.15 ночи, к довершению печальной картины коллективного сумасшествия, какой-то идиот сорвал пожарную сигнализацию.

Пренеприятнейший рев мог дать фору реактивному двигателю челнока «Коламбия». Замкнутое бетонное пространство с невысокими потолками усиливало эффект конца света – звук детонировал от стен и разрушал до основания остатки зэковских мозгов.

Я обеими руками, совсем по-детски, зажал уши и выбежал в мигающий пожарными огнями коридор. По нему уже шлындали злые на весь мир зольдатены и загоняли каторжан по камерам. Слившись с толпой беженцев, я просочился в свою камеру, не

раздеваясь, залез под одеяло и притворился спящим.

Ровно через минуту дверь распахнулась от громкого удара подкованного ботинка. На пороге стояли два дуболома и пытались рассмотреть наши лица.

«Вставай, пьяная тварь, по тебе „дырка“ скучает!» – вежливо обратились они к «хорошенькому» и слабопонимающему что к чему итальяшке Джону. Вслед за ним в «спецмедслужбу» отправили доминиканца Эдама.

Я слышал крики охранников, доносившиеся из коридора и соседних камер, – зачистка шла ударными темпами. Любитель потусоваться Л. Трахтенберг избежал праздничной экзекуции просто чудом.

В ту незабываемую ночь только из моего отряда в карцер загремело человек сорок. Старожилы такого припомнить не могли – обычно менты закрывали глаза на новогоднее «безумство храбрых».

…Часам к четырем утра мой «билдинг» начал постепенно приходить в себя. В ватерклозетах опять закурили злые табаки и марихуану, а из кабинок снова раздавалось еле слышное чириканье по контрабандным мобильникам: «Happy New Year, baby!»[19]

За окном лаяли собаки охраны.

Падал новогодний снег…

Марина Крамер
Новогоднее танго

Свои первые туфли для танго я шила на заказ зимой одна тысяча девятьсот девяносто… ну, неважно, какого года, скажем просто – очень давно. Настолько давно, чтобы я теперь могла и не помнить всех подробностей той истории, кроме, может, самых главных. Был Новый год, и была милонга (танцевальная вечеринка, на которой танцуют танго)… Но лучше по порядку.

Любите ли вы танго? Нет, не так – любите ли вы бальные танцы вообще и танго в частности? Этот вопрос я задаю практически всем своим знакомым и теперь довольно часто получаю утвердительный ответ. Но в то время, о котором пойдет речь, в нашем большом, но довольно удаленном от Москвы сибирском городе о таком явлении, как аргентинское танго, слышали только совсем уж профессионалы. Я занималась танцами с детства, потом на какое-то время прервалась и, если бы не жизненные обстоятельства, возможно, никогда к этому бы не вернулась. Но случилось так, что ровно за полтора месяца до Нового года я развелась с мужем и впала, как сейчас это модно называть, в легкую депрессию. Собственно, это теперь я понимаю, что переживать повода особенного не имелось – я была молодой, привлекательной девушкой двадцати двух лет – смешно, правда? Детей в этом браке мы, к счастью, завести не успели, так что штамп о разводе был всего лишь пусть и неприятной, но довольно безобидной формальностью.

Словом, аккурат в последних числах ноября я осталась без мужа, без компании, в которой собиралась праздновать, и почувствовала, как мне срочно требуется какое-то мощное средство, способное вернуть меня в нормальное состояние. Ничего толкового, к сожалению, в голову не приходило.

Но, как часто бывает в подобных ситуациях, в дело вмешался случай. Я встретила в стационаре, где подрабатывала медсестрой, своего бывшего тренера по бальным танцам Станислава Петровича. Не скажу, что он меня сразу узнал, да и немудрено – я слегка выросла, изменила прическу и цвет волос. Но, разговорившись со мной у поста, он, конечно, припомнил, что когда-то я тренировалась в его клубе.

– Жаль, что сейчас уже не вернешь того времени, – сказала я с искренним сожалением. – Мне бы не помешали пара кругов по паркету – просто настроение поднять.

– Так приходи, в чем же проблема? – пригласил он

неожиданно, и я слегка растерялась.

– Как – приходи, куда?

– А к нам в клуб. Адрес помнишь? Ну, вот и приходи прямо завтра вечером, если свободна. У нас довольно большая группа взрослых танцоров-любителей, ребята собираются три раза в неделю после работы и танцуют. Вспомнишь, как это бывает, а я буду рад тебя увидеть.

Не знаю, что двигало мной в ту секунду, но я согласилась.

Вечером следующего дня, около восьми, я стояла перед входом во Дворец культуры и не решалась взяться за ручку и открыть дверь. Куда я иду, зачем? Незнакомые люди, танцуют давно, друг друга знают, а я уже, честно признаться, и не все движения помню. Но сидящее во мне любопытство все же заставило преодолеть страх и войти.

В просторном холле переобувались несколько человек – трое довольно нестарых мужчин и пять-шесть женщин самого разного возраста. Моложе меня или хотя бы ровесников не обнаружилось…

Специальных туфель у меня не было, потому я взяла с собой обычные босоножки на среднем каблуке, торопливо в них переобулась и поспешила за танцорами в зал.

Удивительно, но там почти ничего не изменилось с того самого дня, когда я покинула клуб. Завидное постоянство… Знакомые зеркала во всю стену, уже слегка помутневшие, как-то быстро вернули меня в ту атмосферу танца, что окружала меня в этом зале много лет назад. И Станислав Петрович, хоть и заметно постаревший, но по-прежнему импозантный, статный и смешливый, все так же привычно вышел на центр, встал перед выстроившимися в две линии танцорами и сделал поклон.

– Сегодня у нас новая девушка. – Он поманил меня рукой, и я, испытывая странное смущение, вышла к нему. – Знакомьтесь, это Марина, моя воспитанница, занималась здесь, еще будучи ребенком. Теперь вот решила снова примкнуть к нашей танцевальной семье. Так давайте поможем ей на первых порах, да?

Все зааплодировали приветственно, а я почувствовала себя еще хуже – такое внимание всегда приводило меня в состояние крайнего волнения. Но Станислав Петрович, похоже, совершенно не заметил моего состояния:

– Давай так. Сегодня твоим партнером буду я, а дальше посмотрим. Можешь привести своего мужа, друга – или кто там у тебя есть. А можешь, как многие здесь, танцевать со всеми по очереди. Здесь не конкурсная группа, люди приходят получить

удовольствие, потому стараются не образовывать устойчивых союзов.

– Мужа у меня нет, друга тоже, так что последний вариант меня очень даже устраивает, – улыбнулась я.

Оказывается, все в этой группе было не так просто. Они не танцевали те танцы, на которые я рассчитывала, – никаких вальсов, фокстротов или – упаси боже – латины. Нет. Здесь царило аргентинское танго, о котором я не знала ничего. Ни позиций, ни шагов – вообще ничего. Этот танец не относился к той программе десяти танцев, что я танцевала, занимаясь здесь ребенком. Это оказалось совершенно новое и неизвестное мне направление. Станиславу Петровичу пришлось здорово потрудиться, показывая мне абсолютно незнакомые шаги и фигуры с красивыми, но непонятными пока испанскими названиями. Попутно он успевал давать краткие характеристики элементам и объяснял то, чего я не понимала. Оказалось, что в аргентинском танго, не в пример танго классическому, исполняемому на конкурсах, не запрокидывают голову назад, как я привыкла, а склоняют ее к партнеру. Смотреть на ноги – моветон, а как на них не смотреть, если твоя нога то и дело оказывается то зажатой ступнями партнера, то должна быть вовремя отдернута назад, иначе партнер на нее наступит? Это оказалось так сложно, что к концу урока я чувствовала себя ровно так же, как обычно чувствую, выходя из больницы с тридцатишестичасового дежурства. Н-да, вот так расслабилась…

Станислав Петрович дал мне с собой какую-то толстую, потрепанную тетрадь и попросил к следующему занятию прочитать хоть немного о том, чем мы занимались. И еще – он посоветовал все-таки сменить обычные босоножки на специальные туфли для танго:

– Ну, ты ведь понимаешь, что во всем нужно следовать этикету, в том числе и с обувью, правда? Кроме того, открытый носок туфли дает твоему партнеру понять, что ты ему доверяешь, учти это.

Зарплата медсестры не позволяла совершить такой необдуманный шаг, как шитье на заказ специальных туфель, однако я почему-то решила, что непременно это сделаю. На следующий день после смены я, одолжив недостающую сумму у мамы, поехала в ателье и заказала черные замшевые босоножки на шпильке. Мастер, очевидно, заметил, какое нетерпение отразилось на моем лице и какое отчаяние, когда он назвал срок исполнения заказа, а потому пожалел и пообещал сшить туфли к выходному, не забыв, однако, добавить, что срочность обойдется мне еще в некоторую сумму. Надо ли говорить, что я

согласилась…

Оставшиеся дни я посвятила изучению потрепанной тетрадки с терминами и вечерним занятиям в клубе. Там мне на первых порах пришлось нелегко – даже самые пожилые партнерши выглядели на паркете куда лучше меня, молодой, гибкой и имевшей представление о танцах. Это было обидно до слез. Все свободное время я тренировалась то дома, то в процедурном кабинете, делая уборку после смены. Но, если сказать честно, моей целью являлось даже не само танго… Во время второго посещения клуба я увидела молодого мужчину, танцевавшего так, что при взгляде на него перехватывало дыхание. Настоящий Бог танго – ну, мне так показалось. Кроме всего, лицо его казалось смутно знакомым, но я никак не могла вспомнить, откуда именно знаю его. Мужчина не обращал на меня внимания – ну, еще бы, я-то не танцевала как знаменитая Карменсита Кальдерон! Но ничего… я непременно с ним потанцую, пусть даже для этого мне придется продать душу дьяволу (это, конечно, была шутка). Зато теперь у меня появился куда более мощный стимул для занятий, и я уговорила Станислава Петровича немного поработать со мной дополнительно. Он, правда, сперва усомнился в том, что я осилю работу с частыми дежурствами и нагрузки в виде дополнительных тренировок, но я настояла на своем. А уж когда впервые вышла на паркет в новых туфлях, желание мое только усилилось. До милонги, которая должна была состояться прямо в новогоднюю ночь, оставалось чуть больше трех недель…

По случаю мне удалось купить в палатке, торговавшей аудиокассетами, записи музыки для аргентинского танго, и теперь плеер и наушники стали моими постоянными спутниками. Я действительно начала танцевать всюду, где была для того возможность – на набережной, на автобусной остановке, спрятавшись за хлипкое алюминиевое сооружение, призванное защищать от ветра и снега, на дорожке, ведущей к моему подъезду. Наверное, со стороны это казалось безумием, но мне ужасно хотелось произвести впечатление на неприступного Бога танго и внушить ему мысль о необходимости танцевать со мной. Станислав Петрович с удивлением отметил как-то, что я с каждым разом танцую все лучше и легче:

– Никогда не думал, что бальное танго сможет подтолкнуть тебя к изучению аргентинского. Это ведь разные техники.

– Ну и что? В танго главное – страсть, душа, а не техника, – ловко исполняя ганчо (фигура в танго, называемая «крючок», – когда нога партнерши заводится с согнутым коленом под

выставленную ногу партнера, замирает на мгновение и убирается назад), сказала я, и Станислав Петрович рассмеялся:

– Забавная теория. Танго, детка, это прежде всего чувства. Но в танце чувств маловато, нужна все-таки и техника тоже. Да, если у тебя хороший партнер, то многие вещи упрощаются, хороший партнер способен вознести тебя на небеса, а плохой заставит даже самую лучшую партнершу чувствовать себя неловкой коровой.

– Все как в жизни, – улыбнулась я. – Хороший мужчина заставляет чувствовать себя королевой, а плохой… ну, пусть не коровой, но точно неудачницей.

В этот момент я вдруг вспомнила свежий штамп о разводе, красующийся в моем паспорте. Не могу сказать, что мой муж плохой человек… просто мы оказались очень разные, настолько, что, сойдясь в одном пространстве, почувствовали себя невыносимо чужими и одинокими. Наверное, в этой ситуации развод был самым лучшим выходом. Не стоит жалеть сейчас, потому что могло случиться и так, что жалеть пришлось бы, уже прожив жизнь рядом с чужим человеком.

Станислав Петрович заметил, что я как-то скисла, быстро сменил музыку и, оставив урок аргентинского танго, решил вспомнить бальное – то, что я умела куда лучше. Это вернуло мне уверенность в себе и отвлекло от грустных мыслей.

– Почему ты не приводишь на занятия какого-нибудь молодого человека? – спросил он, когда мы прервались и сели на длинную скамью у стены.

– Потому что у меня нет времени на молодых людей. Я или работаю, или танцую.

– Но я слышал, ты выходила замуж?

Такую неделикатность я не простила бы никому – кроме, пожалуй, Станислава Петровича, знавшего меня лет с семи.

– Да. Но теперь я в разводе. Давайте продолжим урок, – попросила я, вставая.

– Нет, давай сделаем все так, как положено по этикету, – ухмыльнулся Станислав Петрович, легко вскочил со скамьи и усадил меня обратно, а сам отошел в другой конец зала и оттуда устремил в мою сторону взгляд.

Я ответила легким кивком головы, давая понять, что согласна танцевать с ним следующую танду (длящийся в среднем двенадцать минут сет из трех-четырех композиций в одном стиле). И мы снова погрузились в мир аргентинской ночи и страсти.

Занимаясь в таком режиме, я успела довольно хорошо подготовиться к милонге. Оставалось решить, в чем именно на

нее пойти, потому что в танго наряд столь же важен, как музыка, туфли и партнер. Не хотелось ничего слишком обтягивающего, но в то же время скрывать фигуру тоже не стоило. Брюки я отмела по вполне понятной причине, хотя это и не запрещено дресс-кодом, – мне хотелось черные чулки в сетку, так босоножки выглядели более эффектно. Да и ноги мне это позволяли, чего уж там…

Выручила подруга – она прекрасно шила и за два вечера соорудила мне восхитительную юбку темно-фиолетового цвета с рисунком из набитых бархатных листьев. Высокий разрез позволял продемонстрировать ноги почти до верхней трети бедра, но заметно это становилось только в танце. К юбке полагался черный топ на бретелях, завязывающихся на плечах. Длина волос позволяла убрать их в высокую «ракушку», закрепив шпильками, и выпустить несколько завитых локонами прядей по бокам и сзади. Макияж я всегда предпочитала неброский, но в новогоднюю ночь решила, что хотя бы губы должны быть поярче.

Критически оглядывая меня с ног до головы, ехидная Ленка вдруг сказала:

– Знаешь, иногда приготовления к празднику бывают ярче и интереснее самого праздника.

– Это ты к чему?

– К тому, что может получиться так, что только вот эти сборы ты и запомнишь. А сам Новый год пройдет средненько.

Я не стала вступать с ней в спор и что-то доказывать. Ленка – существо сугубо домашнее, она любит тихие посиделки у телевизора, а мне в этом году хотелось хоть какого-то разнообразия. Пусть даже я не получу того, чего хочу…

Эта мысль, признаться, часто приходила мне в голову – а что, если мой Бог танго не придет? Ну, ведь могут у человека быть какие-то другие интересы, кроме танцев? И другая компания, а не кучка довольно разновозрастных людей, объединенных только танго? Я ведь даже не узнала, как его зовут… как-то не было случая, а по имени в клубе его никто, кажется, и не называл.

Решив, что не дам таким мыслям испортить мне праздничное настроение, я вздернула нос повыше, сунула юбку в пакет, где уже лежали туфли, натянула джинсы и ботинки и, чмокнув Ленку в щеку, ушла к себе. До милонги оставалось три часа…

Послонявшись из угла в угол по квартире, я решила поехать в клуб пораньше и помочь тем, кто отвечал за организацию банкета. Мне обрадовались – лишние руки всегда кстати. И вот я, переодетая, как и все, в нарядное, но в домашних тапочках, чтобы ноги не устали раньше времени, резала фрукты, расставляла тарелки и бокалы на поставленных буквой «П» столах,

перебрасывалась шутками со Станиславом Петровичем, облаченным в честь праздника в белый смокинг, – словом, вела себя так, словно не жду от Деда Мороза никаких чудес, а просто пришла на очередную тренировку – ну, разве что в зале стоит елка и мерцают гирлянды на окнах.

Когда зал наполнился танцорами и пора было садиться за стол, я вдруг поняла, что моего Бога танго среди всех нет. Я еще раз старательно поискала глазами его высокую спортивную фигуру и поняла, что чуда не произойдет. Его не было. Ну, что ж… наверное, так и должно быть – не замахивайся на Бога, только и всего. Значит, буду довольствоваться сегодня простыми смертными. Похоже, подруга моя оказалась провидицей…

Пара бокалов шампанского, которое я не особенно люблю, немного улучшили мне настроение, и я даже станцевала пару танд с двумя довольно обаятельными партнерами возраста моего папы и чуть моложе.

Стрелка больших настенных часов двигалась к двенадцати. В зале было шумновато, но атмосфера танца и праздника захватила и меня тоже. Да и шут с ним, с этим Богом танго – я даже не знаю, как его зовут, с чего я вообще вдруг решила, что мне непременно нужен танец с ним? Что от этого изменится? Махнув рукой на несбывшиеся надежды, я начала веселиться, как и все.

Без пяти двенадцать в дверь постучали, и на пороге появились Дед Мороз и Снегурочка. О том, что они будут, мне сказал Станислав Петрович еще за неделю – мол, решил сделать сюрприз, пусть будет все, как положено по этикету. Слова «как положено по этикету» вполне могли бы стать девизом нашего клуба – настолько часто Станислав Петрович их произносил…

Дед Мороз зычно поздравил всех с Новым годом, Снегурочка вторила ему звонким, как колокольчик, голосом, и мужчины едва успели открыть бутылки и разлить шампанское по бокалам, чтобы дружно поднять их в тот момент, когда Куранты пробьют двенадцать. Я не помню, что загадывала, ведь с той ночи прошло довольно много времени, но атмосферу счастья, внезапно охватившего меня, помню до сих пор. Мне стало легко, весело и спокойно, как будто я увидела на дне бокала свое будущее.

– А теперь – танго! – объявил Станислав Петрович.

И я вдруг поймала на себе настойчивый взгляд – бывают такие взгляды, что ты чувствуешь его кожей, даже если стоишь спиной. Обернувшись, я поняла, что это смотрит на меня Дед Мороз. Мне ничего не оставалось, как согласно кивнуть. Он приблизился ко мне – в этом красном халате с белой опушкой, в шапке и с окладистой бородой, закрывавшей половину лица. Но при ходьбе полы «шубы» разошлись, и я увидела, что под ней –

широкие брюки и танцевальные туфли. Осторожно взяв мою руку, Дед Мороз привлек меня к себе, прислонился к щеке искусственной бородой – и мы заскользили по паркету под рвущего мне душу Астора Пьяццоллу.

Как же танцевал этот неведомый Дед Мороз… за повторение я могла продать душу… стоп! Кажется, однажды я уже произносила эту фразу про себя… Я чуть отстранилась и попыталась заглянуть ему в глаза.

– В танго голову назад не запрокидывают, – насмешливо напомнил мне Дед Мороз, и я его узнала…

Это был он – мой Бог танго…

– А я все думал – ну, неужели ты не догадаешься? – буднично спросил он, стягивая бороду вместе с шапкой. – Ты на дежурстве вчера мимо меня в приемном прошла и даже не заметила.

Это было еще удивительнее. Филипп Зарецкий, хирург из нашей больницы… То-то я и думала, откуда знаю его… Но на работе Филипп выглядел несколько иначе, там я никогда не замечала его легкой щетины, его собранных в хвост чуть вьющихся волос, его отличной фигуры, так идеально подходящей для танцев. Там он виделся обычным молодым доктором в синей сатиновой робе и колпаке…

– Извините… – пробормотала я, чувствуя, как краснею до ушей.

– Давай на «ты». Я за тобой наблюдал с того дня, как ты сюда впервые пришла, все ждал, что ты меня узнаешь, – сказал Филипп, избавляясь и от «шубы» и оставаясь в белой рубашке с распахнутым воротом. – На работе-то никто не знает, а я танцую уже много лет, еще в Москве занимался, пока учился в институте. А здесь с партнершами просто беда… нет, все хорошо танцуют, ты не подумай, – поправился он и объяснил: – Просто хочется кого-то близкого по возрасту, а тут самая молодая дама – чуть моложе моей матери. И вдруг – ты. Я у Станислава Петровича спросил, откуда ты взялась, он и рассказал, что ты раньше у него занималась. В общем, это судьба, ты не находишь?

Мы стояли среди зала, на нас то и дело натыкались танцующие, и Филипп предложил сделать передышку:

– Я вижу, что ты как-то растерялась.

– Я не растерялась. Просто не очень приятно сознаваться в собственной недальновидности и невнимательности. Ведь действительно – я тебя видела вчера, но мне и в голову не пришло…

– Ну, бывает. А теперь – танго? – Он вопросительно посмотрел на меня. – Сделаем все, как полагается по этикету? – Филипп подмигнул мне, и мы, рассмеявшись, снова пошли

танцевать. А я краем глаза заметила, как из-за стола мне показывает два больших пальца Станислав Петрович.

Мой роман с Филиппом длился гораздо меньше, чем роман с танго. Мы какое-то время действительно танцевали вместе, даже брали уроки у именитых танцоров, параллельно пытаясь устроить и свою личную жизнь. Все было красиво и страстно, как в танго, но в какой-то момент я вдруг поняла, что страсти и огонь во всем теле мне куда интереснее на паркете, а не в собственной жизни. Мы расстались друзьями и еще пару месяцев продолжали танцевать вместе. Потом моя жизнь сделала очередной крутой поворот, и мы расстались с Филиппом окончательно. Я не знаю, танцует ли он сейчас, и вообще – живет ли в нашем городе. Станислав Петрович, к сожалению, умер несколько лет назад. А я иногда под Новый год вспоминаю эту историю, потому что моя дальнейшая жизнь, так или иначе, оказалась все-таки связана с танцами, пусть уже просто бальными.

Хотя танго я больше не танцую.

notes

Примечания

1

ССП – Союз советских писателей.

2

Рождественские колядки.

3

Jingle Bells – «Звоните, колокольчики» – популярная рождественская песня.

4

Не принимая близко к сердцу.

5

Projects – многоквартирные субсидированные дома для городской бедноты.

6

Welfare – городская программа помощи беднейшим слоям населения США.

7

«Мамины жареные цыплята».

8

Квааанза – праздник афроамериканцев, приходящийся на конец декабря.

9

Сезонные поздравления и с Новым годом!

10

«Действуй, сестра».

11

Да благословит вас Бог!

12

Пожалуйста, остановитесь!

13

Gym – тренажерный и спортивный зал.

14

Отдел отдыха.

15

Латиноамериканские мужчины (*исп.*).

16

Буквально – «классическое слияние».

17

Новогодний шар.

18

«Десять, девять, восемь, семь…»

19

«С Новым годом, крошка!»